

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

ZAPOROZHSKAIA STARYNA

I. Sreznevskii

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
Xerox University Microfilms, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
University Microfilms Limited, High Wycombe, England

**This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.**

ЗАПОРОЖСКАЯ

СТАРИНА.

Sreznévskii / Izmail Ivanovitch

Zaporozhskaiā starina,

ЧАСТЬ I.

Glucho wszędzie, ciemno wszędzie!

Mickiewicz.

Такъ вѣчной памяти бывало

У насъ въ Гешманьщинѣ коли-сь.

Котляревскій.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1833.

DK 508

.75

.S 78

v. 1, pt. 1-3

sla

INCHES

1

2

3

4

5

CAT. NO. 73035 STUDENTS RULE

cenco

CENTRAL SCIENTIFIC COMPANY

ОР. 8.450
X.729.644

ЗАПОРОВСКАЯ СНАРИКА.

ПѢСНИ И ДУМЫ

О

**ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ ДО БОГДАНА
ХМЕЛЬНИЦКАГО.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

*съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представ-
лены были съ Цензурный Комитетъ пять
экземпляровъ. Москва. Мая 19 дня 1833.*

Цензоръ Даивубскій.

52098W

101
1
4898
Издавая въ свѣтъ мое собра-
ніе Запорожскихъ пѣсень и думъ,
я имѣю въ виду оказать услугу,
хотя и маловажную, не однимъ
любителямъ народной поэзіи, но
преимущественно любопытствующимъ
знать старину Запорож-
скую, — бытъ, нравы, обычаи, под-
виги этого народа воиновъ, кото-
рый своею храбростію и смѣло-
стію, своимъ вліяніемъ на весь юго-
востокъ Европы и даже малую
Азію особенно въ XVII столѣтіи,
своимъ страшнымъ составомъ, и
образомъ жизни, и характеромъ,

Часть I. (5)

1

будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства. Лѣтописи Украинскія повѣствуютъ только о подвигахъ сего народа, касаясь очень рѣдко до внутренней жизни его, и самыя даже подвиги описываютъ иногда кратко, иногда не вѣрно, сбивчиво, часто противорѣча одна другой. Еще меньше заслуживаютъ вниманія лѣтописи Польскія; еще меньше — лѣтописи Молдавскія, наконецъ Русскія лѣтописи почти ничего не говорятъ о Запорожцахъ. Эта бѣдность исторіи Запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ, заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ, — и онъ находитъ для своихъ

исслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

• Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ воиновъ Запорожскихъ во все ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями, подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ,

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

И досель на Украинѣ есть
какъ - бы особенный цѣхъ стари-

ковъ, кои то, подъ названіемъ и ремесломъ *нищихъ*, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село, и тѣшатъ народъ своей игрою на бандуръ, (*) своими печальными пѣвками пѣсень и думъ старинныхъ, своими рассказами про былое.

Въ памяти сихъ стариковъ, живетъ старина Запорожская, и въ селѣ отношеніи сіи старики важнѣе всякихъ летописей. Хотя

(*) Инструментъ въ родѣ гитары о 12-ти и даже о 28 струнахъ. *Негавъ* упоминаетъ о *пандуръ*, похожемъ на цинну и употребляемомъ Горцами. См. *Поляр. Звѣзду* на 1825, стр. 235.

преданія о старинѣ, ими рассказы-
ваемые, и подлежатъ строгой кри-
тикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необ-
ходимы для всякаго, кто желаетъ
знать исторію Запорожцевъ и да-
же остальной. Украины. Что ка-
сается до событій, до вѣншей
исторіи народа, какъ называютъ
Ильцы, то въ сихъ преданіяхъ мо-
гутъ быть ошибки въ мелочахъ, —
въ именахъ собственныхъ, въ по-
слѣдовательности происшествій.
Этого рода преданія можно повѣ-
рить летописями, еще лучше свѣ-
рить ихъ между собою; ибо ни
ложь ни ошибка не можетъ быть
общей, одинъ бандуристъ скажетъ
такъ, другой иначе; критика по-
можетъ отличить истину отъ вы-

(0)

мысла. Другой родъ преданій бандуристовъ—о бытъ, правахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т. е. о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоценны, ибо единственны въ своемъ родѣ и по содержанію, и по обширности.—Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другаго рода суть пѣсни и думы.

II кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками, — старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго слад-

когласія, ни изпъженности чувствъ,
ни роскоши выражений. Пьтъ! въ
нихъ все дико, подобно дубровамъ
и степямъ, воспринявшимъ ихъ на
лоно свое при рожденіи, — все по-
рывисто подобно полету урагана
степного, подъ глухіа завыванья
котораго онъ взлеляны, — все бур-
но, подобно минувшей жизни Запо-
рожья. Пъжное чувство нерѣдко
пробивается сквозь грубую обо-
ложку оныхъ, но какъ кипучая вол-
на Пенасытенецкой пугины Пекла
среди холода зимняго сквозь про-
зрачную кору льда, ее покрываю-
щую, — пробивается, и застыва-
етъ на оной. То пѣсни юноши, ко-
его сердце, погорствѣвши для у-
милнаго чувства любви, суровое,

непреклонное, радуется одною радостію победы и добычи, — питается однимъ желаніемъ битвѣ, — юноши, который, равнодушно взирая на гибель своихъ сподвижниковъ, съ отчужденіемъ отмицая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагой, самонадѣянностію. — То думы старца: убитая лѣтами голова его покоится на изголовьи могилы, готовой принять его въ свои пѣдра; его надежды исчезли будто дымъ сновидѣній; но его душа осталась еще одна улада, — то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбужда-

ющіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнилась ее старческаго вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго.—Въ пѣсняхъ выразилась лирика и драматика народной поэзіи Запорожцевъ; въ думахъ — мрачный, холодный эпизмъ.

Таковъ общій характеръ думъ и пѣсней Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора — беллетристика, важны для историка и этнографа. Подлинныя музыка, будучи вытверживаемы слово въ слово, или почти такъ, оны подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мѣстной, наклонностей народа: оны суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что

доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думѣхъ говорится о повѣствуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ; языкъ многихъ изъ нихъ, какъ замѣтилъ уже и К. Цертелевъ, устарѣлъ и для самыхъ Украинцевъ, между тѣмъ какъ языкъ народа необразованнаго, т. е. не имѣющаго своей письменной литературы, измѣняется чрезвычайнаго слабо и медленно.

Пѣсни и думы Запорожскія по предмету можно раздѣлить вообще на два рода: первый родъ заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы, собственно историческія, т. е. имѣ-

юція предметомъ повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ историческихъ; второй родъ можно назвать этнографическимъ, онъ заключаетъ въ себѣ пѣсни походныя, разгульныя, сатирическія, — думы правдоучительныя, религиозныя, и пр. Первый родъ важенъ преимущественно для вѣдѣній исторіи Запорожцевъ, второй для исторіи внутренней. Сіе раздѣленіе употребилъ я и въ настоящемъ изданіи. Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмельницкаго.

Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣ-

сень и думъ Запорожскихъ издано было очень мало: К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пѣсню, Максимовичъ — около двадцати пѣсень; всего неболе 40 пѣсень, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоизвѣстность памятниковъ поэзи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользу оныхъ для исторіи Запорожцевъ — побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, погтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною;

большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, сверить списки, выбрать изъ нихъ лучшее, — наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ. Не думаю, чтобы въ сей первой тетради были вѣсь пѣсни и думы, относящіяся къ историческимъ событіямъ и лицамъ до Богдана Хмельницкаго: можетъ быть здѣсь и пѣть и половины, и того болѣе; по крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все что могъ; впрочемъ, предоставляя другимъ сдѣлать лучше, я не отказываюсь отъ продолженія сего труда, и все, что

внозь соберу, буду издавать въ Дополненіяхъ. Въ сей тетради помѣщены подлинники пѣсень и думъ, и варианты. Не прилагаю словаря, надѣясь современемъ издать полный словарь Украинско - Запорожскаго нарѣчія.

Наконецъ, — я употребилъ для пѣсней и думъ Запорожскихъ свое правописаніе, и потому нахожу нужнымъ представить главныя основанія онаго.

До сего времени появилось очень много мѣтій и правилъ относительно правописанія для языка Украинскаго; но большая часть сподвижниковъ на семъ поприщѣ отличались или любовію къ гумацкой грубости выговора, или зпор-

ностію и многообразіємъ своихъ правилъ. Больше другихъ любопытны мнѣнія Максимовича, изложенныя въ Предисловіи къ его собранію Малороссійскихъ пѣсень. Видно, Максимовичъ вѣрно подслушалъ мѣстные выговоры; но его правописаніе, будучи совершенно противно общему мнѣнію и употребленію, заведенному издавна, и притомъ неполно выражено въ правилахъ, не можетъ быть употребляемо вездѣ и всегда. Надобно было сохранить правильность выговора, не отдаляясь отъ общественаго употребленія, — и между тѣмъ, для пользы самаго же языка не оставить безъ вниманія этимологию. Я нарочно пересматри-

валъ вѣсь лѣтописи, бумагаи, письма, — словомъ все, что попадалось мнѣ подъ руки писаннаго на Украинскомъ языкѣ; прислушивался къ различнымъ мнѣніямъ; и наконецъ, сообразивши все, вывелъ для себя свои правила правописанія Украинскаго. Я почитаю ихъ самими лучшими; но, будучи подверженъ возможности ошибаться, отдаюсь на судъ и толки знатоковъ. Можетъ быть въ моихъ правилахъ найдутся ошибки, недомолвки, перемолвки и т. п. Можетъ быть—а чего не можетъ быть?—Можетъ быть вся связь моихъ правилъ есть одна огромная ошибка. Впрочемъ я вовсе не думаю о самолюбивомъ защищеніи себя и своего; мнѣ да-

же гораздо пріятнѣе будуть встрѣтити противниковъ съ доказательствами неосновательности и неправильности моихъ мнѣній, нежели защитниковъ съ похвалами: только отъ первыхъ могу ожидать истиннаго сужденія. И такъ:

1. Согласныя буквы я пишу всегда слѣдуя выговору народному, исключая буквъ ф и хв: Украинцы выговариваютъ ф какъ хв, а хв какъ ф.

2. Полугласныя буквы также пишутся по выговору, исключая одинъ случай, когда должно показать корень, напр. въ словѣ вѣйсько (войско) ѣ не выговаривается, но его должно писать, ибо не видно будетъ происхожденія слова; ь въ семѣ

словъ хотя и не нуженъ по происхожденію, но его требуетъ выговоръ.

3. Гласныя буквы. Между ними различить должно твердыя отъ млекихъ:

Твердыя: а, е, и, ы, о, у.

Млекія: я, ё, і, ѳ, ѱ, ё, ю.

Твердыя: а, о, у, — выговариваются и употребляются какъ и въ Русскомъ языкѣ; е, употреблялась также какъ въ Русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ Русское э, или Французское è; и, ы, — употребляются тамъ же едь и по Русски, но выговариваются иначе, объ какъ Польское или Богемское у, т. е. не много млеге Русскаго

ы, имѣя срединный звукъ между Русскимъ ы и ѳ.

Мякія вообще выговариваются какъ и по Русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная ѳ; напр: люди — какъ люди; ѳхати, по Укр. ѳхати, выговар. ѳхати. Буквы: я, е, ю, — употребляются тамъ-же, гдѣ по Русски; буквы: е́ ѳ́, — тамъ гдѣ твердыя е, и — выговариваются мягко; ѳ́, ѳ́́, — гдѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мягкаго и.

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: е, і, ѳ, ы — выговариваются мягко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква.

Вотъ все, что я считалъ нуж-

*нымъ объяснить предварительно мо-
имъ читателямъ.*

*Предаю на судъ благосклонно-
сти трудъ мой, и не премину вос-
пользоваться совѣтами, если толь-
ко буду ими удостоенъ.*

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ.

1833 года Апрѣля 2.

П Ъ С Н И.

1.

Надеробная пѣснь Свирговскому.

I.

Ой у городі у Черкасі
Сурьмы засурьмили;
Якъ тї Ляшські Комиссары
До Гетьмана приходили.

II.

Ой у городі у Черкасі
Бубны заорали,
Якъ тї Ляшські Комиссары
До Гетьмана прибували.

III.

Ой, Пань пышный, Пань Свирговскій,
А ще другій, Пань Зборовскій,

(27)

IV.

А ще третій, Морозенко,
А четвертий, Пань Горленко.

V.

Що нз Волохамн Турокъ дерешьом,
А нз Тапарами Волохъ бьешься.

VI.

Та Волошськи земли руйнують,
Плндрують, ще й не милують.

VII.

Ой, зайржали кони, кони,
Та пидъ гору идучи;
Заголосили бусурманы
Та до Киліи идучи.

VIII.

Опть якъ Пань Свирговський
До Киліи прпбувавъ,
Усїхъ Козакївъ собиравъ,
Та на Радї прохавъ.

IX.

Сизийъ дрлнкомъ лѣпавъ,
Яворонькомъ гнувся:
Де-сь шо я, мой милї брашья,
Та й сподїнуся.

X.

Сподїнувся Панъ Свирговськїй
У сырїй могилї,
Якъ Козаки бїля ёго
Та загомонили.

XI.

Плакала спара баба Грыциха
Мовь перепелиха, мовь перепелиха;

XII.

Молода сеспра сонь-праву ирвала,
Спарую пышала, спарую пышала:

XIII.

—Чи той сонь-права Козацькая сила?
Чи той сонь-права Козацька могила?

XIV.

— Ой, шой сонь-права, голубонько,
Зросшився у полі,
Та піймала шу праву недоля,
Та дала моїй доні.

XV.

Ой, доня-жь, доня, моя доня,
Годі сумовати;
Що нашого молодого Івана
У могилі шукаши,

XVI.

У глібокій у могилі,
Біля города, біля Киліи.

XVII.

Не по башенько сына прощавъ,
Шаблю ша зброю дававъ;

XVIII.

А по матери сына выпровожала,
Що смізьми опрощенье давала,

ХІХ.

Що сльзьми опрощенье давала,
Що на горе соби его выгодовала.

2.

*Вторая надеробная пѣснь Сви-
ровскому.*

I.

Якъ шого Папа Йвана,
Що Сви́ровського Гешьмана,

II.

Та якъ бусурманы піймали,
То голову ёму рубали,

III.

Ой голову ёму рубали,
Та на бупчукъ виішалл.

IV.

Та у сурьмы выйгравали,
Зь ёго глумовали.

V.

А изъ низу хмара спягала,
Що воропнѣзъ ключа набѣгала,

VI.

По Украинѣ пуманы клала:
А Украина сумовала.

VII.

Ой Украина сумовала,
Свого Гешьмана оплакала.

VIII.

Тоді буйны вишпры завывали.
— Де-жъ вы нашего Гешьмана сподѣвали?

IX.

Тоді кречешы наліпали.
— Де-жъ вы нашего Гешьмана жалковали?

X.

Тоді орлы загомопили.
— Де-жъ вы нашего Гешьмана захоронили?

XI.

Тоді жаворонки повилися.

— Де-жъ вы изъ нашимъ Гетьманомъ
просшилися.

XII.

— У глѣбокій, змогли,
Біля города біля Килій,
На Турецкій линіи.

3.

Убіеніє Серпяги.

I.

Ой у городі у Львові
Зашуміли вербы.
Козакъ бурлакъ вбитый лежишь
Серпяга ша мершвий.

II.

Ой у городі у Львові
Задзвонили дзвонь.

(33)

Козакъ бурлакъ вбишый лежишь.

Правляшь похорону.

III.

А у городи у Каневи

Та й заголосили,

Що Серпягу у могилу

Тихо положили.

IV.

Ой Серпягу положили,

Та и заховали;

Та поминь пра по Украини

Поминь видправляли.

4.

Надгробная пѣснь Серпягъ.

I.

Ой и сила, сила, сила

Силу подолила;

(34)

Серпягові ша у Львові
Споділа могла.

II.

Споділа могла,
Якъ Волохамъ любо,
Пришнали ша Серпягу
До сухого дуба.

III.

Ой Волохи, ой Волохи!
Зъ чёго-жь ёго звали?
Що Козакамъ Запорожцямъ
Та израду дали.

IV.

Та израду дали
Господарю своему.
Ой Гешьману Серпягові
Добро було й дома.

V.

Поминайше-жь лихомъ
Господаря свого.

Чи вѣшь добрый, чи вѣшь злюка,
Ой, що вамъ до того.

VI.

Хочъ вѣшь добрый, хочъ и злюка,
Абы не падлюка.
Прищипайте ша Серпягу
До сухого сука.

VII.

Що Серпяга шо Серпяга
Браша Жаха мае,
Та вѣдь браша, ша вѣдь Жаха
Помнишь сподѣвае.

5.

Сожженіе Магилева.

I.

Ой у городѣ Могилевѣ
Дымомъ пошнягнуло,

Якъ по вѣйсько Запорожське
Зъ гармапъ на ревиуло.

II.

Ой у городѣ Могилевѣ
Та спалося пусто,
Якъ повѣяли Козаки
Зъ самопалѣвъ густо.

III.

Ой у городѣ Могилевѣ
Орлы та гадюки;
Ляшськимъ пѣіюмъ годуюшься,
Ляшську пѣіу радуюшься.

IV.

Ой у городѣ Могилевѣ
Що пни та колоды;
Прилучилося, бачь, лихо,
Ляшськѣй породѣ.

V.

Не такое йще-бъ лихо,
Якъ шал позора,

Що ходишь ша по білу свипу
Зъ двора ша до двора.

VI.

Не такъ шая позора,
Якъ Козакамъ порада,
Що, Кравчину шануючи,
Ляхамъ далась зрада.

VII.

Далась Ляхамъ зрада
Изъ самого рана
Видъ Гешьмана Наливайка;
Шановного Пана.

6.

Убіеніє Наливайка:

I.

Славна спала ша Кравчина
Якъ на Польщу спала,

Вовкулакамъ Каполикамъ
Мстючи зраду здала.

II.

Тую зраду, тую зраду,
Що въ мурі въ шемниці
Зъ Наливайка позычала
Якъ зъ бѣддой вдовицы.

III.

Вдовинь сыну, вдовинь сыну!
Еще въ себе брашня;
А въ братівъ твоихъ Козаківъ
Богацько завзяпья.

IV.

Сходилися вси Козаки,
Раду положили,
Та на Раді на Поляківъ
Походъ присудили.

V.

Росходилися Козаки
Изъ своєї Рады,

Выбирали съ пидъ каміньивъ
Великіи клады.

VI.

Клады продавали;
Самопалы куповали;
Куповали самопалы,
Въ походъ выступали.

VII.

А по переду всіхъ Голый
Соколомъ лішае;
На конику вороному
Жахомъ выгравае.

VIII.

Привершали Козаченьки
По рапу до Слуцк,
Та зъ гармашы густовали
Кашоликівъ звучи.

IX.

А Ляхи й почувли
Увъ опвиптъ ревнули.

(40)

Бодай-же имъ шпакко й важко
Що вони ревнули.

X.

Що вони ревнули,
Біду провіщали;
А Козаки Гайдомаки
Думали й гадали.

XI.

Думали, й гадали;
Думали й гадали;
Тяжко, важко за Гепсьманомъ
Своимъ шумовали.

XII.

А въ Варшаві ша на Раді
Та судьи судили;
Та въ волю спалиши
Наливайка присудили.

XIII.

Присудили Наливайка
Та Ляхи спалиши,

Присудили Козаченьки

Ляхамъ вѣдомспини.

7.

Отступникъ Тетеренко.

I:

Ой по горі вѣперъ вые,

Вые, завывае;

А въ долині храбре вѣйсько

Въ походъ выспунае.

II.

Въ походъ выспунае

Та на бусурмана;

Коней знаряжае,

Молить Ашамана:

III.

Паде Ашамано,

Хоробрий Тетерю!

(42)

Веди-жь насъ на бусурмана! —

— Не була-бъ пошеря.

IV.

— Не такъ шая пошеря,

Якъ то, що-бъ подрашься:

Вже-жь не вѣчно пѣдъ Кановымъ

Намъ шупъ зоспавашься. —

V.

Ой по горѣ вѣшеръ вѣе,

А въ долини женци жнушь;

А по шляху по Серпягу

Тешерю везушь.

VI.

Та й везушь-же ёго,

А вѣшь ни до чёго.

Чи-жь вѣнь хворый, чи хмельный,

Тешеря старый!

VII.

Ой везушь-же ёго,

А вѣшь ни до чёго:

(43)

Везушь изъ Тешерею

Сына молодого.

VIII.

— Батько мій старый,

Що-жь шо буде зъ нами?

— Вже-жь не шо, шо Ляхи

Везушь до Варшавы.

IX.

А въ Варшаві ша на Раді

Судьи собі рядляшь;

Привезушь насъ до Варшавы

У яму засадышь.

X.

У яму засадышь;

Хлібця не дадушь,

Воды не дадушь,

Винця не дадушь.

XI.

А дадушь намъ сыру землю:

Іжъ, хочъ подавися;

(44)

Тидькѣ на свѣпъ Божій

Дивись, не дивися. —

XII.

Ой по горѣ вѣперъ вѣ;

А все поле — гуць, гуць.

А Теперю ша изъ сыномъ

У Варшаву везушь.

XIII.

А на рѣчкѣ на Вислякѣ

Судяшь, рядяшь ша Поляки;

Чи Теперю вбѣпи,

Чи у яму засадиши.

XIV.

Засадили Теперю

Изъ сыномъ у яму;

Та й зрядились ша продаши

Ёго бусурману.

XV.

Ой по горѣ вѣперъ вѣ,

А въ Бендерахъ дымно;

Часть I.

(45)

4

Тамъ Тешеря ша изъ сыномъ
Бъе Полякѣвъ дивно.

XVI.

Ой по горѣ вѣперъ вѣе,
Вѣе до Керману;
Тамъ Тешеря ша изъ сыномъ
Бъе вже ѣ бусурмана.

XVII.

Ой по горѣ вѣперъ вѣе,
А все поле — чкѣвъ, чкѣвъ:
Тамъ Тешеря ша изъ сыномъ
Часпуе Ляхѣвъ.

XVIII.

Часпуе, часпуе,
Та ѣ не начаспуе;
Бо Тешеря вже ѣ безъ сына
Ходить, ша сумуе.

XIX.

Сумуе, сумуе,
Та ѣ не перестане:

— Прощай сынку, сердце мое,
Серденько кохане. —

XX.

А рыбалка по бережку
Якъ ласпівка вьопься;
А башенько та по сынку
Тяжко, плякко рвешься.

XXI.

Плачь, плачь, Теперю,
По коханімъ сынку!
— Вже изъ Польщи, изъ Варшавы,
Не вернешся, сынку!

XXII.

Ой не дай-же, Боже;
У Польщѣ умерши!
Нихшо не посумуе
О своѣй смерши.

XXIII.

Тїлькї-жь воронь, ворожь
Прилетили до шебе,

Та й сядишь на тебе ,
Та поклюе тебе.

XXIV.

Ой поклюе тебе ,
Та й перестане.
Прилепнись зозуленька
Та плакати спане.

XXV.

Тільки ж ворогъ на зозуля
Й будуть тебе знаши ;
Тільки ж одна зозуленька
Й буде сумовати.

XXVI.

Жаль, жаль тебе, сынку,
Коханий жовниру,
Що промінявъ свою віру
На чужую віру.

8.

Убіеніє Тетеренка.

I.

Славна спала, славна спала
Та Чигринська-Рада ;
Що всієї Украині
Далася порада.

II.

Славна спала, славна спала
Та Чигринська січа ;
Що побито Каполиківъ
Зъ Подолья, зъ Поріччя.

III.

Славна спала, славна спала
Та Чигринська хмара ;
Що Кравчина Каполикавъ
Шохмільо задала.

(49)

IV.

Не такого похмілля ,
Якъ Козакамъ звесилъ ;
Не такои порады
Якъ Полякамъ примирья.

V.

Тільки по й горе, що Тешеренко
Зъ Ляхами здружився ;
Руйнуваши церкву Божу
Та й не успыдився.

VI.

Спали глуми , спали глуми ,
Спали й поговори :
То Козаки ша входились
У Раду по волі.

VII.

А у Раді присудили
Тешеренка ськапи ,
А піймавши Тешеренкові
Голову здіймаши.

VIII.

Якъ на шее обѣзався
Случай тій мопоркый,
Каже: — я ёго піймаю,
Голову зрубаю.

IX.

Та й усіхъ васъ, Гайдамакѣвъ,
Просипися мушу;
Подаруйше Случаевѣ
Шельмовацьця душу. —

X.

Пійшовъ Случай ша блукаши,
Теперенка шукаши;
Ось и спавъ вѣшь до Варшавы
Конемъ привершаши.

XI.

Ошь якъ спавъ вѣнь до Варшавы
Конемъ привершаши,
Сшавъ зъ Ляхами Теперенко
Зъ лѣса выхожаши.

ХП.

— Здоровъ, здоровъ, Тешеренко!

Якъ чци маєшь жиши?

Приказали Гайдомаки

Тебе изловиши. —

ХІІІ.

Тоді спали на Случай

Ляхи паспунаши,

А Случай спавъ Гайдомакивъ.

Биши ша рубашаи.

ХІV.

Усіхъ побивъ, усіхъ зрубивъ;

Тешеренка повязавъ,

До коняки привязавъ,

Та й заповлавъ.

ХV.

Случай, Случай половеу;

А Тешеренко бьешься,

Молишь, молишь Случасвиі..

— Лихо — ка — мнешься. —

XVI.

Минулося лихо,
Якъ спепы минули;
Та до Січч до великої
Хушко привернули.

9.

Подвиги Лободы.

I.

Ой у городі у Башурині
Дзвони задзвонили:
То Козаки Гайдомаки
У Раді радили.

II.

Ой у Раді ша радили,
Якъ на Польщу спашли,
Та на Раді присудили
Вкранцу єдишци.

Часть I. (53)

5

III.

Ошъ и вийшли Гайдомаки,
Хочъ шысяча й двѣсшй,
Та богацько та за ними
Зведеться корыспи!

IV.

А по переду Панъ Сулима
Ашаманъ Кошовій.
Чѣго-жь жаху завдавали,
Що вѣнь чѣрнобровій?

V.

Панъ Сулима, Панъ Сулима
Козаківъ збирае,
Та й усѣмъ тѣмъ Гайдомакамъ
Ошъ шакъ промовляе:

VI.

— Товарищи Гайдомаки,
Чинишь мою волю!
Що намъ треба видплащати
Вкраїнську недолю.

VII.

Хоть насъ, Паны Гайдомаки,
И пысяча й двіспі;
Та богацько ша за нами
Зведешься корыспи.

VIII.

Ой богацько ша корыспи
Зведешься за нами,
Коли схочете побипься
Бучно изъ Ляхами. —

IX.

Якъ на тее обізвався
Лободівській Чура;
До Козаківъ укланяе,
Опъ такъ промовляе:

X.

— Ой Панове Гайдомаки,
Добро себе майше,
Що за мого Пана Йвана
Ляхамъ відомщайше.

XI.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь то ты зобгався,
Що на Ляхівъ спавъ завперше,
Та й не сподівався.

XII.

Ой мій Пане, Пане Йване;
Називайкіль друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ,
Задавъ, та й байдуже.

XIII.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь то ты сподівся,
Що у мурі у пемниці
Ляхамъ знадобився.

XIV.

Ой Панове Гайдомаки
Пана Йвана вспомянише,
Та за мого Пана Йвана
Ляхамъ відомсишише.

XV.

Коли хочеше Украйну
До себе ёднаши,
То вамъ треба Пана Йвана.
Добромъ поминаши.

XVI.

Якъ Вкрайну тїи Ляхи
До себе ёдали;
Тодї наши зъ Папомъ Йваномъ
Въ походъ выступали.

XVII.

Якъ Вкрайну тїи Ляхи
До себе ёдали,
Тодї наши зъ Папомъ Йваномъ
Ляхївъ воёвали.

XVIII.

Ой и Ляхївъ воёвали,
Якъ по Бугу спали;
Та Гетьмана Попоцькаго
Двїчи заганяли.

XIX.

Ой и Ляхівъ воєвали,
Якъ по Пруту спали;
Того було що й Цоцору
Добре плидровали.

XX.

Добро було, добро було,
Та спалася й зрада.
Що забито Пана Йвана
У неділю зрана. . . .

10.

Походъ Сагайдачного.

I.

Ой на горі па жепці жнуть,
А по пидь горою,
По пидь зеленою
Козаки йдуть.

(58)

II.

По переду Дорошенко
Веде свое вѣйсько,
Веде Запорожське
Хорошенько.

III.

По середнїй Пань Хорунжїй.
Пїдъ нимъ кониченько,
Пїдъ нимъ вороненькїй,
Сильный й дужїй.

IV.

А по заду Сагайдачный ,
Що промїнявъ жїнку
На шюпюнь па люльку
Необачный.

V.

— Ой вернися, Сагайдачный;
Возьми свой жїнку,
Покинь мою люльку,
Необачный. —

VI.

— Мині зъ жинкою не возишься;
А пюшюнь та люлька
У дорозі Козакові
Знадобишься.

VII.

Гей, хто въ лісї, озовися,
Та викрешемъ огню,
Та запалимъ люльки.
Не журися!

11.

Подвиги Савы Чалого.

I.

Ой бувъ у Сїчї старый Козакъ,
Прозваніємъ Чалый.
Выгодовавъ сына Саву
Козакамъ на славу.

(60)

II.

Ой не схопѣвъ ша Пань Сава
Козакамъ служили:
Вѣкъ пѣшовъ до Ляшинькѣвъ
Славы залучили.

III.

Вѣкъ пѣшовъ до Ляшинькѣвъ
Службы вѣдправляли,
Изъ Ляхами православну
Церковь руйновали.

IV.

Ой и бувъ Сава, ша ѣвъ сало
Та все палиницѣ;
Не кохавъ Сава молодыхъ дѣвчашъ;
Та все малодицѣ.

V.

Не кохавъ Сава Панѣвъ Козакѣвъ
Та все Каполики.
Загубивъ Сава, пропесавъ Сава
Свою вѣру на вѣки.

VI.

Ошъ и збиралися Запорожьцї;
Всї у Раду схожали;
За походы шуды-сюды
Про мїжъ себе рахували.

VII.

Усї прїїшли, усї прїїшли;
Одного нема.
— Ой чѣмъ-же шебе, башьку Чалмї,
У Радї нема? —

VIII.

— Ой, чѣго-жъ та мнїї, Папове,
У Раду ходиши?
Що хочете мого сына Саву
На вїки згубиши.

IX.

Хочъ вїпъ спавъ собї до Ляхивъ,
Та вже-жъ, сынку милый,
Чѣмъ пы спавъ та до насъ
Такїй спавъ спесивїй? —

X.

— Ой, спесивій, не спесивій —
Паны кажуть — Сава;
Та не добра, зурівочна
Сшала ёго слава.

XI.

Що не тільки що Пань Сава
Церковь та руйнує:
Изъ бѣсамн ставъ за право
Й барзо знахорює.

XII.

Якъ на те обѣзвешься Голый,
Каже: — добре знаю;
Я шого Пана Сава
У руки піймаю.

XIII.

Опть и спали та Панове,
Раду розсучили;
Коней посїдали,
Въ походъ выпупали.

XIV.

Ой пье Сава въ Немирові
Въ Ляхівъ на обіді,
Та й не думає й не віда
О своїй горьковій біді.

XV.

Ой пье Сава, й гуляє,
Ляхомъ вирубає;
А до ёго що до Савы
Гонецъ прійїжає.

XVI.

— А що ты шупъ, Хомку?
Чи все гараздъ дома? —
— Пропопшана, Пане, спешка
До вашого двору.

XVII.

Та все гараздъ, та все гараздъ,
Усе хорошенько:
Споглядають Гайдомаки
Зъ за горы часхенько. —

XVIII.

— Опшъ-шо лихо ! выглядуюшь !

Я-жь ихъ не боюся.

Хиба-жь нема въ мене вѣйська ?

Я не забарюся.

XIX.

Подай хлопку, подай, Хомку,

Свого вороного ;

Собѣ сѣдлай, собѣ чухрай

Сшарого гнѣдого. —

XX.

Пойхавъ Сава зъ Пемирова

На воронѣмъ коню ;

А, прѣѣхавши, гадае

Та про свою долю.

XXI.

— Ой, пы-жь, доле — каже Сава —

Щербатая доле ! —

Пышаецься челядоньки:

— Чи все гараздъ дома ? —

XXII.

— Гараздъ, гараздъ, Пана Саво;
Ще лучше зъ побою,
Якъ шебе ша побачимо
Та на воронимъ коню.

XXIII.

Гараздъ, гараздъ, Пана Саво,
Усе хорошенько.
Выглядають изъ за горы
Козаки часпенько. —

XXIV.

Ой сивъ Сава въ конціѣ ошода,
Все листоньки пише;
А Савиха молодая
Дішину колыше.

XXV.

Сава листы пише,
Сава думку дбае.
— Ошь вже Сава, ша Пань Сава
Гадку замышляе. —

XXVI.

— Та пійди, хлопку, до пивниці

Та вшочи горілки.

Нехай-же ми напьемся

За здорові жінки.

XXVII.

Та пійди, хлопку, до пивниці,

Та й упочи пива.

Нехай-же ми напьемся

За здорові сына.

XXVIII.

Та пійди, хлопку, до пивниці,

Та й упочи меду. . .

Чёму-сь мнїй прудно, нудно. . .

Головки по звезду. —

XXIX.

Сидишь Сава въ концї спола,

Все листы чишае;

А Савиха молодая

Все дума й гадае.

(67)

XXX.

Сидишь Сава въ концѣ сшода,
Хлопця вызывае;
А Савиха молодая
Плаче, ша рыдае.

XXXI.

Та й не вспѣвъ-же хлопецъ
Зъ спѣны ключи зняши;
Сшавъ Йгнашь Голый съ Кравчиною
Ворошы ломаши.

XXXII.

Якъ вѣдсуне ша Пань Сава
Вѣконьце вѣдъ рѣнку;
А вже шїи Гайдомаки
Блукають по сѣнку.

XXXIII.

— Та здоровъ, здоровъ; Пане Сава,
Якъ ты себе маешь?
Що зъ далека госпей маешь
Чѣмъ ихъ привѣщаешь?

XXXIV.

Ой чи медомъ, ой чи пивомъ,

Чи горілкою?

Та прощайся-жъ зъ своимъ сыномъ

Та изъ жійскою. —

XXXV.

— Ой и чімъ мині васъ, Панове,

Чімъ васъ привіпаши?

Даровавъ мині Господь сына,

Буду въ кумы браши. —

XXXVI.

— Ой мы не того до тебе прійшли,

Що-бъ въ тебе кумовати;

А мы зъ того до тебе прійшли,

Що-бъ тебе розсчипати.

XXXVII.

Ой ведн-жъ насъ, Пане Саво,

У нову комору;

Та отдавай намъ, Пане Саво,

Козацькую зброю.

Часть I. (69)

6

XXXVIII.

Та опдавай намъ, Пане Саво,
Сукни, едамашки,
Що ты наживъ, вражій сыну,
Зъ Козацькон ласки.

XXXIX.

Ой мы не того до тебе прійшли,
Що-бъ въ тебе кумовашн;
А мы зъ того до тебе прійшли,
Що-бъ головку изняши.

XL.

Ой було-бъ шоби, Пане Саво,
Гардъ не руйновашн,
Коли ты хотівъ Запорожьцівъ
У кумы соби браши. —

XLI.

Ой кпнувсь та Папъ Саво
За свою ясну зброю;
Та пидняли при Гайдомаки
На при списы въ гору.

XLII.

Шапаешься, мопаешься,
Изъ жинкою прощаешься.

XLIII.

— Ой и дайше-жь мині, Панове,
Изъ жинкою попрощашися;
Ой дайше-жь мині, Панове,
Изъ силою собрашися. —

XLIV.

Ой не вспівъ же па Пань Сава
На коника впасши:
У кайданы заковали,
Спали на визь класши.

XLV.

— Ой, Панове Запорожьці,
Хпба-жь шо взмь слава,
Що въ кайданы па залипый
Лежишь у вась Сава?

XLVI.

Якъ бы вы ёго объ волю
Зъ кайданѣвъ пустили,
Славу-бъ собѣ наибѣльшую
Отъ - симъ залучили.

XLVII.

Якъ бы вы ёго объ волю
Мѣжъ себе приняли;
Славу-бъ собѣ наибѣльшую
Отъ - симъ даровали. —

XLVIII.

Шашаешься, моташешься,
Изъ жѣнкою прощаешься,
На всѣ чѣтыре стороны
Пакамъ покланяешься.

XVIX.

Ой и дали волю Савѣ
Въ походъ выступали,
Та богатырю Савѣ
Барзо дяковали.

L.

Що не вспівъ-же та Панъ Сава
Свого коника спрясти,
Та й спавъ Ляхівъ, та й спавъ Ляхівъ,
Якъ снопики класни.

LI.

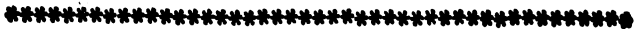
Ой не вспівъ-же та Панъ Сава
На коника сіспти;
Було Ляхівъ сорокъ тысячъ —
Зоспалося двісптій.

LII.

Ой якъ гляне та Панъ Сава
На правую руку:
— Ой выскочи, коню, коню,
Та зъ Ляшського шрупу!

LIII.

Ой якъ гляне та Панъ Сава
На правое плече, —
Позадъ ёго, попередъ ёго
Кроваваа рѣчка пече.

12.

Надѣробная пѣснь Чураю.

I.

Орлику, сизій орлику
Молодой Чураю!
Ой заблдижь тебе Ляхи
Та у своімъ краю.

II.

Що заблди тебе Ляхи
Изъ швоимъ Гепьманомъ.
Изъ швоимъ Гепьманомъ,
Що Пакомъ Спешаномъ.

III.

Орлику, сизій орлику!
Орливъ бративъ маешь.
Що спарын й молоды —
Самъ ихъ добро знаешь —

(74)

IV.

Що спарыи й молодии
Всї въ шебе вдалися,
Вѣдомспини ша за шебе
Усї поклялися.

V.

Що спарыи й молодии
Усї голыцины;
А въ ихъ коні вороныи —
Швыдкіи, быспрыи;

VI.

Швыдкіи, быспрыи,
Якъ орлы лишаюшь,
На Ляшськіи городы
Хмарой набѣгаюшь.

VII.

А въ ихъ списы булашкыи
Зь довгими кінцями,
Всї госпрї якъ голочки,
Зь довгими клюгами.

VIII.

А въ ихъ сабли булашныи,
На обѣдвы боки,
Ляхамъ зраду сыпляшь
По всѣмъ вѣчнѣмъ роки.

ДУМЫ.

1.

Дары Баторіа. Смерть Богданка.

То не вѣперъ буйный по степахъ
вые, завывае; то не Ханъ Тапарсь-
кій на Украину вѣйсько свое пасылае,
щобъ вою Украину, рѣдну мами на-
шу, безневинно пшидровало, жѣнокъ
та дѣвокъ та добро наше у полонъ
брало й забирало; коней та овецъ; усю
Божюю скопину у свои джерела зага-
няло, Козацькѣ холивы розбивало й
роззоряло; — то голяний Богданко
усѣхъ Козакѣвъ у Громаду созывае, у
сѣхъ Козакѣвъ, и служивыхъ и прос-

пыхъ, и сосѣдивъ, и пѣдсосѣдкѣвъ, и Хорунжихъ и прочихъ иныхъ спаршихъ, усѣхъ хоробрыхъ Солпникѣвъ и Полковникѣвъ у купу сзывае, скликае, до Громады зобирае; а самъ по серединѣ выхожае, шаблюкою блискае, свлпнымъ мѣспамъ ипри поклоны покладае, а на чѣшyre спороны по одному поклону, ша Козакамъ одилъ поклонъ, ша ще Солпникамъ ша Полковникамъ поклонъ; до Бога молитву чипае, а до Козакѣвъ до всѣен Громады шакъ промовляе :

— То не вѣперъ буйный по спепакъ вые, завывае; шо не Ханъ Ташарскѣй на Украину вѣйско свое насыллае, шо-бъ воно Украину, рѣдну мати нашу, безневинно илмидрвало, жѣнокъ ша дѣвокъ ша добро наше у полонъ браю забирало, копей ша овецъ,

усю Божюю скопину у свои джерела
заганяло, Козацькї холиви розбивало й
роззоряло; шо Король Польщи намъ и
вамъ подарокъ высылае, великїй даръ
даруе, насъ и васъ шапуючи и поважа-
ючи. Хоче вїнь, що-бъ вы, брашця, хо-
робрыи Козаки шоварищи, за ёго, Ко-
роля Польщи, Бога молили; ша ёму,
Королю Польщи, якъ Богови, що живе
высоко на небї, по вїрї и по правдї
служили, Ляхївъ бы не били, а зъ ними
якъ зъ рїдними братами жили, на Мо-
скалївъ бы пападали, Татариївъ-бы по-
бивали и воївали; а за сее вапему
Гоньмаповї, голшнєму Богданковї,
ша и намъ изъ нимъ великїй даръ да-
руе, а той великїй подарокъ даръ: бу-
лава золоша, ша хоругва зъ сїпрїбла,
ша бунчукъ зъ жеребци. Та йще той
Король Польщи ище, приписуе:— Хай-

же, ка, твои Козаки товарищи служатъ мнѣ вѣрою и правдою, якъ великому шому Богови, що живе високо на небѣ; а якъ не будушь служитъ мнѣ вѣрою и правдою, шо я имъ подѣ другий подарокъ подарую: хоробою ихъ пораду, хоробою шяжкою та важкою.—

А Козаки шое и зачували, до свого Атамана шакъ промовляли:

— Опѣ-се-жѣ намъ Король Польши великий подарокъ — даръ даруе, а не послужимъ мы ёму вѣрою и правдою, шо и хоробою, бачъ, якою-сь насъ порадуе. Якою-жѣ бы шо хоробою? Чи не слободою? Та якъ-бы вже опѣшою хоробою шо слободою, шо усимъ-бы намъ, товарищамъ Козакамъ, ишихъ даривъ и не преба. Служили-бъ ёму, Королю Польши, по вѣри и по правдѣ, якъ Богови, що живе високо

па небі; и Ляхивъ бы не били, и зъ ними якъ зъ рідними братами жали, на Москалівъ-бы нападали, и Тапарву-бы воєвали; и во віки-бъ вічнии не зломъ а добромъ па молитвою свого Пана великого, Короля Польщи именишого, якъ Бога-бъ шановали. —

Опъ-сее казавши, па й замовчали. Тоді Гешманъ голийній Богданко до Писаря свого Хомы Безродного, па до Куріинныхъ прохаючи підступает; и одного й другого барзо вынышуе, сповідуе; й те й друге, такъ и такъ выкладуе; походъ підъ Турка Козакамъ обіщуе, па велику здобыченьку на походи великому.

Такъ и такъ. Козаки Громаду розкладали, велику порадую мали, у походъ выступали; Турка рубали, пиндровали; па шупъ-же й Гешмана свого на

полѣ пѣдъ горою, пѣдъ густою раки-
шою, убитого знахожали, глѣбоку мо-
гилу копали, на могилѣ курганъ насы-
пали, бѣла кургана-могилы коня Турець-
кого Гешманьского зоспавляли, похо-
ронъ Гешмановѣ правили, отправля-
ли. Тупъ ёму и во вѣкъ лежати. До-
бычу свою побравши, до дому верна-
лись, Боговѣ молились, Спасителю хре-
стились, добромъ дѣлились.

Вони добромъ, — а мы чаронькой.

2.

Татарскій походъ Серпяги.

Ой по Чѣрному та по глѣбокому
моречку, по широкому та далекому
Дунаечку, злая буря выхожае, вышту-

пае, Козакѣвъ до земли чуждои провож-
дае; а изъ низу буйный вѣтеръ вѣе, по-
вѣвае; а по Чѣрному моречку супро-
тивная вѣля уславае, та по Чѣрному
морю волкомъ сѣроманьцемъ лае й гучае.

Собралися Козаки товарищи всѣ
хоробрыи Запорожьцѣи про ту ю бурю
мирковаши, тихои погодоньки по надъ
синимъ моремъ Дунаемъ пѣдждаши.
Одну годину пѣдждали, другу пѣджи-
дали; а злая буря все бѣльшъ высну-
пала, та й ни проше по Чѣрному мо-
рю глѣбокому, по Дунаечку далекому
та широкому тая буря не упимала, а
все злѣйшъ громомъ по небу тарахта-
ла, а блискавка мѣжъ хмарами лыска-
ла. Опѣ-подѣ Гешманъ Иваселько
Серпяга Козакѣвъ поварищѣвъ до себе
пѣдзываетъ, до Козакѣвъ поварищѣвъ шакъ
и шакъ промываетъ :

— Ой вы, Панове, ріднии мои братця, хоробрыи мои поварищи, Козаки Запорожьцѣ! Слухомъ николи не слухано, ша й видомъ николи не видано, що-бъ такая буря злая на Козакѣвъ шакъ мѣцно выступала й успавала, що-бъ такимъ громомъ блиськавкою шарахнула й лыскала, ша що-бъ вы, Панове Козаки поварищи, ось-такъ довго довгенько спояли, шихои погодоньки бѣля моря Дуная пѣждалили.

А Козаки шое й зачували, ша й усѣ мовчки замовчали. . .

— Коли-жъ мы шои бусурманьщины лякалися? Коли-жъ шаки мы вѣдь неи де-не-бушь ховалися? А шеперечка не по що-бъ бусурманьщины, а по не по бури излякалися, шихои погодоньки пѣждаючи, ша на злую й лихую бурю жалуючи, изо всѣмъ надѣрвалися.

А Козаки шое й зачували, ша й усї мовчки замовчали; барзо, барзо раховали, ничёго не промовляли, одинь одного споглядали, въ походь выступали.

Опть-се-жь идушь вони день, не день, не два й не три й не чёпыре; а алая буря лихая ша по Чёрному моречку, по далекому Дунасчку, барзо унимали; ша й супротивная фля у свои домовины, у ковбанюги бїжала, ша й шамь пропадала. А Козаки Боговї молитвы посылали, по три поклоны покладали, вїдпочишье мали. А пїсля всї Козаки въ походь выступали, изь своимь хоробрымь Гельманомь, Серпягою Йваномь, шяжко не-Христа розбивали; думали й гадали. Тай й пїдь городомь Керманомь изь бусурманськимь Сампаномь примпрье мали; у ёго худобу усю вїшнимали, усїхъ Ташарь буря-

кѣвъ розбивали, ѣ плиндровали. Тихою
погодолькой, зъ гарною добыченькой
до дому привершали.

3.

Битва Черинская.

Ой у нашій у славній Вкраині бу-
вали коли-сь преспрашныи злыгодни,
бездольніи годны; бували ѣ моря ѣ
військові чвары. Нихпо Вкраицівъ
не раповавъ; нихпо за нихъ Богові
молишвъ не пославъ; пількѣ свящій
Богъ нашихъ не забувавъ, на велики
зусилья на вѣщповѣщны державъ. Тѣль-
кѣ Богъ свящій знавъ, що вѣщ дѣ-
мавъ, гадавъ, замышлявъ, якъ невзгоди-
ны на Украинську землю пославъ.
Опѣ-же ѣ пройшли, изойшли злыи не-

години: не мае никого, що-бъ насъ
подолѣли. Тѣльки Богъ свѣпый знавъ,
що вѣнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ.

Не дець и не два Ляхи Украину
пцидровали, ни на часинокчу вѣдпо-
чишья не мали, коней на вваводахъ день
и нѣчь держали, до Гешьмана Наливай-
ка дорогу верспади. А Гешьманъ хо-
робрый Наливайко, що вѣнъ думае, га-
дае? Що вѣнъ за долю поварищѣвъ сво-
ихъ замышляе? Тѣльки Богъ свѣпый
знае, що ёму на номѣнцъ помогае.

Изъ за горы хмара выступае, вы-
спупае, выхожае, до Чигрица громомъ
выгрѣмляе, на Украинську землю блись-
каницею лыскае. То Поляки черезъ
при рѣки при переходы мали, та й
бѣля прешьёго перехода спаномъ спа-
ли, пуспили копей на попасанье, сами
собѣ дали на при години опочиванье.

А що Гетьманъ Наливайко думає, гадає? Що вѣсть на невзгоду Ляхівъ замышляє? Тільки Богъ по свящій знає, що ёму на помѣчь помогає.—То не хмари по небу громомъ свящымъ выгрѣмляють, по не свящыхъ вони до Бога провожають; — по Ляхи у бубны вдаряють, усе вѣйсько своє до купы у Громаду скликають, що-бы йшли усѣ до Громады на послушанье, слухаши Гетьмана Жолковського опповѣданье. Опъ-по й прійшли усѣ, рядомъ спали; усѣ рядомъ спали, та й замовчали, Гетьманську опповѣдь слухаши зачали; а, послухавши, копей сѣдали, черезъ бѣлу рѣку переходъ великій мали: мосты мостили, гребли гапили, коли забивали, горзину та дряпницю клали, черезъ бѣлу рѣку переходъ великій мали. А, перешедши, огороды та шанці

робили, увъ окрѣпъ гарматы спановили, а по передь гарматами при хресты у землю вколошили. А що первый хрестъ, шо Сомино висить; Сомино висить, барзо голосить; — а що другій хрестъ, шо Богунь висить; Богунь висить, шаблюкой лепощить; — а що прешій хрестъ, шо порожній спощить; усѣхъ ипшихъ Козакѣвъ до себе пѣдждае, Козакѣвъ оглядае. Хшо первый пѣдойде, шого гармата убье; хшо другій добѣжипъ, шого самопаль цапне; хшо ирешій пѣдскочипъ, шой хрестипься буде, й молишься спане; шо хрестъ зъ осоки, шо ёго надбае. А Козаки глѣдѣли, увъ очи вбачали, промѣжъ себе бурковали; при хоругвы на забаченье Ляхамъ спановили, на хоругвахъ уговоръ-рядну писали:

— Вірному православному Хрестьянсьтву миромъ миръ; а Ляхамъ ворогамъ пекельный пиръ. Кого хрестить, на того й хрестить. —

Опть-со-жь и пійщан Ляхи на чёшыре поля, що на чёшыре поля, а на пяте на Подолье; а Козаки Ляхівъ на всі стороны, по всімъ хрестамъ колошили; Ляхи опрощенья просили, ша не допросились. Не таковськи Козаки, що-бъ напасць забули.

Не таковськи й Ляхи, що-бъ опрощенья дали.

Буде й нашимъ лихо, якъ возуля ковала. Що вона ковала, то вона про мійжь свяпыхъ чувала; що вона ковала шому буни й спаши, якъ станушь бійсы правыхъ й неправыхъ ёднаши, души забираши, у пекло до купы складаши.

Видь того й сѣго Боже намъ по-
може. Про те вѣиъ и знае, що вѣиъ
думае, гадае; що Павловѣ Наливайковѣ
ша на помѣчь помогае. Не намъ за те
раховати. Наше дѣло Боговѣ молишь-
ся, Спасителю хреститись.

Ісусе Христе, сыне Божій, поми-
луй насъ, помилуй насъ, помилуй насъ!

Миромъ миръ міру Хрестьянсько-
му, а намъ усѣмъ души й шѣла здравіе
и спасеніе. Аминь.

4.

Смерть Федора Безроднаго.

По надъ Сагою Днѣпровою, моло-
дѣй Козакъ обѣдъ обѣдае; не думае, не
гадае, що на ёго молодого, ще й на Чу-
ру малого бѣда наспигае.

То не вербы луговин зашумѣли,
якъ безбожнѣ Ушкалы налѣпѣли, Фе-
дора Безрѣдного, Апамана Курѣнного,
пострѣляли, порубали, шѣлькѣ Чуры
не пѣемали. То малый Чура до Коза-
ка прибѣвает, раны ѣму глубокѣ про-
мывает. То Козакъ ѣму промовляет:

— Чуро мѣй, Чуро, вѣрный слуго!
Пѣйди ты степомъ по надѣ Днѣпромъ;
послухай ты, Чуро, — чи шо гуси кри-
чатъ, чи лебеди ячатъ, чи Ушкалы гу-
душъ, чи, може, Козаки Днѣпромъ и-
душъ. Коли гуси кричатъ, або лебеди
ячатъ, шо ты зжени, коли Ушкалы
гудушъ, мене схорони; коли-жь Козаки
ѣдушъ, шо объяви: нехай вои чѣвпы
до берега привертають, мене Козака
Федора Безрѣдного навѣщаютъ. —

То Чура малый по берегу пробѣ-

гавъ, Козакѣвъ зобачавъ, шапкою махавъ, словами промовлявъ:

— Панове, молодці, добре вы дбайше, чѣвны привертайше, до Ашамана Курѣнного поспѣшайше. —

То Козаки шее зачували, до берега приверпали, Ашамана жавѣщали. Тодѣ Козакъ Чуру выхваляе, словами промовляе:

— Чуро мѣй, Чуро, вѣрный слуго! Коли ты будешъ вѣрно пробуваши, будешь себе Козаки поважашы. —

То шее промовлявъ, опрощенье со всѣми бравъ, милосердному Богу душу опдавъ. Тодѣ Козаки шаблями сухо-дѣлъ копали, шапками, приполами перспь выѣмали, Федора Безрѣдного ховали, въ семипядѣ пищали гремали, у суремки жалобно выгваляли.

То ще добре Козацька голова зна-
ла; що безъ вѣйска Козацького не ви-
рала.

Б.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

• • • • •

Ой шодѣ шо не сивѣ шуманы вшпа-
вали, шо зъ города Азова при браша
зъ пляжкон неволи Турецькой вшпѣкали.
То браты старшѣ рѣднѣ, обѣдва кѣп-
нѣ, а найменьшѣй браць пѣшѣй пѣхо-
шою за кѣпными братами уганяе, на
сырѣ корѣнѣ, на бѣлѣ камѣнѣ нѣжки
свои Козацькѣи посѣвае, кровью слѣды
заливае, до кѣпныхъ брапѣвъ уганяе,
за спремена хвапае, дрѣбными слезами
обливае; словами промовляе:

(94)

— Брашы мои старші, рідненькі!
Прошу я васъ; хоть пришке надожда-
ше, коні свои Козацькіи попасите, ме-
не, найменьшого брата мѣжь себе на
коні возьмите, до города Хреспьянсь-
кого хочъ мало пѣдвезите, не хай-же я
буду знаши, куды въ города Хреспья-
нськи до опца до мамки дохожати!
Прошу я васъ, брашы мои старші,
хоча мене на коней возьмите, хочъ ми-
нѣ зъ плечъ голову здѣйте, въ чис-
тому полѣ шѣло Козацьке схороните,
пшыці й звѣрю на пошалу не пущите.

То старшій братъ шое зачуває,
до найменьшого брата словами при-
мовляє :

— Брате нашъ, найменьшій, ріднень-
кій! Рука наша не здѣмешся, сердце
не зосмѣлишся. Булашна шабля не йме
шебе, найменьшого брата рубати, луч-

ше будемо, браше, шернами та байраками гуляши, будемо шобі́ верхові́шья у шерні́въ спинаши, будемо шобі́ на признаки на шляху покидаши. —

То бі́гли ти́ брашы не день, не два, не при й не чёпыре, а найменьшого и́шого брата на Лзовському сшену покидаши; а якъ спали съ шерні́въ, зъ байракі́въ выбі́гати, и того й сёго найменьшому брату на признаки покидаши. То середульшій братъ спаршому брату словами промовляе:

— Брате мій спаршій, рідненькій, прошу я тебе: шупъ правы зелені́, воды здорові́, очереты удобні́! Спашьмо хочъ мало не много коні́ свои попасі́мо, свого и́шого брата хочъ прохе надоді́мо, на коней возьмі́мо, въ города Хреспьянськи хочъ мало надвезі́мо. Нехай-же нашъ найменьшій

братъ буде знаши, куды въ города
Хреспьяльськи до ошца до машки до-
хожати.

То спаршій братъ до середульшо-
го брата словами промовляе :

— Брате мій середульшій ріднень-
кій! якъ будемо свого брата пійшого
наджидати, то буде за нами зъ города
Азова велика погонь уганяши, буде насъ
кйныхъ братіивъ доганяши, буде насъ
на при шпуки рубати; або буде насъ
въ гйршу неволю живьомъ заверпати,
а нашого найменьшого пійшого брата
буде въ шерпахъ, въ байракахъ на спо-
чникахъ минаши, — шо мы свого брата
пійшого незвеземо, и сами зъ Азовськои
Турецькои неволи не вшечемо. —

То той середульшій братъ добре
дбае, одишь на собі каптанъ мае, ша
зъ пидъ шого жовтій ша чёрній кишы

выдирає, своему найменшому брашові по шляху покидає. Тоді б'ігъ той найменшій брашъ не десь, не два, не при й не чёшыре, — спавъ зъ шерпівъ, зъ байраківъ выбігати, спавъ жовпій па чёрній кипиці зъ шідъ каптана знахожати. Въ руки хвапає, дрібными слезами обливає, словами промовляє:

— Ой не дурно моихъ брапівъ кипиці по шляху валлюпсья! Певно, моихъ брапівъ обоихъ на світї не має! Певно, за ними зъ города Азова погопъ угацля, моихъ кінныхъ брапівъ доганяла, на три шпуди рубала; або їхъ ще въ гїршу неволю живьемъ завершала; а мене пїшого у шерпахъ па байракахъ на спочинку минала. Коли-бъ мній Богъ помігъ хоча їхъ шїло не живое у степу знахожати, могъ-бы я їхъ шїло Козацьке у степу поховати,

пшиці й звѣрю на пошалу не подаши.
Ой, годн-жь минѣ за кѣйными брапами
уганяши; часъ минѣ Козацькимъ ногамъ
пильгу даши. —

Що одно безводье, а друге без-
хлѣбье, а прешье буйный вѣсперъ въ
полѣ повѣває, бѣдного Козака зъ ногъ
валяе. Спавъ подѣ найменьшій браптъ
лѣшій свою Козацьку голову склоня-
ши! Спали подѣ сизокрылѣ орлы на-
лѣпаши, на чѣрныи кудри наступаша,
зъ лоба очи выдираши. То вѣнъ добре
дбае, до сизокрылѣхъ орлѣвъ словами
промовляе:

— Ой вы, орлѣ сизокрылѣ, вы, гос-
пи не любѣй и не милѣ! Изождише хочъ
мало не много; якъ буде душа зъ пѣ-
ломъ разлучашися, подѣ будете калѣ-
шаша, зъ лоба очи выдираши. —

Тоді ще й дрібна птиця налішала, коло жовтої кості піло обдира-ла. Ще й золули налішали, у головахъ сідали, якъ рідні сестри куковали, Ще й вовки сіроманій нахожали, жовту кость по балкахъ, по шерпахъ розношали, жалобенько квилили, проквляли. То-жъ вони усі Козацькій по-хорошъ одправляли.

Спали кінші брати до городівъ Хреспільськихъ дохожати, спала къ їхъ сердцямъ велика туга налягати. То середульшій братъ до старшого брата словами промовляє :

— Брапику мій старшій рідненькій! Не дурно къ нашимъ сердцямъ велика туга налягає: певно нашого брата меншого на світи не має. Якъ будемо, брате до свого опця й до ма-тери дохожати; якъ будушь вони насъ

пышаши, шо що, браше рідный, спаше-
немо казаши?

То старшій братъ до середуль-
шого промовляе :

— Скажемо: мы не въ одного Пана
въ неволі бували, ночной поры въ не-
воли вшпикали, ёго сонного будили, не
збудили; ша шамъ ёго у неволі й зо-
спавили.

То середульшій братъ шое зачу-
вае, до старшого брата словами про-
мовляе :

— Якъ не будемъ опцю й мащери прав-
ды казаши: шо буде насъ опцевська й
мащериинська молитва карати. —

Тоді старші брата у лісы Са-
марьски зайждали, по надъ річкою Са-
марью опочивку собі мали, коней по-
пасали. Въ той часъ безбожнии бу-
сурманы набігали, ша й шіхъ двухъ

Часть I. (101) 9 .

брапівъ піймали, у кайданы заковали,
на сшепу розйїзжали; а пїсля шїло
Козацьке карбовали, у чисшому полі
роскидали, голови на сабли вздїймали,
ша глумовали.

Опъ-же по, Панове, хоча й легли,
подегли голови прехъ брапівъ; ша
слава їхъ не помре мїжъ Царями, мїжъ
Панами, мїжъ православними Хресція-
нами.

Дай, Боже, міру Царському, міру
Хресстьянському, всїмъ здравіе намно-
га ліша. Амиць.

6.

Походъ на Поляковъ.

Ой пїшли Козаки на чєшыре по-
ля, що на чєшыре поля, а на пяше на

(102)

подолье. Що однимъ полемъ пійшовъ Самко Мушкець, а за Паномъ Хорунжимъ мало мало не при пысячи, усї хоробрыи поварищи Запорожьцї. На коникахъ выгравають, шабельками блискають, у бубны вдаряють, Боговї молитвы посылають, хресты покладають. А Самко Мушкець то вїшь на коню та й не выгравае, коня удержуе, до себе припйгуе; думае, гадае. Та що-бъ сню чорнїшь лихомъ вбили шу ёго думу, що гаданье. Самко Мушкець думае, словами промовляе:

— А що якъ наше Козачество мовъ у пеклї Ляхи спаять, та зъ нашихъ коспей Козацькихъ молодецькихъ пиръ собї на похмїлье зварянь. А що якъ наши головы Козацькї молодецькї по спену полю полягуть, та ще й рїдкою кровїю вмыються, цонерерасколо-

пими шаблями покрююсья. Пропаде
мовъ порошина зъ дула пая Козацькая
слава, що по всѣму свѣту дыбомъ спа-
ла, що по всѣму свѣту степомъ роз-
ляглась, просняглась, та по всѣму свѣ-
ту луговымъ гомномъ роздалась, Ту-
речини та Ташарцини добромъ лихомъ
знаши далась, та й Дяхамъ ворогамъ
на снисъ вѣдалась.

Закряче воронъ степомъ лѣпючи;
Заплаче зозуля степомъ скачучи;
Закуркують кречеты спзи,
Загадаються орлики хижи,
Та все усе по своихъ братахъ
По буйныхъ шоварищахъ Козакахъ.

Чи то ихъ сгарбомъ занесло, чи то
ихъ у Пекли попонуло, що не видко
чубатыхъ не то й по степахъ, не то й
по лугахъ, не то й по Ташарськихъ

земляхъ, не по й по Турецкихъ го-
рахъ, не по й по Чорнѣхъ моряхъ, не
по й по Ляшськихъ поляхъ. Закряче
воропъ, загруе, зашумуе, та й поле-
пнить у чужу землю. Ань ба! Кѣспки
лежать, шаблюки спорчать; кѣспки
хруспяць, шаблюки поперерасколони
бряжчать. А чѣрна, сива сорока зоска-
лилась та й басуе. А що головы Ко-
зацьки, то мовъ швецъ Семепъ шкуру
загубивъ а що чубы, мовъ чѣрпяка
джупы поробивъ. У крови усї та пса-
засыхали. Опъ по й славы забрали. —

Ой пѣшли Козаки на чѣтыре шля-
хи, то на чѣпыре шляхи, а на пяте
на Подолье. Що однимъ полемъ та пѣ-
шовъ Самко Мушкетъ, а другимъ по-
лемъ Спещько Кукуруза. Сивою гулуб-
кою голову свою буйную до долу за-
кинувъ. А за нимъ йдушъ мало мало не

три тысяч, усі хоробрый шоварищи
Запорожьци, на коникахъ выграваюшь,
шабельками блиськаюшь, у бубны вда-
ряюшь, Богови̂ молишвы посылаюшь,
хресты покладаюшь, до Спецька Ку-
курузы ось такъ промовляюшь.

— Чи ты живъ, чи здоровъ Пане
Стефане? Чи ты вмерь, що твою го-
ловоцьку дубомъ до долу пришибло?
Рахуванье не въ поминанье. Коли-жь
не-бушь треба та по насъ поминки
робити. Що по насъ, Пане, старі̂ ба-
бы спанушь у полі̂ свиспійци; а по
шоби̂, Пане, молодий дівчаша зачнушь
голосити. Та ще все однако, що Акимъ
що Яківъ. Ось якъ пристаемо до пя-
таго яра, шо хочъ и середь лі̂шечка
зашумишь, загуде не-дай-свійпа-чвара.
Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ко-
вала, шепомъ скачучи, лугомъ лі̂шючи;

що вона ковала, то правду казала. Наліпцять орлы хижіи, спанушь жалковати; а вороны наліпцять, та й спанушь здобычи ждаши й піджидаши. Толькь наліпцять опь.пій зозули, — то насъ незабули. Що Жидь, а що дідь, а що й Запорожській Козакъ. —

Ой пійшли Козаки на чѣпыре шляхи, що на чѣпыре шляхи, а на пяпе на Подолье. Що однимъ полемъ пійшовъ, то пійшовъ Самко Мушкетъ; а другимъ полемъ, то пійшовъ Спелецько Кукуруза, а третимъ полемъ то пійшовъ Карпо Півтора-Кожуха; на конику выгравает, пісьню співає. А за нимъ йдушь мало мало не при тысячи, усї хоробрыи поварищи Запорожцї, на коникахъ выграваютъ, шабельками блискають, у бубны вдаряють, Божї молитву посылають. А Карпо Паць

**Гешманъ на конику выгравае, пѣсню
спѣвае:**

Пресучая па журьба!

Вона мене засушила.

Вона мене молодого

Изъ нѣгъ извалила.

А я тѣй журьбѣ

Та й не пѣддаюся.

Ой пѣду я до шинкарки

Горѣлки напыюся.

Ой хто хоче меду пипи

Ходѣмъ до Жидѣвки,

А въ Жидѣвки чѣрнѣ брѣвки,

Высоки пѣдкнѣвки,

Й юпочка рябенъка,

Й сама молоденька;

Та яка-жъ хорошая,

Яка чопорненъка.

Шинкарочка моя

Насыпь мнѣ меду й вина,

(108)

Та щобъ моя головонька

Веселенька була.

— Коли ты жёнапый,

То иды до дому ;

А якъ не жёнапый,

То ночуй зо мною. —

Ой ё въ мене й жѣпка

И дѣпочокъ двое,

Та не пригоршаюшься,

Серденько мое. —

ЗАМѢТКИ.

(I)

Къ Пѣснямъ.

1.

Доспавлена мнѣ въ неполномъ спискѣ Н. В. Росковшенковой. Списокъ, по кошорому сія пѣсня здѣсь напечатана сдѣлана мною самимъ со словъ Бандуриспа. Въ первомъ спискѣ не доспавало куплетовъ: I, VII, VIII, IX, XI и XII.

Эта пѣсня замѣчательна разнообразіемъ размѣровъ, что меня и заспавляетъ предполагать, что она состоитъ изъ опрѣвковъ различныхъ пѣсней. Кроме размѣровъ доказательствомъ сему

(110)

предположенію можетъ быть и различіе голосовъ, на которые она поется; именно — куплеты: I, II, VII, VIII, IX, X, XIV, XV, — поются однимъ голосомъ; куплеты: III, IV, V, VI, XVII, XVIII, XVIII, XIX, — другимъ голосомъ; наконецъ XI, XII, XIII — третьимъ.

Въ Украинскихъ пѣсняхъ употреблены пять главныхъ размѣровъ. Каждый куплетъ въ пѣсняхъ перваго размѣра состоитъ изъ четырехъ стиховъ, изъ коихъ 2-й и 4-й рифмуются. Стихъ сего рода пѣсень имѣетъ всегда два ударенія, и никогда болѣе двухъ. Образъ расположенія удареній чрезвычайно разнообразенъ, и, кажется, не подлежитъ ни какимъ правиламъ.

Примѣръ :

Сизймъ ѳрликомъ лѣтѣвъ,
Яворѳнькомъ гну́вся:

(111)

— Де-сь то я', мой миліи брѣшья,
Та и сподінуся.

Куплешы вшораго размѣра пѣсень, каждый соспоишь изъ двухъ рѣмующихся стиховъ, и всякій стихъ имѣешь не менѣе двухъ и не болѣе шрехъ удареній.

Примѣръ :

А ще прѣпій, Морозѣнко

А четвёртый, Паць Горлѣнко.

Сіи два рода пѣсенныхъ размѣровъ суть самыя употребительнѣйшіе на Украинѣ. — Пѣсни шрешьяго размѣра шакже раздѣлены на двуспишные куплешы; по въ каждомъ стихѣ по чешыре ударенія.

Примѣръ :

Молодѣ сеспрѣ сонь-праву ирвѣла

Старую пышѣла, старую пышѣла.

Въ пѣсняхъ четвертаго размѣра куплеты также какъ и въ пѣсняхъ перваго размѣра состоятъ изъ четырехъ стиховъ съ шюю разницею, что здѣсь рифмуются въ каждомъ стихѣ: 1-й и 4-й, а иногда и 2-й и 3-й. Первый стихъ имѣетъ два ударенія, а 2-й, 3-й и 4-й по одному.

Примѣръ :

Гей, хто въ лѣсѣ, озовѣся,

Та выкроемъ огню ,

Та запалимъ люльки.

Но журился.

Пѣсни пятаго размѣра не раздѣляются на куплеты: каждый стихъ повторяется два или три раза, и рѣдко рифмуется съ другимъ стихомъ. Почти всегда послѣ каждаго стиха слѣдуетъ припѣвъ, кошорый иногда съ нимъ рифмуется.

Примръ :

Чи ты не чуешь, моя галочко, (2)

(Припльъ) Ой моя галочко.

О сихъ размѣрахъ будешь подробнѣе сказано въ собраніи женскихъ Украинскихъ пѣсень, которое я приготавливаю къ печати. Замѣчу мимоходомъ, что Украинскіе размѣры пѣсенныя принадлежатъ не однимъ Украинцамъ, но и многимъ другимъ Славянскимъ племенамъ: укажу на Поляковъ, Богемцевъ и Словаковъ; и особенно сказано въ то можно о первомъ размѣрѣ, на который сложена большая часть Украинскихъ пѣсень, почти половина извѣстныхъ свѣшу Богемскихъ, и почти всѣ Словацкія. См. Словацкія пѣсни моего изданія. Харьковъ. 1832. Малороссійскія пѣсни изданія Максимовича.

2.

Списана со словъ Бандурисша. Другихъ списковъ не имѣю.

3.

Имѣю два списка сей пѣсни. Оба сдѣланы мною со словъ Бандурисшовъ. По другому списку пѣсня сія начинаешся такъ:

I.

Ой зъ города изъ Полшавы
Выйзжали Козаки.

Усѣхъ було при таборы,
Та всѣ при ѣднаки:

III.

У первому таборѣ
Усѣ лейспровыи,

У другому таборѣ
Усѣ Хорунжїи;

У шрестъему таборѣ
Усѣ курїинныи.

(115)

III.

Ой йхали жь при дни
Й при ночи покушы,
Ой на прешью та у равцй
Треба въ Мержй буши.
А у городй у Львовй — и пр.

Нѣкоторымъ читателямъ покажется, можетъ быть, страннымъ, что второй куплетъ сего списка состоитъ изъ шести стиховъ. Надобно замѣтить, что при пѣніи пѣсень перваго размѣра два послѣднихъ стиха каждаго куплета повторяются обыкновенно два раза. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ прибавляется два лишнихъ стиха, кои поются вмѣсто повтореній двухъ предъидущихъ. Прибавленія такого рода бывають тогда когда смыслъ предположенный не умѣщается въ четырехъ стихахъ куплета.

4.

Списокъ здѣсь помѣщенный здѣлаю мною самимъ со словъ Бандурисша. Другой списокъ, полученный мною отъ Г. Дьячкова, соспоишь только изъ двухъ куплетовъ: V и VI. Въмѣсто *Серпяга* споишь въ семь спискѣ *Серпьяжина*.

5. 6.

Списаны мною самимъ со словъ Бандурисшовъ. Я не опиѣчаю разницы, находящейся между списками сихъ пѣсень, находящимися въ моемъ собраніи; ибо сія разница касается только до выраженій, и еще чаще до словъ, а не до самага дѣла или смысла.

7.

Доспавлена И. Лисавицкимъ. Я выпустилъ первый куплетъ, пошому

Часть I.

(117)

10

что онъ принадлежишь совершенно
другой пѣснѣ:

Ой на свѣшій жити лихо,
 Такій свѣшъ удався;
Що недолі Козачина
 Де-сь по сподобався.

Максимовичъ замѣпилъ мнѣ, что:
конецъ сей пѣсни, т. е. куплеты ХХІІ—
ХХVІ, имѣеть сходство съ концемъ
пѣсни помещенной въ его собраніи
Малорос. пѣснь, подъ N XII, стр. 17.

8.

Списана мною со словъ Бандуриста.
Во второмъ куплетѣ вмѣсто: *Полицья*,
какъ сказалъ мнѣ Бандуристъ, я упо-
требилъ *Поріцья*; ибо первое слово
имѣеть никакого значенія,
но употребляется по ошибкѣ.

9.

Списана со словъ Бандуришта.

10.

Выписана изъ Собрания Малорос-
скихъ пѣсень Максимовича. спр.
18 — 19.

11.

Имѣю подъ руками четыре списка
сей пѣсни: одинъ доставленъ Ѳ. С.
Евецкимъ; другой помѣщенъ въ Собра-
ніи Малороссійскихъ пѣсень Г. Макси-
мовича, спр. 33 — 37; два послед-
нихъ сдѣланы мною со словъ Банду-
риштовъ. Всякой изъ нихъ былъ не
полонъ, и пошому я рѣшился совоку-
пить сіи списки во едино. Думаю, что
не погрѣшилъ прошиву истины.

Списокъ, доставленный Г. Евец-
кимъ состоитъ изъ куплетовъ: IV,
XIV, XXIV, XXIX, XVI, XVII, XVIII,

**XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV,
XXXVI, XLI; XLII, XXVI, XXVII,
XXVIII, XIX, L, LI, LII, LIII.**

Списокъ Максимовича: XIX, XIX,
XX — XXI, XXII, XXIII, XXIV,
XXVI, XXVII, XXVIII; далье слѣду-
ещъ :

Тилькѣ-жъ шая челдонька

На порогъ ступае:

Ажъ Микншка Пану Савѣ

Чѣломъ опдавае.

Пошомъ: XXXIII, XXX; за вѣшимъ:

— Ой давъ-бы вамъ меду й вина,

Не хочете пити;

Ой вы мене молодого,

Хочете згубити.

Пошомъ: XXXVII; XXXVIII; наконецъ:

Ой кинеться та Пань Сава

До ясного меча. —

Его взяли на при списы

(120)

Изъ правого плеча.
Ой кинувся та Пань Сава
До яснои зброи. . .
Его взяли та підняли,
На три списы въ горі.
Ошъ-се-жь тобї, Пане Сава,
Сукпї, бдамашки,
Що ты наживъ, вражїй сыну,
Зъ Козацької ласки.
А Савиха молодая
Въ вїкно ушїкала,
На молоду челядоньку
Спильна поглядала.
Хапай, хапай, челядонько,
Малую дїшину;
Будешъ жиши й пановаши,
Коли я не згину.
Не боишься Козаченько
Ни грому, ни шучи:

Хорошенько въ кобзу грае

До Савихи йдучи.

Сихъ послѣднихъ пяти куплешовъ не
находится въ прочихъ трехъ спискахъ.

Третій списокъ состоить изъ ку-
плешовъ : I, II, III, V, XIV, XV, XVI,
XVII, XIX, XXIV, XXIX, XXX, XXXII,
XXXVIII, XXXVIII, XXXVIII, XL,
XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII,
XLVIII, XLIX.

Четвертый списокъ: I, II, VI, VII,
VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV,
XVI, XVII, XVIII, XX, XXI, XXIV,
XXVII, XXVIII, XXX, XXXI, XXXIII,
XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII,
XXXIX, XLI, XLIII, XLIV, XLV,
XLIII, XLIX, L, LI.

12.

Доспавлена И. В. Росковщенко-

(122)

вымъ въ спискѣ неполномъ; я добавилъ
его другимъ спискомъ.

(II)

Къ Думамъ.

1.

Списана мною со словъ Бандуриспа.

2.

Имѣю два списка сей Думы: оба
сдѣланы самимъ мною со словъ Банду-
риспа. Оба разнятся между собою
только въ словахъ, исключая только
одно мѣсто, которое находится въ
одномъ изъ списковъ, а въ другомъ вы-
пущено:

— Се вже справъ жѣпоцькій Коза-
кѣвъ подолѣвъ. Хпо-жъ ёго мѣжъ насъ
выгодовавъ? Хпо-жъ его намъ передавъ?
Якъ мы изъ Сулимою пѣдъ Бакирь хо-
дили, шо й подѣ хмары ша чвары насъ

до Турка водили; водили ша й до само-
го Турка провождали. То ни одинъ изъ
насъ про хмару ша чвару не раховавъ,
усякъ на Бога живѣишь свѣи покладавъ;
не за хмару ша чвару Богу молитвы
посылавъ; — Турка побипи моливъ,
Турка пѣи маши прохавъ, — у Турка до-
бычу взипи добыченьку Бога моливъ,
ша за сее по шри поклоны кожному
святому покладавъ, Машери Божіей
ша Христу Инсусу Спасителю по де-
вяипи поклонѣвъ. Опъ шодѣ наши й
воѣвали, на увесь свѣишь Божій свою
славу розсыдали, Ляхамъ себе увъ оби-
ду не давали; шѣлько Липвинамъ свои
шаблюки казали, шо Липвины не ми-
нуючи впѣкали. Опъ шодѣ наши й во-
ѣвали. Якъ вовки сѣроманьцѣ по бал-
кахъ ша по байракахъ блукали, зъ го-
родищъ Ташаръ мовъ курчашъ изъ хле-

вовъ выганяли; ша ни про що ѣ не дба-
ли. Опъ-шодѣ наши ѣ воёвали. Якъ бу-
ли наши пѣдъ Сосницею, або пѣдъ Ми-
кишною, ша якъ зъ самопалѣвъ одинъ
разъ зевнули, шо Ляхи якъ быки рев-
нули; а якъ двѣчи пуспили, шо въ
рѣкахъ ша въ озерцяхъ попили. Тамъ
вони, кашолики, ша вѣкъ и вшопали.
Опъ-шодѣ наши ѣ воёвали. —

Я пропустилъ здѣсь это мѣсто
потому, что оно находится въ другой
думѣ, которая будетъ помѣщена въ
четвертой книжкѣ: тамъ мѣсто сіе
имѣетъ связь съ предъидущимъ, и по-
тому, какъ мнѣ кажется, должно о-
спаться за тою думою. Въ думѣ-жъ о
Серпягѣ прибавляется оно, вѣроятно,
по ошибкѣ.

3.

Списана мною со словъ Бандурисца.

Часть I. (125) 11

4.

Выписана безъ измѣненія изъ Собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней, Князя Цершелева. С. П. Б. 1818. 48 — 50.

5.

Выписана изъ Украинскаго Альмахаха. 1831. стр: 124 — 131. Списокъ сообщенъ мнѣ А. Г. Шпигоцкимъ; я предпочелъ его другому, находящемуся въ Собраніи Стар. Мал. пѣсней Князя Цершелева. 21 — 25. Впрочемъ различіе между обоими списками очень не значительно.

6.

Списана мною самимъ со словъ Бандуриста. Для меня замѣчательна сія дума смѣщеніемъ рифмованной прозы, кака я обыкновенно употребляется въ Запорожскихъ думахъ, съ пѣсенными

(126)

стихами, во все не приличными важной думѣ, по мнѣнію Бандуристовъ. Это дума представляеть мнѣ почти единственный примѣръ подобнаго смѣшенія; впрочемъ, можетъ быть, стихи, въ ней заключающіяся, вставлены въ послѣдствіи. Пѣсня, кошорою дума оканчивается, поется и отдѣльно. Мнѣю при списка сей пѣсни: одинъ доставленъ Г. Хиждеу, другой О. Ст. Евецкимъ, третій Ив. Вас. Росковщенковымъ.

Причина, — почему я пишу думы не стихами, какъ это сдѣлали Максимовичъ и К. Церцель, а прозою, — будетъ для всякаго понятна, кто вникнетъ въ составъ слога думъ. Дума — не пѣсня, хотя и поется подобно пѣснѣ, подъ звуки бандуры; рифмы въ думѣ не составляютъ необходимости,

а суть только роскошь, служащая къ большому украшенію выраженій, и придающая слогу болѣе плавности и благозвучія. Чѣмъ болѣе рифмы, тѣмъ чаще рифмы, тѣмъ лучше слогъ думы: таково требованіе вкуса народнаго, таково правило народной пѣсники. Не такъ въ пѣснѣ, гдѣ и самыя рифмы подчинены правиламъ размѣра и употребленія, гдѣ рифмы необходимы. — Впрочемъ думы не произошли ли отъ пѣсень? Кто пѣлъ какуюнибудь пѣсню, не зная оной твердо, — поэтъ по необходимости прибавлялъ къ оной свои собственныя слова и выраженія, подъ ладъ своихъ словъ и выраженій измѣнялъ голосъ; пѣсенная правильность мало по малу терялась, и наконецъ совсѣмъ исчезла. Не могли-ли такимъ образомъ появиться думы? — Время и

обычай могли ушвердишь самобыт-
ность этого рода поэтических про-
изведеній народной Поэзиі Украинской.

НВ. Большая часть списковъ пѣ-
сень и думъ, здѣсь помѣщенныхъ, собра-
ны мною въ Павлоградскомъ уѣздѣ
Екатеринославской Губерніи, при по-
мощи тамошней помѣщицы Екатерины
Романовны Подольской, урожденной
Шидловской, которой за ревностное
участіе, ею принятое въ трудѣ моемъ,
приношу мою глубочайшую благодар-
ность. Очень многимъ обязанъ и Фе-
дору Степановичу Евецкому, который,
превосходно зная Украинскій языкъ,
по дружбѣ ко мнѣ, изъяснялъ мнѣ мно-
гія непонятныя выраженія, и снабжалъ
мѣспными преданіями.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in approximately 15 horizontal lines.

О Г Л А В Л Е Ц І Е.

Предисловіе 4

П Ъ С Н И:

1. Надгробная пѣснь Свирговскому 27
2. Вшорая надгробная пѣснь Свир-
говскому 31
3. Убіеніе Серпяги 33
4. Надгробная пѣснь Серпягъ . . 34
5. Сожженіе Могилева 36
6. Убіенію Наливайка 38
7. Отступникъ Тешеренко 42
8. Убіеніе Тешеренка 49
9. Подвиги Лободы 53
10. Походъ Сагайдачнаго 58
11. Подвиги Савы Чалаго 60
12. Надгробная пѣснь Чураю . . . 74

Д У М Ы:

1. Дары Башорія. Смерть Богданка 77

2. Гапарскій походъ Серпяги	82
3. Билва Чигринская	86
4. Смерть Федора Безроднаго	91
5. Побѣгъ прехъ брашьевъ изъ Азова	94
6. Походъ на Поляковъ	102
ЗАМѢТКИ:	
(I) Къ пѣснямъ	110
(II) Къ Думамъ	123
IV.	129

**ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.**

ЧАСТЬ I.

— II —

ХАРЬКОВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаннн предстаетены были въ Цензурный Комитетъ пять экземпляровъ, Москва, Августа 28 дня 1833.

Цензоръ Давыдубскій.

ЗАПОРОЖСКАЯ СШАРНА.

Сказанія Лѣтописцевъ

и

Преданія

о лицахъ и событіяхъ, бывшихъ

въ Украинѣ и Запорожьѣ

до смерти

Стефана Баторія.

Исторія України бѣдна исто-
тожниками Лѣтописными; однако
сія бѣдность заключається не въ
маломъ количествѣ и не въ крат-
кости Лѣтописей, но въ качествѣ
оныхъ.

Пусть тотъ, который имѣетъ
порядочный запасъ Украинскихъ
Лѣтописей разсмотритъ прилежно
Исторію Малой Россіи, составлен-
ную Бантышемъ - Каменскимъ, —
пусть сравнитъ онъ сказанія сего
перваго Историка України со ска-
заніями Лѣтописей, — и онъ вѣрно
останется пораженнымъ отъ изум-
ленія. — Почему Историкъ пользо-

вался лѣтописями такъ самопроизвольно; почему въришь имъ, когда хотѣлъ, — не довѣрялъ, когда хотѣлъ; почему предпочиталъ одну другою, и между тѣмъ больше или меньше пользовался вѣстию? — Подобные вопросы невольно предстанутъ уму его; и трудъ Бантыша-Каменскаго, неоцѣнимый, незабвенный, достойный благодарности соотечественниковъ, можетъ подвергнуться порицанію. Но справедливо-ли будетъ оно? — Никогда. Если историкъ встрѣчаетъ противорѣчія или не сообразности въ матеріалахъ, коими пользуется, — не долженъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ ли онъ слѣдовать законамъ вѣроятностей? върять тому, что до-

стойно вѣри, и не вѣритъ, если покажется невѣроятнымъ, и слѣдовательно предпочитаетъ одно сказаніе другому, и между тѣмъ больше или меньше пользоваться вѣсми? Бантышъ - Каменскій вписывалъ въ свою Исторію все, что находилъ достойнымъ вѣри, — опускалъ, что казалось несообразнымъ, и не могъ поступить иначе! Такого качества Лѣтописей Украинскихъ. Ихъ много; между ними есть и пространныя; но если выбросить изъ вѣсхъ вѣс противурѣчія и несообразности, коихъ объяснить не возможно ни какимъ трудомъ, ни съ какими познаніями, — то останется очень не большое количество сказаній. Вотъ почему

я назвалъ *Исторію Украины* бѣдною относительно источниковъ летописныхъ.

Вотъ почему предпочелъ многимъ пространнѣйшимъ небольшую *Летопись*, здѣсь помѣщенную. За неподложность оной можно ругаться: она блуждаетъ по *Украинѣ* въ безчисленныхъ спискахъ. Я выбралъ изъ нихъ тотъ, который казался мнѣ лучше. Не представляю вариантовъ; ибо они заняли бы слишкомъ много мѣста, и едва ли къ чему и кому были годны.

За *Летописью* слѣдуютъ *Замѣчанія*, думаю, что онѣ будутъ любопытны, хотя нѣкоторымъ читателямъ. Прошу извиненія въ краткости и недомолвкахъ: всего

въ одной книжкѣ помѣстить было невозможно; что не объяснено здѣсь, объяснится при удобныхъ случаяхъ въ послѣдующихъ книжкахъ. Источники, коими пользовался я при составленіи *Замѣчаній* суть:

I. Печатныя книги:

— *Исторія Малой Россіи Баттыша-Каменскаго (И. М. Р.); второе изданіе.*

— *Краткая Лѣтопись, изданная Рубаномъ.*

— *Исторія Государства Россійскаго; (И. Г. Р.) второе изданіе.*

— *Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Успенскаго: второе изданіе.*

— *Описаніе Украины, Боплана; Русскій переводъ. (О. У.)*

— *Исторія Государства Польскаго, Бантке; Русскій переводъ.*

— *Historya narodu Polskiego, przez Naruszewicza. (H. N. P.)*

— *Geschichte der Ukraine — Энгеля. (G. d. U.)*

— *Geschichte der Moldau und Walachey — ео-же (G. d. M.)*

II. Рукописи:

— *Исторія Руссовъ, Георіа Кописскаго.*

— *Краткій Лѣтописецъ Малоі Россіи Роголевскаго.*

— *Пространная повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ до смерти Гетмана Хмельницкаго.*

— *Записки Шафонскаго.*

— *Лѣтопись о проименованіи Козаковъ и дѣлахъ ихъ.*

— Меморіалъ о Запорожскихъ
Гетманахъ.

— Топографическое описаніе
Харьковскаго Намѣстничества.

III. Преданія — частію соби-
ралъ самъ отъ Банѣуристовъ и
простого народа, также отъ о-
ставшихся въ живыхъ Запорож-
цевъ; частію получалъ отъ дру-
гихъ. Долгомъ почитаю въ семъ слу-
чай свидѣтельствовать мою бла-
годарность Екатерины Романовны
Подольской (урожденной Шидлов-
ской), Оресту Степановичу Евецко-
му и Федору Степановичу Евецкому.
Ручаюсь за справедливость всѣхъ;
ибо онѣ почти всѣ повѣрены мною
на мѣсть. Впрочемъ желаю, что-
бы мною повѣренное было повѣре-

но и еще къмъ нибудь: критика въ семъ случаѣ важнѣе нежели едѣ индѣ.

Я исчислилъ только главные источники; прочихъ книгъ и рукописей, коими пользовался рѣдко, или получаю выписками, а не вполне, я не отмѣчалъ, впрочемъ онѣ означены въ самыхъ Замѣчаніяхъ.

Въ концѣ книжки помѣщено начало Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ.

Всю сію книжку прошу покорно считать не болѣе, какъ примѣчаніями къ No 1 Запорожской Старшины, т. е. къ Пѣснямъ и Думамъ, тамъ помѣщеннымъ,—и въ особенности къ двумъ пѣснямъ о Свир-

говскомъ, двумъ пьсьямъ о Серпя-
гь, и двумъ Думахъ о Боеданкь и
Серпягь (см. въ Но 1 — 1, 2, 3, 4,
13 и 14).

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ
1833, Юня 2.

Handwritten text, mostly illegible due to fading and bleed-through.

Handwritten text, mostly illegible due to fading and bleed-through.

Handwritten text, mostly illegible due to fading and bleed-through.

Handwritten text, mostly illegible due to fading and bleed-through.

Сказанія, откуду Козаки Запорожане, и тѣмъ слави.

I.

Не требае естъ много глаголаши, ошкуду раздѣленіе Царствъ и Домовъ паденіе, лже глаголенъ Аносполь, яко ошъ похоней бываюшъ брани, и ошъ сихъ раздѣляюшся Царства, и превращаюшся Домы. Всякое же раздѣлившееся Царство запускъешъ чесому избытіе видимъ.

Егда Монарха и Самодержецъ всея Русскія земли, спрахъ многимъ Царствамъ, Равноапостольный Князь Владиміръ, временное Царство остави, и къ вѣчному поиде, раздѣлившеся Цар-

ство его на двѣнадцать Княженій, тогда завистию врага челоѵко-убійцы искони Владиміровѣ сынове братією суще возспали на себе, хопяще единѣ другого Княженіемъ обладати, изгнавше собѣ чуждїи по роду на многое время: сего ради вскорѣ поущеніемъ Божїимъ на Русскую землю Батый найде; и плѣнивъ ю, и церкви Божїи и красоту ихъ опроверже, и соравни со землею, яко по разваленнымъ стѣнамъ дровіе возрасте, и сущѣ жишіе гадомъ и звѣромъ. Но не довѣло сего за грѣхи Россійскому роду.

Возспа еще Гедеминѣ Вишенесовичѣ Великій Князь Липовскій, Седмисыновецѣ; и пришедѣ на Кіевъ, побѣди Князей Русскихъ; и прилуча Кіевъ своей обласни, посшави намѣспника своего Князя Гольшанскаго. И ошѣ

шого времени Литва Россійскимъ за-
обладаша престоломъ (1) даже до у-
мершья благовѣрнаго Князя Симеона,
иже по раззореніи Башыевомъ пущу
лѣтъ двѣсти и тридцать спящу
свяшую небеси подобную церковь Пе-
черскую обнови великимъ иждивеніемъ
имѣнія своего.

А по его смерти року 1471 Ко-
роль Польскій Казимиръ четвертый
Княженіе Кіевское во Воеводство пре-
мѣни. Тако Богу ради грѣхъ человѣче-
скихъ попустившу, яко во уничиженіе
пріиде Россійскій скипетръ, и опъ
Царства во Княженіе, и опъ Княже-
нія во Воеводство премѣнися.

II.

Пріемше убо во обласъ свою По-
ляки Кіевъ и всю Украинскую спрану
изволи въ работъ имѣни живущихъ

Часть I. (17)

2

людей; а ниже блху опъ снхъ воинского чина во бранныхъ дѣлѣхъ упражняхуся, а не работнымъ промысломъ живяще (2) около рѣки Дибра ниже пороговъ во пущныхъ мѣстахъ и въ дикихъ лугахъ и рѣчными рыбными и звѣринными ловы (3). А нарицахуся Козаками, яко глаголютъ, оныя древнего рода своего Козарска. Аще убо Веснасіилъ Коховскій и опъ козь дикихъ Козаковъ нарицаешъ, яко тѣмъ скоростію добрашъ соравняются, и ловомъ тѣхъ упражняхуся найпаче; но не прилично опъ козь Козаковъ нарицати. Приличнѣе Стриковскій нарицаешъ Козаковъ опъ древнего и славного ихъ Вождя Козака. Александеръ же Гванишъ опъ свободы нарицаешъ Козаками, заже яко предкове ихъ не опъ нужды коей, но по доброй волѣ, охотне, и безъ

найму на брань хождаху (4), яко и нынѣ Козаки храбрости своей не сокрывающе, ко брани охочи, видяшъ бо вси на око, яко Шѣмцы, Поляки и Турки берутъ наемъ многій и между собою только біющесе показываютъ храбрость, сопротивнымъ же скоро даяшъ преци; и мужество ихъ вси видяшъ, нбо сподъ Лядского ига малою сплою опъемльшися, на многихъ братьхъ Ляховъ побѣдиша, и Лядскую (5) всю землю повоеваша.

III.

Въ року 1516, егда Сигизмундъ первый того имени Король Польскій поиде бранію на Велика Царя Московскаго, Ханъ Татарскій Менделирей усмотрѣвши время не храниючи упвержденного собѣ со Поляки мира, насла свою силу въ Русскую землю, гдѣ огнемъ и

мечемъ повоева грады и вѣси и много
плѣна вземъ , въ Перекопъ возирапи-
ся (6). Тогда Король видѣвъ той смѣхъ
и поношеніе охотного воинства отъ
Козаковъ и Поляковъ собравъ, посла
ихъ подъ Бѣлогородъ, гдѣ они множе-
ство корысти взявше, возвращахуся
въ Русскую землю; но Турки и Тапа-
ры ихъ нападоша; обаче брани сверша
премогша Христіанстін вои.

И отъ того времени Козакомъ
нарицашеса, аще кто и Полякъ бѣше,
сіе естъ свободное воинство, яко безъ
яйму своею волею хождаху на Тапа-
ре, и многократными бранями ходяще
на Тапары вельми въ храбросіть и си-
лу возрасташа.

Гладу же и жаждѣ и мразу и зною
и всякимъ воздушнымъ нахожденіямъ
вельми поноси.

Пища же ихъ житное пѣсто квашено рѣдце и сварено, и пѣмъ сушь довольни; а иноди случится съ рыбою, яко козаки глаголятъ щербою, то за найпрекраснѣйшую господскую прапелу имѣють (7).

Живуть же въ коливахъ сіе естѣ въ курняхъ по пятьдесять, по сто и болѣе, и вси пищу вышерѣченную имуть едину (8).

И одного же старѣйшого въ куренѣ имуть, въ воинскихъ искусного дѣлахъ, и шого почитають, и повинуются ему, аки найвысшему началу по Кошевомъ Апаманѣ. Но и старѣйшины ихъ живутъ съ ними со опасствомъ, аще бо бы чѣмъ нибудь оскорбилъ надѣ право, то абіе бѣдней предають смерти (9. 10. 11).

Ташьба же и блудъ опшюдь не бь-
вають между ими; и за едино бо пушо
или плѣшь обьцають на дровѣ (12).

Одежда ихъ едина пли двѣ и мно-
жае и прежде бьше. По семь когда
земь Турскую и Татарскую повоеваша,
обогатишася зѣло, и сущь богатства
всякого довольно исполнени (13. 14).

Оружіе имуць: самопалы, шабли,
обухи, луки, стрѣлы и списы; и сущь
мнози пому оружію тако искусни, яко
и найлучшій Польскій усарниъ и Нѣ-
мецкій рейтарниъ быши тамо примѣ-
ромъ не могуць.

Воньства же Козацкого пихто
изчестни не можеть: сколько бо кон-
ныхъ, сполько и пѣшихъ, и сколько
на Украинѣ въ Малороссіи людей,
сполько и Козаковъ. Речеть только
на охопника региментъ держацій, абіе

сколько прѣбе воинства соберешся. Не прѣбе нуждою собираши, яко по нныхъ чужеземныхъ справахъ шворять; не прѣбе великого найму обѣщавши: речеть старшій слово, абіе войска числомъ аки правда будеть. И добре кшось рекъ Турского Царя на вопросъ о количности Козацкого войска. Въ насъ — рече — Турській Царю, що коза, то Козакъ; а де кракъ або байракъ, то по сипо и по двисипи Козакивъ. Тако и вси іпін зѣлю храбри (15).

Во миру же жиши никогда не хощуть; но егда въ землѣ ихъ миръ оглашенъ будеть, то самовольно идутъ на помощь ишѣмъ, и малыя ради корысти великую нужду поднимають, море преплаваши дерзають, и многажды души своя погубляють, яко не имѣють сего

обычая, дабы со собою священниковъ
смершныя пужды ради имѣли.

IV.

Въ року 1574 за Генриха Фран-
цуза, Короля Польскаго, упрошеніемъ
Іоанна Господаря Молдавскаго, Козаки,
собравшися съ Генпманомъ Свѣргов-
скимъ тысяча чепыреста, прійдоша
въ Молдавскую землю, и шамо при Го-
сподарѣ чеширенадесять кропъ брань
съ Турки сведше, силу ихъ великую
поганьскую поразиша, наконецъ же опъ
множесипва Турковъ умроша (16).

Но вскорѣ Козаки Туркамъ за сіе
местъ положиша; ибо въ року 1575 по-
сланы бывше опъ Кіевскаго Воеводы
зъ Черкассъ, зъ Канева, челнами Днѣ-
промъ на Орду нападаша и много по-
бывше и въ плѣнь взявшо, возвраши-
шася къ своимъ съ корыспи.

Обаче Тапаре себравшеся съ про-
мя Салпаны да седмь сыновъ Пере-
копскаго Хана со множествомъ Ордъ
найдоша Подолье, много людей пльни-
ша, и сожгоша огнемъ грады и селы.

Воскорѣ же Козаки воздали имъ за сіе,
егда вшедше за Перекопъ зъ Вождемъ
Богданкомъ такожде землю Тапар-
скую огнемъ и мечемъ повоеваша. (17)

V.

Въ лѣто 1576, за Стефана Бачы-
ря, Короля Польскаго, Козаки въ луч-
шій еще спрой учинены. Той бо Ко-
роль видя въ Козакахъ мужество ве-
λικое съ Тапары на бранѣхъ, постави
имъ Гешмана, присла ему хоругвь, бун-
чукъ и булаву (18) и армашъ, и вся-
кихъ воинскихъ припасовъ; и сами мно-
го замки Турецки воююще набраша. И
учинивъ пмъ Стефанъ спрой (19) и

кова (20), его же храбрости ради на Государство Молдавское призываху Молдованя. Съ тѣмъ Подковою Шахъ Гешманъ Запорожскій и съ Козаками пришедь въ Волоскую землю опъ Государства Молдавскаго изгна вооводу Петра, посади на Государство Подкову. Тогда Воевода Петро собра Турецкого войска много, на Подкову ополчися; но Козаки побѣдиша Турецкую силу. По времени же паки Петро Молдавскій Воевода со многими Турецкими силами на Подкову бранію прійде; но Подкова пропшву него изыде и бысть брань велия; обаче Козаки Турковъ побѣдиша, яко едва Петро Воевода убѣже съ малыми людьми. Видѣвъ же Подкова, яко на Государствѣ Молдавскомъ не укрѣпшся, остави, на Подолье возвратшся. Тогда его

Ляхи лестію емше, до Короля опслаша, который повелѣ опсѣщи Подкову главу во Львовѣ. Тѣю же его Козаки вземше въ Каневѣ у монастырѣ погребоша. Посла же Король и до низовыхъ Козаковъ, дабы ихъ смирили, Комиссаровъ своихъ, но приняли же ихъ Козаки не якоже Ляхи хотѣша, гнѣвающеся за Подкову, его-же ради многожды на Молдавскую землю находяще, великія пакости шворяху, яко храбрымъ юнакомъ бѣ свойспвенно; а найпаче Тапарамъ вельми блху шлжци и крѣпци яко спѣва.

VII.

Егда змій лукавый оппорже прешюю часть звѣздъ изъ церкви Православныя, аки зъ шверди небесной, и восхотѣ вринуши во адову пропасть тогда ему шіи нѣкіи Архіереи въ Ли-

повской справѣ не боляшея Бога, лже
дрождіа суешныя славы жившася, ни
ошкуду не имущіа нужды образомъ
благочестія хошяще опрещися, пра-
вославыя апостольскія Каѳолическія
вѣры, соборъ собраша во Брестію Ли-
товскомъ; и на томъ соборѣ бѣ Ми-
широполитъ Михаилъ Рогоза, Инакій
Протопротрій Епископъ Владимірскій
и Брестскій, Кирилъ Терлецкій Ек-
сархъ Епископъ Луцкій и Оспрожскій,
Ермогенъ Епископъ Полоцкій и Ви-
шебскій, Іоаннъ Гоголь Епископъ По-
чайскій и Туровскій, Діонисій Епис-
копъ Холмскій и Белзскій; и на томъ
соборѣ оставя аще благословеніе пер-
воначальнаго Архипастыря своего Кон-
стантиннопольскаго Патріарха, посла-
ша послы въ Римъ къ Папѣ Клементу
восьмому, отдающе себе въ соединеніе

Западному Коспелю. Тогда видѣвше благочеспія сынове сію новоявленную химеру, ужасахуся и опдалиша себе опъ еднoспи пѣхъ наемниковъ; а не истинныхъ пастырей. И опсюду раздрася облюбеницы Христовой единоклассническая риза; и смущеніемъ неутишимымъ православная церковь: бѣ бо видѣши на ней одѣяніе раздранно, и душою болюще зѣло, ако сынове ея вшедше въ чертоги внищанія завѣса умроша. Змій же облюбивый ихъ начашъ облюбеницу Христову Церковь Православную Греко-Русскую гонити; обаче дано бѣ жемъ двѣ криль орла небесного.

Тогда же ревностію благочеспія разжегся нѣкто Гепманъ Запорожского войска Наливайко въ року 1591 собравъ опъ низовыхъ Козаковъ войско,

прійде на Липву, и шамо много мечемъ поби шляхты, неспавидля ново-явльшейся погда Уни. На него же Налвайка Гепманъ Коронный Жолкевскій зъ войскомъ Польскимъ пришеде на Украину подъ Лубнями мѣспомъ на урочищѣ Соловиць войско Козацкое поби, и самага Гепмана емши завезъ до Варшавы, иде же на мѣдномъ валу его сожгоша Ляхи и опъ шоя вини война Козацкая зъ Ляхами начася.

И вельми спалась пляжка брань оная. И многія души погубоша. Церковъ Божую православную споважающе и поражающе православныхъ ея сподвижниковъ. Явися въ оное время межъ Козаками мужъ умомъ возвышенный и любовью къ опчизнѣ вельми изукрашенный зѣло, Зиновій Хмельницкій, ему же и прозваніе опъ православнаго

народа дано Богдана, Богомъ данного
во утѣшеніе сиромствующей Церкви
Православной. И такъ ошъ нга Лад-
ского Руссы въ оно время ошпадоша.

ЗАМЪЧАНІЯ.

1.

О взятіи Кіева Гедиминомъ.

Сказанія о взятіи Кіева и покореніи Украины Гедиминомъ, помѣщенные въ Украинскихъ лѣтописяхъ всѣ вообще сходны болѣе или менѣе съ повѣствованіемъ Польскаго Историка XVI столѣтія Стриковскаго, которое сокращенно вписано въ И. Г. Р. IV. 208 — 209. Карамзинъ сомнѣвается въ справедливости онаго, говоря, что оно едва-ли утверждено на современныхъ свидѣтельстввахъ, и полагаетъ, что Украина покорена не Гедиминомъ, но Ольгердомъ, его сыномъ. Байпышь-Камецкій принимаетъ сіе мнѣніе (И. М. Р. 26 — 27).

(35)

Одно изъ важнѣйшихъ доказа-
тельствъ Карамзина есть свидѣтель-
ство Русскихъ Лѣтописей, что Бас-
таки Ханскіе и Князья Русскіе до са-
мого 1331 года находились въ Кіевѣ.
Но Карамзинъ а вслѣдъ за нимъ и Бан-
шыпъ-Каменскій не вѣрили и пому
сказанію Сприковскаго, что Гедеминъ
умеръ въ 1328 году, а напрошивъ оп-
носятъ смерть Гедемина, сообразно
съ показаніемъ нѣкоторыхъ Лѣтопи-
сей Русскихъ, къ 1341 году. . . Если
Сприковскій ошибся въ годъ смерти
Гедемина, то не могъ-ли такъ же оши-
биться, означивши покореніе Кіева Ге-
деминомъ подъ 1320 годомъ. Обчелся
въ лѣтосчисленіи легче, нежели пере-
путать происшествія, и дать имъ
порядокъ по волѣ воображенія. Мо-
жетъ быть здѣсь должно только по-
править число: вмѣсто 1320 разумѣть
1330; такъ точно какъ Нарушевичъ
годъ смерти Гедемина по Сприковско-
му и Двисбургу 1328 поправилъ въ 1338

(His. N. P. V. 436). Сприковскій могъ ошибаться, общипываться, могъ допустить, какъ выражается Карамзинъ о Длугошѣ, Польскомъ Историкѣ XVII столѣтія; но какая была ему спашь искажать ходъ происшествій? Пришомъ Лѣтопись Сприковскаго не могла-ли бытъ подвержена прихоти переписчиковъ!

Гораздо значительнѣе доказательство Банпыша-Каменскаго:

И Длугошъ и Сприковскій, и Лѣтописцы Русскіе почти одинаково обозначаютъ удѣлы, данныя Гедеминомъ сыновьямъ своимъ. Въ числѣ ихъ о Кіевѣ и городахъ Сѣверскихъ не упомянуто; — слѣдовательно — говоришь Банпышъ-Каменскій — сіи города еще не принадлежали тогда Липовцамъ.

Но Банпышъ-Каменскій признаетъ справедливымъ выводъ Карамзина, что — держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, Гедеминъ не изгонялъ Князей изъ земель, завоеван-

ныхъ его оружіемъ; довольствовался ихъ покорностію, оставлялъ имъ удѣлы наследственныя (И. Г. Р., VI: 213. И. М. О. I. 27). Почему-же не допустить, что Гедемнъ употребилъ это правило своей политики къ Князьямъ Кіевскимъ, если онъ покорилъ Кіевъ прежде 1331 года, или въ отношеніи къ Миндовгу, Намѣстнику, кою Гедемнъ оставилъ въ Кіевѣ, по сказанію Сприковскаго, если Кіевъ подпалъ его власти послѣ 1330 года?

Еще одинъ вопросъ: на какомъ достоверномъ свидѣтельствѣ, на сказаніи какого Лѣтописца или Историка утверждено мнѣніе, что Кіевъ покоренъ Ольгердомъ? Не догадка-ли это, и не болѣе? — Должно думать — говорить Баншышъ - Каменскій; а почему? умалчиваешь.

Любопытно, что скажетъ по этому предмету Полевой въ своей Исторіи Русскаго народа, какъ развяжешь

ошъ вшотъ узель, кошорый Карамзи-
нымъ шольно что болѣе запушанъ.

Примѣчаніе. Оклября 3. 1833. По-
левой (И. Р. Н. IV. 347 — 348) придержи-
живаясь мѣвнїя Нарушевича о смерти
Гедемина, во всемъ прочемъ согласенъ
съ Карамзинимъ.

Ксташи о Кіевъ. Подъ именемъ
Кіева Украинскіе Лѣтописцы часто
разумеи не одинъ городъ, или городъ
съ округомъ, но всю Украину, и Рус-
скую, и Польскую, и Пѣмецкую, именно
какъ сказано въ одной старой рукопи-
си: Область Галицкую и Владимир-
скую, и Волинь, и Подоль, и область
Кіевскую, и Черниговскую, и Сѣвер-
скую, и Слободскія земли, и степь
Татарскую. — То-же разумеютъ и
подъ именемъ Княженїя Кіевского. Ина-
че понималъ слово Кіевъ нашъ Лѣто-
писецъ; ибо ошъ непрерывно переимѣ-
няешь кругъ значенїя сего слова. Въ-

роляшню, онъ хотѣлъ разумѣть подъ Кіевомъ только столицу, главный городъ области: Княженіе Кіевское не все преобразовалось въ одно Воеводство Кіевское, а распалось на многія части. См. о семъ И. М. Р. I. Гл. VII и VIII.

Тамъ-же см. и о покореніи сихъ областей Казимиромъ IV. Ср. Карамзина И. Г. Р. V и VI. въ разныхъ мѣстахъ. Бантке, И. Г. П. II. 42 — 63.

— О состояніи Кіева въ XVII вѣкѣ см. О. У. 1 — 4. 12 — 13,

2.

Разборъ Бопланова сказанія.

Нашъ Лѣтописецъ говоритъ, что Украинцы, иже бяху вонискаго чина, не работнымъ промысломъ живяще . . . и совершенно справедливо: поже гораши и другія Лѣтописи, шо-же и на-

родное преданіе; только слѣдующее сказаніе Боплана какъ будто противорѣчитъ ему:

— Въ странѣ Запорожской вы найдете людей искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для обществѣ: плотниковъ для постройки домовъ и лодокъ, шельжниковъ, кузнецовъ, ружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, бочаровъ, портныхъ и ш. д. Козаки весьма искусны въ добываніи селистры, копорою изобилуетъ Украина, и въ приготовленіи пушечнаго пороха. Женщины прядутъ ленъ и волну, шкутъ для своего употребленія полотно и сукна. Всѣ Козаки умѣютъ пахать, сѣять, жать, косить, печь хлѣбы, готовить яства, варить пиво, медъ и брагу, гнать водку и пр. (О. У. 6).

Читая сіе описаніе Боплана, невольно подумаешь, что Козаки составляли народъ образованный, равный по

образованію по крайней мѣрѣ Французамъ современникамъ Боплана, — а страну Запорожскую почтешъ Государствомъ благоустроеннымъ. Ужели Бопланъ ошибся, или и того хуже — солгалъ? быль не можетъ. Или онъ выразился нѣсколько безопытно? — Что хотѣлъ онъ разумѣть подъ именемъ Запорожской страны? Конечно не степи и луга, по берегамъ Днѣпра ниже пороговъ, гдѣ Козаки имѣли свои льншія стойбища; а всю Украину. Это покажется странымъ; но какъ же иначе? Какіе могли быть въ собственно Запорожской странѣ дома, откуда могли проявиться тамъ женщины? Запорожцы жили въ шалашахъ и землянкахъ; Запорожцы вели шамъ жизнь холостую, строго наказывали прелюбодѣліе. Очень не мудро, что Козаки умѣли пахать, сѣять и жать, но въ степяхъ выпимъ не занимались; тоже можно сказать и о косьбѣ сѣна, пивовареньи, и пр. На это представ-

ялешъ доказательство самъ-же Бопланъ, говоря, что Козаки живутъ одною добычею; ибо возвращаясь на родину, ни чѣмъ не занимающся, а умѣютъ только пить и бражничать съ друзьями (О. У. 69). Печь хлѣбы и приготовлять явства оипь не было дѣломъ воиновъ Запорожскихъ: на это были у нихъ особенные люди, приходившіе въ Запорожье изъ Украины, и называвшіеся кашеварами. — И такъ Бопланъ хотѣлъ разумѣть подъ именемъ страны Запорожской, вѣроятно, Украину, а подъ общимъ названіемъ Козаковъ не собственно Запорожскихъ воиновъ, бывшихъ на службѣ; а семейства Козаковъ охочекомонныхъ, кои были расселены еще при Бапоріи по всей Украинѣ слободами. Моя догадка становится еще правдоподобнѣе, когда припомнимъ, что Бопланъ говоритъ вслѣдъ за симъ о плодородіи земли и богатствѣ Козаковъ въ хлѣбѣ, кошо-раго, по словамъ Боплана, пили они

столько, что не знали куда дѣвать; ибо — продолжаетъ Бопланъ — кромѣ Днѣпра ни одна изъ судоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по Украинѣ не впадаетъ въ море: самый Днѣпръ на 50 миль ниже Кіева загражденъ порогами (О. У. 6). Изъ этихъ выраженій явственно видно, что Бопланъ смѣшивалъ страну Запорожскую съ Украиной, не находилъ между ними никакой разницы.

Заключаю: Бопланъ сказалъ нѣсколько безопчепливо, смѣшавши Запорожскую страну съ Украиной, — а Козаковъ служивыхъ съ Козаками охочеконными; или правильнѣе, смѣшавъ и тѣхъ и другихъ Козаковъ подъ общимъ названіемъ Козаковъ. — Исправьте сію безопчепливость, и сказаніе Боплана ни мало не будетъ противорѣчить вышеприведеннымъ словамъ нашего Лѣтописца, коихъ справедливостъ можешь быть оправдана мною

самого Боплана. Но
изойми такого рода

Безопытность въ сказаніи Боплана? Вѣрно, она имѣла основаніе: — Бопланъ, неопычая Запорожья опъ Украины, во все не опычаетъ и Козаковъ Запорожскихъ опъ Украинскихъ какъ опъ сдѣлали Карамзинъ, Башпышъ-Каменскій и другіе. Кто изъ нихъ справедливѣе? Я думаю, Бопланъ; ибо опычія между Козаками Запорожскими и Украинскими не находилъ и Лыпописцы Украинскіе почти все за исключеніемъ очень не многихъ подобныхъ Конисскому и пр. — Козаки реестровые, собственно Запорожскіе воины, дѣйствительно не работнымъ промысломъ живяху, а одной добычей, и возвратившись на родину, очень могли, по словамъ, Боплана лишь и бражничать. — См. Зам. 14.

3.

Луга. Гайдомаки. Лугари.

Всѣ вообще Украинцы подь именемъ луговъ разумѣють лѣса, распущїе на низменныхъ мѣстахъ. Собственно же Лугомъ или Лугами называется лѣвый берегъ Днѣпра съ того мѣста гдѣ въ рѣку сію впадаеть Коска или Копская рѣка (Konska-woda какъ называется Боллань) внизъ къ морю. Сей берегъ заливаеця почти каждою весною; на немъ рослетъ лоза, осокорь; есць прекрасныя сѣножатни, ручьи, озера, цѣлыя лѣса непроходимаго простинку. Преданїе народное, согласно съ Лѣтописями, повѣствуеть, что сіи Луга были первоначальнымъ лѣпнымъ спойбищемъ Козаковъ, что и дало имъ названїе Запорожцевъ. Въ послѣдствїи времени, когда Козаки подлинулись къ сѣверу, а со временемъ начали рассе-

лясья по Украинѣ, Луга сіи доспа-
лись въ удѣлъ Гайдомакъ; ш. в. лѣс-
ныхъ разбойниковъ, собственно: лѣс-
ныхъ жильцевъ. Имя Гайдомакъ носили
и Запорожцы шѣ, кои жили въ лѣсахъ
по лѣвому берегу Днѣпра около поро-
говъ; однако не долго, не даѣе какъ
до Хмельницкаго. Разбойники Гайдомаки
существовали до конца прошлаго спо-
лѣтія, переселившись по большей ча-
сти на Самарь, Пселъ и другія рѣки,
впадающія въ Днѣпръ. Оставшіеся въ
Лугахъ спали извѣстны подъ именемъ
Лугарей, и производили ужасныя гра-
бежи. Говорятъ, что между предводи-
телями сихъ разбойниковъ бывали и
дворяне; впрочемъ это сомнительно.
Развѣ подъ именемъ дворянъ понимаютъ
дробную шляхшу, и ш. п. Но, что
важнѣе, многіе смѣшивали Лугарей съ
Запорожцами, давали имъ названіе За-
порожцевъ, и такимъ образомъ часпо
вредили доброй славіи сихъ послѣднихъ.
Разысканіе и собраніе свидѣній о Гай-

домакахъ и Лугаряхъ было бы очень любопытно и вмѣстѣ важно для Исторіи Украины; но гдѣ же источникъ подобныхъ свѣденій? Однихъ преданій не достаночно. Можешь быть архивы уголовныхъ Палатъ. . . . но Въ № 5 или 6 [Запорожской Спарины будетъ помѣщено собраніе анекдотовъ о пѣхъ и другихъ. Нѣсколько анекдотовъ о Гаркушѣ помѣстилъ О. С. Евецкій въ Украинскомъ Альманахѣ на 1831. Гаркуша одинъ изъ знаменитѣйшихъ Гайдомакъ прошлаго столѣтія. Кто не читалъ ошривковъ изъ Повѣсти Сомова о Гайдомакахъ? Кто не плѣдился ими? Жаль, что воображеніе Писателя не позволяло истинѣ разыгрывать должную роль если не всегда, то по крайней мѣрѣ довольно часно.

4.

Происхождение слова: Козакъ. Мнѣнія различныхъ.

Очень немногія изъ названій народовъ, подвергавшихся изслѣдованіямъ криптиковъ историческихъ, были изъясняемы споль разнообразно и споль зашѣйливо, какъ названіе Козаковъ.

Четыре мнѣнія о семъ предметѣ представилъ нашъ Лѣтописецъ. Представляю еще нѣсколько.

— У насъ есть — пишеть Карамзинъ — рукописное сочиненіе о Козакахъ Запорожскихъ, гдѣ сказано, что онъ уже существовали въ 948 году, что какой-то Семень вышелъ изъ Польши къ устью Буга, основалъ свое жилище на одной косѣ, донинѣ именуемой Семеновымъ рогомъ, и приманилъ туда болѣе ста человекъ; что они, сшивъ себѣ одежду изъ козьихъ шкуръ, назва-

лись Козаками, служили Греческому Императору противъ Турковъ, въ награду за мужество получили отъ него имя Козаковъ, и перешли жить на берегъ Днѣпра къ Очакову, списавъ особенную милость Государей Польскихъ (II, Г. Р. V. пр. 416).

Чего милѣе! однако я, признаюсь, ни какъ не могу повѣришь, что-бы Карамзинъ не ошибся, назвавъ сію басню изобрѣшеніемъ одного изъ ученыхъ Запорожцевъ: до сихъ поръ мнѣ не случилось видѣть ни одного памятника старины Запорожской, въ которомъ бы умъ и ученость изобрѣшенія и выраженія проявлялись въ подобномъ размѣрѣ. — О сей баснѣ говоритъ и Болтинъ (II. на И. Р. Леклерка. I. 363—365).

Конисскій въ Исторіи Руссовъ говоритъ слѣдующее:

— О названіи Козаковъ нѣкоторые Историки спрашно повѣспивуютъ, и производятъ ихъ то изъ Скиѳин или отъ Ташаръ, то изъ Кабарды Черкес-

ской; а другіе утверждаютъ, будто-бы они суть оспашки иноплеменнаго народа Козарскаго. Польскіе Историки показываютъ еще, будто они набрались изъ разной вольницы или сволочи, и поселены отъ нихъ Королей на пустыхъ земляхъ близъ рѣки Днѣпра и Буга. Но таковыя нелѣпыя мнѣнія значатъ болѣе, нежели ошибки Историковъ. Не приводя другихъ исиницъ, опровергаешь ихъ самый разсудокъ; ибо всякій народъ имѣетъ свое войско, и даетъ ему названіе по виду или достоинству. Такимъ образомъ и Русскіе воины назывались Козаками кошые, а Спрѣльцами и Сердюками ишіе. И сіи названія суть собственно Русскія; на пр: Спрѣльцы по спрѣльбѣ, Сердюки по сердцу или запальчивости, а Козаки или Козаре по легкости ихъ конной, уподобляющейся козьему скоку. —

И пакъ и Кошисскій не могъ избавиться отъ козь говоря о Козакахъ. Къ сему же порядку принадлежатъ:

Пясецкій, Гарткнохъ, Лакомбъ, Шевалье, и пр. и пр. и пр. Гербишій производить слово Козакъ отъ косы, якобы пѣкошоралъ часть Козаковъ была вооружена косами: извѣстно, что Украинцы людей, кои косятъ сѣно, называютъ косарями. О другихъ мнѣніяхъ см. И. Г. Р. V. и И. М. Р. Гл. IX. и пр. 73. Любопытно также мнѣніе Левшина, въ спашьѣ о Киргизь-Кайсакахъ, помещенной въ Московскомъ Вѣспникѣ на 1827.

5.

Ляхи.

Слѣдъ имени называли Поляковъ Украинцы, а можетъ быть и Русскіе. Вѣроятно — говоритъ Бапшке — что Поляки сами себя нѣкогда называли Ляхами (И. Г. II, I. 20). Однако имя сіе въ Лѣтописяхъ Польскихъ, кажется, нигдѣ

(52)

не встрѣчается. Вицецѣній Кадлубекъ, одинъ изъ первыхъ Лѣтописцевъ Польскихъ, а за нимъ и другіе называли Лехитами (Lecithae). Вацке говоритъ далѣе:—Иные утверждаютъ, будто бы сіе названіе (Ляхи) произошло отъ Ляцкаго или Лапинскаго вѣроисповѣданія, что однако-жъ подвержено сомнѣнію. — Въ Лѣтописяхъ Украинскихъ Польскій народъ часто называется Ляцкимъ, Лядскимъ и ш. п. И въ Русскихъ Лѣтописяхъ также. Въ Лѣтописи Воскресенской упоминается о Лядскихъ воровѣхъ и пр. Эпи-же воровы въ Лѣтописи, издавшой Даниловичемъ, названы Лядцкими. Сія послѣдняя представляешь много подобныхъ примѣровъ.

6.

*Первый Козацкій походъ противъ
Крымцевъ.*

Ханъ Ташарскій названный нашимъ Лъшописцемъ Менделиреемъ естъ вѣроятно Махмешъ-Гирей, старшій сынъ и наследникъ знаменитаго Менгли-Гирея, умершаго весною 1515 года. Махмешъ-Гирей, по сказанію Карамзина, не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану любилъ пить до чрезмѣрности; работѣ испововалъ женамъ; не зналъ добродѣтелей Государственныхъ, — зналъ одну прелесть корысти; былъ испишимъ Апшавомъ разбойниковъ (И. Г. Р. VII. 73 — 78). Сей Ханъ, во время мирныхъ переговоровъ съ Царемъ Русскимъ Василіемъ, послалъ сына своего Богатыря въ набѣгъ на области Русскія; Богатырь успремился съ своими полца-

ми, голодными, какъ выражается Карамзинъ, и опустошилъ села Мещерскія и Рязанскія. И всѣдъ за симъ, получивши золото отъ Сигизмунда, Короля Польскаго, послалъ 40,000 всадниковъ раззорять его южныя владѣнія. Крымцы вшорглись въ спрану сію — пишемъ Баншышъ-Каменскій — слѣдуя Енгелю — ограбили спрану сію, въ особенности владѣнія Кнзя Вишневецкаго, гдѣ оказано имъ сопропивленіе: младенцы, жены, старики, больные были безчеловѣчно умерщвлены варварами; нѣскольکو тысячъ жиполой взяты въ плѣшъ, и, подобно большому спаду, погнаны въ улусы. — Вшорая половина сей выписки годится для речншашива при описаніи всякаго набѣга Тамаръ по порядку. — Въ это время предводителями Запорожцевъ былъ — кто? А якого-сь вамъ преба? говоритъ Жидъ въ отвѣшъ Украинцу, отъ котораго надѣшся получить свои выгоды. Этомъ отвѣшный вопросъ употребилъ здѣсь

очень кшапи. Почти всѣ Львови-
си Украинскія единогласно именують
Гешмана Ружинскаго; Баншышъ-Ка-
монскій напрошивъ, давши Ружинскому
мѣсто при Баторіи, сообразно съ по-
казаніемъ Миллера, отдаесть началь-
ство надъ Запорожцами въ сіе время
Предиславу Лапцкоронскому и Дашко-
вичу (И. М. Р. I. 113 — 114). Не прав-
да-ли, что якого-сь вамъ преба? ...

Кописскій описываетъ походъ Ко-
заковъ прошиву Хана Крымскаго въ
опищеніе за его нападеніе на Украин-
ну слѣдующимъ образомъ:

— Въ 1518 году Махмешъ - Гирей
Крымскій Ханъ по союзу съ Княземъ
Московскимъ Василіемъ Іоанновичемъ
шелъ войною на Польшу и Малорос-
сію. Тогда Гешманъ Ружинскій съ вой-
сками Малороссійскими и Польскими
пошелъ на всрѣчу Ташарамъ на гра-
ницу Малороссіи. Надъ рѣкою Донцемъ
при городѣ Бѣлгородѣ далъ себя апа-
ковать Ташарамъ, въ продолженіи цѣ-

лаго дня оборонялся, не дѣлая самъ никакихъ нападеній; но когда на ночлегъ Тапары удалились, и не имѣя обыкновенія привязывать лошадей къ коновязи, распустили по лугу; но Гейманъ на самой зарѣ съ своимъ войскомъ на нихъ выступилъ, а впередъ послалъ отрядъ конницы съ пригошовленными заблаговременно ракетами, кои перескакивая съ мѣша на мѣсто дѣлали в выспрыловъ. Сія ракета были зажжены и пущены между лошадей. Это привело весь спанъ въ шревогу. Гейманъ съ войскомъ напалъ на смѣшаннаго Хана, разбилъ его на голову, — и спанъ со всѣмъ багажемъ dospался побѣдипелямъ. Возвращаясь Ружинскій отъ Бѣлгорода Русскаго, встрѣченъ былъ Турками и Тапарами, выступившими изъ Бѣлгорода Тапарскаго или Акермана, что въ Бессарабіи, копорые узнавши о побѣдѣ надъ Крымскимъ Ханомъ и о потеряннн всего спана съ великимъ богашствомъ предприняли

опыашь оныя богатства у Ружинскаго, напавши на него печально въ рас-
плохъ почти обыкновенный у войскъ
возвращающихся съ удачею. Но Ру-
жинскій не былъ такъ безпеченъ какъ
они полагали. Свѣдавъ ошъ погранич-
ныхъ разъѣздовъ, что Тапары Бѣлго-
родскіе съ гарнизонными Турками вы-
спушили на Очаковскую сѣнь, Геш-
манъ шопъ часъ удалилъ шажесши
свои въ Уманьщину, а самъ съ вой-
сками переправясь чрезъ Бугъ зашъль
въ очерешахъ и байракахъ, при рѣкѣ
Кадымъ; и какъ только непріятель
пришлулъ къ Бугу, то ошъ насту-
пилъ на него печально со всѣхъ ошпо-
рошъ, и сыгралъ съ ними шо, что ему
гошовилось. Разбивши на голову, ошъ
гналъ враговъ до Акермана, опыалъ у
нихъ все, что имѣли, и раздѣлилъ съ
Поляками и своимъ войскомъ. —

Чишая сей опыривокъ и ему подоб-
ные, могу только удивляшъся богат-
ству испочниковъ, коими пользовался

Конисскій при оспавленіи овоей Ль-
пописи; и невѣрующихъ сказаніямъ
Преосвященнаго Епископа Могилевска-
го опсылаю къ И. М. Р. I. 113—114.
Другіе Льпописцы рассказываютъ сей
походъ очень кратко, по большей ча-
сти не упоминая о дѣйствовавшихъ
въ ономъ лицахъ.

Описавши сей походъ нашъ Льпо-
писецъ говоритъ, что — и опъ того
времени Козакомъ нарицашеса, аще
кто и Полякъ блше, сіе спъ свободное
воинство. — Эпо подшверждають и
другія Льпописи.

Орѣ п.п. Перекопъ. Воплапъ пишеть:—
При входѣ въ перешеекъ (соединяющій
полуостровъ Крымъ съ швердою землею)
лежнптъ ничтожный городокъ безъ у-
крѣпленій, окопанный шолько полуб-
валившимся рвомъ въ 20 фузовъ ши-
риною, опъ 6 до 7 глубиною, и обне-
сенный валомъ опъ 6 до 7 фузовъ въ
вышину и не болѣе 15 въ толщину;

онъ лежишь на 300 шаговъ отъ восточнаго морскаго берега, имѣеть около 400 домовъ и защищается каменнымъ замкомъ, около коего построеть еще другой замокъ. Между городомъ и западнымъ морскимъ берегомъ прокопанъ ровъ на полмилю въ длину: городъ сей называють Тапары Оромъ, а Поляки Перекопомъ (О. У. 36—37). Въ семь мѣсѣ ровъ существовалъ уже во времена Геродота, который свидѣтельствуетъ, что сдѣлавъ онъ Скиѣами. Греки называють его *таФрос* или *таФраи*. О немъ упоминаеть и Коппантинъ Порфирородный: онъ говоритъ, что сдѣлавъ сей ровъ для того, что-бы отдѣлить Крымъ отъ твердой земли, и проливомъ соединить восточную часть Чернаго моря съ западною; но скоро сей ровъ засыпался, и покрылся густымъ лѣсомъ. Асандръ построилъ здѣсь каменную стѣну съ башнями, о чемъ подробно рассказываетъ Страбонъ. Въ XVI столѣтїи

городовъ Оръ сдѣлался ошлицею Калги Крымскаго Хана, или можешъ бышь временной ошлицей и самаго Хана, какъ повѣспвуютъ въкошорья Лышописцы Украины.

Былгородъ Ташарскій или Турецкій, при Днѣспрѣ на милью ошъ моря, какъ пишешъ Боулакъ (О, У. 33.) Ошъ извѣспешъ былъ Римлянамъ подъ именемъ *Albae juliae*, а Грекамъ подъ именемъ Маскарона. Жишели онаго — горитъ Каншемиръ — называюшъ его Тжешаше Альба (О. М. Гл. 4). На югъ ошъ сего города находилсь кочевья Буджацкихъ Ташарь; а въ самомъ городѣ, если вѣришь сказанію Лышописей Украинскихъ, всегда былъ расположенъ гарнизонъ Турецкій.

Пища Козаковъ.

Жидное пѣсто не много проквашенное и сваренное, о копоромъ упоминаетъ нашъ Лѣтописецъ, какъ о главнѣйшемъ кушаньѣ Козаковъ, называлось Запорожцами саламашою или шешерею. О немъ говоритъ и Боплацъ (О. У. 63.), прибавляя что Козаки ѣдять оное смѣшавъ съ просомъ; равно и Крюкъ (О. У. 154). Впрочемъ главной п. е. самой обыкновенной и употребительнѣйшей яствой Запорожцевъ была каша, что доказываеица самымъ названіемъ ихнихъ поваровъ — кашеваровъ. Безъ всякаго сомнѣнія Запорожцы употребляли хлѣбъ, копорый для походовъ рѣзали въ сухари, о чемъ говоритъ и Боплацъ (О. У. 63). Кроме того они употребляли различнаго

рода, мясо, любили рыбу. — Бопланъ очень часто упоминаетъ о привязанности тогдашнихъ Запорожцевъ къ пьянству и бражничеству, не опинмая у нихъ впрочемъ воздержности во время походовъ (О. У. 7).

Я забылъ упомянутьъ еще объ одномъ кушаньи Козаковъ Запорожскихъ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ: эшо—пюря—спершый въ порошокъ сухарь, разведенный въ квасъ, и приправленный коноплянымъ масломъ и солью. — Не упоминаю о другихъ кушаньяхъ, кои одинаково принадлежали Запорожцамъ и Украинцамъ.

8.

Курени. Землянки. Пологи.

Миллеръ — по свидѣтельству Баншыша-Каменскаго — названіе куреней

производиль опъ слова: куришь. Но что значиль курень у Запорожцевъ?

Всякому, бывшему въ Украинѣ, известны курени, спавимыя льпомъ на бакшахъ или башпаялахъ, иногда въ огородахъ и садахъ, иногда на жнивяхъ. Подобныя курени встрѣчаются и въ сѣверной Россіи. То-ли же самое были курени и у Запорожцевъ? Почему же не такъ! по крайней мѣрѣ иногда, когда Запорожцы жили еще въ Лугахъ. Нѣсколько жердей, соспавленныхъ пирамидальной формой, оплешенныхъ лозою, покрытыхъ сверху проспникомъ или комышемъ, или какою нибудь болпшной травой, — вошь курень, жилище какъ не льзя лучше соопвѣпствующее образу жизни Луговаго Запорожца! Но почему же это жилище пазывалось куренемъ? Ужо-ли опъ того, что въ нихъ раскладывался иногда огонь, для варенія яспвъ? Какимъ другимъ дымомъ могло куришься подобное жилище? Разводиль въ немъ большой

огонь было кажется не ловко: непрочное спроеіе со всѣмъ, что находилось въ ономъ, могло бы очень легко обратиться въ пепель при малѣйшей неосторожности. Припомъ это спроеіе на зиму не годилось: сохраняшь теплоту во внутренности оной было во все невозможно. — И такъ вѣрно Запорожскій курень былъ не со всѣмъ то, что теперь называющъ куренемъ.

И Лѣтописи и преданія говорящъ единогласно, что Запорожцы жили еще и въ землянкахъ. И доселѣ ошались слѣды сихъ жилищъ во многихъ мѣстахъ. Судя по симъ слѣдамъ землянки должны были бытъ что либудъ подземное. Такъ точно и было.

Предсхавъше себе яму, покрывшую сверху сволокомъ, засыпаннымъ землей или чаще глиной, съ опверспіемъ по срединѣ, — и вы будете имѣшь помятіе объ Украинскомъ лѣхѣ или погребѣ. То-же самое была и землянка Запорожская съ тою только разницею, что

на долѣ ямы была еще другая не большая яма, въ кошорой раскладывался огонь. Отверстіе въ сволокъ служило дверьми. Въ такомъ случаѣ приспавлялась разумѣея лѣшница. Это же отверстие было и пробой для дыма. Такія-по жилища строили себѣ когда-то Запорожцы для ямы; и еще-по самыя землянки, вѣрояшно, называли они и куренями, по той-же самой причинѣ, по кошорой поселане въ сѣверной Россіи называютъ избы свои безъ пробъ курными. Да не по-ли-же самое были и древніе Русскіе ямы? — По времени названіе куреней могло перейдти и къ лѣшнимъ жилищамъ Козаковъ.

Не могу предспавить на мою догадку доказательствъ фактуальныхъ; но мнѣ кажется, слова нашего Лѣшписца нѣкошорымъ образомъ служить могутъ вмѣсто оныхъ. — Живуть-же — говорятъ онъ — въ коливахъ, сіе есть куреняхъ по пашдесять, по сто и бо-

лѣе. — Что другое, если не землянка разумѣешь онъ здѣсь подъ именемъ куреней? Очень легко можно было выкопать землянку для 50, 100 и болѣе человекъ; какъ дѣйствительно и было, если вѣришь народному преданію; но какъ поспаившь шалашъ для подобнаго количества?

Артель Запорожцевъ, зимовавшихъ въ одной землянкѣ, переходя зиму весной въ лѣсныхъ жилищахъ, строила нѣсколько десятковъ шалашей, копорые всѣ вмѣстѣ назывались шо-же куренемъ, *in sensu copulativo*. Въ послѣдшій времени и каждый шалашъ начали называть куренемъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ перешло сіе слово къ Украинцамъ.

И такъ, если догадка моя справедлива, Запорожскій курень былъ не совсемъ то, что разумѣюшь нынѣ подъ этимъ названіемъ, ибо подъ понятіемъ онаго разумѣлись: 1) землянка, — зимнее, подземное, курное жилье въ родѣ

Камчатскаго кишиша; 2) шалапъ, лѣпшее жилье; 3) собраніе шалашей, заселенныхъ арпелю Козаковъ, управляемыхъ однимъ начальникомъ, о чемъ говоримъ и нашъ Лѣтописецъ.

Бопланъ во все не упоминаетъ ни о куреняхъ, ни о землянкахъ; а только говоритъ о какихъ-то пологихъ, кои будто-бы успраивали Козаки для предохраненія себя отъ мошекъ, комарей и п. п. Я нарочно спрашивалъ объ этомъ у тѣхъ, коимъ знакома древность Запорожская лучше, нежели мнѣ; нарочно рылся въ рукописяхъ, — но сколько ни спрашивалъ, сколько ни рылся, — nihil ad rem. Я оспался при томъ, что узналъ отъ Боплана (О. У. 84 — 85.), — и ни на волосъ болѣе. По неволѣ усумнился въ справедливости его словъ; при томъ Запорожцы едва-ли были такъ лѣжны, что-бы рѣшились шерпѣшь скорѣе духопу, нежели мошекъ и комарей. Я также имѣю честь бытъ знакомъ съ сими племенами край

Дивпровскаго, и очень шерстяиво не-
реношу въ ихъ нападеніи, и всякій пе-
ренесешь шакъ-же. Впрочемъ, ввроап-
но, нынѣшнее поколѣніе оныхъ сдѣла-
лось гораздо смириѣе, чувствительнѣе
и наконецъ почтительнѣе къ человѣ-
честву; ибо въ XVII столѣтіи они
были несравненно безчеловѣчнѣе, не-
жели теперь. — Опухоль лица моего —
пищешъ Бопланъ—едва опала чрезъ при-
дн, а вѣки шакъ раздулись, что я по-
чти не могъ глядѣшь: спрашно было
взглянушь на меня. — Еще одно замѣ-
чаніе: самое успроеніе пологовъ ош-
ывается не Запорожскимъ; оно слиш-
комъ искусвенно, слишкомъ много-
сложно, слишкомъ забошниво для без-
забошныхъ головъ Козацкихъ.

9.

*Устройство и распорядокъ войска
Запорожскаго до Стефана Баторія.*

— И одного-же старѣйшого въ куренѣ имущъ говоритъ нашъ Лышопи-сець. Онъ разумѣетъ Куреннаго Ашамана.

Здѣсь кспати расказахъ хопи крашко объ общественномъ устройствѣ и распорядкѣ войска Запорожскаго до Баторія; но, не имѣя для шакого описанія досшачочнаго количества испочниковъ, ограничиваюсь небольшою запискою, досшавленною мнѣ однимъ изъ моихъ сошрудниковъ.

— Очень вѣрояшно, что Запорожцы до начала XVI столѣтїи, обитая среди непроходимыхъ Луговъ, дубравъ и степей, живучи одной добычей, ничѣмъ не разнспивовали ошъ разбойниковъ и были другъ ошъ друга незави-

симы. Одинаковый образъ жизни, одинаковая цѣль, а часо и нужда во взаимной помощи могли заставили ихъ сближаться другъ съ другомъ; и такимъ образомъ сославились поспешенно артели ихъ, кои, обитая въ одномъ жилищѣ, получили отъ онаго названіе куреней. Таковъ былъ первый шагъ Запорожцевъ къ образованію. Ознакомившись съ Запорожцами, Правительство Польское начало на нихъ обращать свое вниманіе, спаралось подчинить ихъ власти Коронныхъ Гетмановъ;—тогда своевольная шайка Запорожцевъ мало по малу успраивалась, а наконецъ обратилась въ дружину воиновъ защитниковъ опчизны своей отъ набѣговъ Татаръ Крымскихъ и Буджацкихъ. Тогда построили они себѣ на островѣ Хортицѣ городокъ, — думаю въ родѣ Сибирскихъ остроговъ — обнесли его рвомъ и валомъ, оградил валь высокимъ часпоколомъ, — и назвали городъ свой Сѣчью. Одно мѣсто

для жилищъ, мѣсто укрѣпленное общими силами, показываешь уже, что Запорожцы имѣли въ то время общаго начальника ошъ коего зависѣли всѣ начальники частныя: то былъ Кошевой Апаманъ, имѣвшій власть управлять всею дружиной и своимъ согласіемъ утверждать власть за новоизбираемыми Куренными Апаманами. Какъ Кошевой такъ и Куренные избирались всѣмъ обществомъ на Радахъ — народныхъ собраніяхъ, кои были общія и частныя, точно также какъ у Римлянъ по трибамъ и куриямъ. Въ общихъ собраніяхъ всей дружины избираемы были Кошевые, рѣшались всѣ дѣла общественныя, кои конечно ограничивались набѣгами враговъ и местию онымъ. Въ собраніяхъ частныхъ, каждый курень избиралъ для себя Куреннаго, и пр. Сии собранія назывались Радами до Куреню; а шѣ — Радами до Громады. — Не думаю, что-бы Гепманы Польскіе имѣли большую власть надъ

кошорый лежишь на Дѣтпрѣ въ верстѣ
ниже мыса Кичкасова. Башыишь-Ка-
менскій ошибся, придвинувъ Хортицу
къ устью Дѣтпра (И. М. Р. I. 127).—Въ
последшвиъ Рады собирались на Рома-
новомъ курганѣ, если вѣришь Боплану
(О. У, 17.), въ Чигринской дубровѣ,
кошорая значишь по картѣ Боплана
на лѣвой сторонѣ Дѣтпра не много по
выше Чигрина, — въ самъ Чигринъ, въ
Черкасахъ, и въ другихъ мѣстахъ.

11.

Сѣчь.

Запорожская Сѣчь находилась на
островѣ Хортицѣ, и построена, по
сказанію Башыина - Каменскаго, до
Евсѣя Дашковича, а вновь укрѣпле-
на, какъ говорятъ Лѣшописи, Гешма-
номъ Вишневецкимъ. И Карамзинъ упо-
минаетъ о какой-то крѣпости, по-
строенной по его словамъ на островѣ

Хорпиць помянушимъ Гешманомъ (И. Г. Р. VIII. 252). Должно-ли подъ сею крѣпостью разумѣть Сѣчь или какое другое укрѣпленное мѣсто? Изъ его словъ объяснить вшого не лзя. — Со времени Бапорія появились и другія Сѣчи, какъ будешъ сказано ниже.

Слово Сѣчь — по мнѣнію Успенскаго — заимствовано опъ Нѣмецкаго слова *Sitzen* — сидѣніе (О. II, о Д. Р. II. 739). Миллеръ и Богушъ производили оное опъ засѣкъ или шычинъ, коими укрѣпляли Запорожцы свои спавовища или Коши. (Подробнѣе см. И. М. Р. II. нр. 30).

12.

Наказанія.

Нашъ Лѣтописецъ упоминаешъ шелько о двухъ наказаніяхъ, бывшихъ въ употребленіи у Запорожцевъ: висѣ-

лицъ и съченъи кнупомъ; но кромъ сихъ были и другія.

Самое упошребительное наказаніе о которомъ упоминаеть Бопланъ (О. У, 61.) за воровство было у нихъ колъ, буде пресупникъ претій разъ бываль уличасъ въ пресупленіи: два первые раза ему прощались. Подлъ посаженнаго на колъ, клали качалку, п. е. дубинку, которою волкой провъжій или прохожій долженъ былъ ударить пресупника три раза: тѣхъ изъ нихъ, кои не хотѣли исполнять сего, Запорожскіе сшражи принуждали, а если не дѣйствовало принужденіе, то отводили къ Апаману Кошевому; а иногда и сами убивали. — Впрочемъ по Запорожскому обычаю можно было воровать, только съ условіемъ, что-бъ не поймали въ дѣлѣ; и шакого рода искусство сшавилось въ достояніи.

Вѣшали, били кнупомъ и сажали на колъ обыкновенно около большихъ

прѣзжихъ дорогъ; большею частію по Крымскому шляху.

И доселѣ указываютъ на колодезь, находящійся по Крымской дорогѣ верстахъ въ 15 къ Новомосковску. Подъ сего колодца были посажены на коль при брата Спорчан, копорые ограбили почву, вѣхавшую въ Крымъ къ Генералу Прозоровскому отъ Екашерини и Попемкина. За нѣкоторыя пресупленія были кѣми.

13.

Одежда.

Крюйсъ говоритъ, что Козаки обыкновенно хорошо одѣваются, но когда идутъ въ море, то надѣваютъ на себя спарыя вѣпоши (О. У. 155). Не только въ море — можно прибавить — но и вообще въ походъ. — Такъ шочно дѣлывали они искони.

— Походная одежда ихъ — говоритъ Бопландъ — состоитъ изъ рубахи, двухъ шараваръ (одни для перемѣны); кашпана изъ толстаго сукна и шапки. (О. У. 64). — Бопландъ забылъ о свитѣ, верхней одеждѣ Запорожцевъ, которая обыкновенно была съ кобелякомъ и е. копичономъ.

Въ мирное время Запорожцы искони одѣвались очень богато. Рубаха — или какъ они называли сорока — хопя и полсшая, но съ шелковой спежкой, порты широкія въ родъ Азіатскихъ шальваръ и красные чоботы или сапоги — составляли нижнюю одежду. Сверхъ рубахи надѣвался кашпанъ, который могъ быть шелковый, нарчевый и сукошый, и подпоясывался шелковымъ пасомъ — поясомъ широкимъ шелковымъ, пропканымъ на каждую четверть серебряными или золотыми нипками. Поверхъ кашпана набрасывалась свита всегда суконная, съ разръзными рукавами, кои обыкновенно

заспегивались другъ на другъ сзади на спинѣ, и подкладывались подъ кобенягъ, упошреблявшійся въ случаѣ дожда или непогоды. На головѣ Запорожець носилъ бриль, оспроконечную мѣховую шляпу, или кобурь — суконную красную шапку съ бобровой онушкой. На капшань черезъ правое плечо на перевязи вѣшался самопаль (ружье), а за поясомъ на цѣпкахъ два пистолеша, и обоюдоострый ножъ вмѣсто книжала. Шаблюку (саблю) въ мирное время носили рѣдко, — можетъ быть только въ Радахъ. Тогда же надѣвали по верхъ капшана и спальную сипку (сѣпку, кольчугу). — Бороду всегда брили равно и голову, оставляя подлѣ лба длинную прядь волосъ, въ родѣ косы, называя оную чуприной; — и эта чуприна завивалась за лѣвое ухо при или чешыре раза. — Ужасная обида была для Запорожца взять его за чуприну: она была для нихъ столь-же священна, какъ для древнихъ Русскихъ борода. Упо-

шребленіе чуприны принадлежитъ не
однимъ Запорожцамъ, но и другимъ
Славянскимъ народамъ; такимъ обра-
зомъ его носящъ и Морлаки, или Ма-
ровлахи какъ называешъ ихъ Presbi-
ther Diokleas. см. Fortis, Voyage en Dal-
matie. Berne. 1786. I. Lettre II. — Соб-
ственно это обычай Тамарскій, и до
сель Нагайцы и др. народы Тамарска-
го племени, носящъ чуприны, хотя и
нѣсколько оплочно ошъ Запорожцевъ.

14.

Добыча. Клады. Скарбница.

Запорожцы были чрезвычайно бога-
ты, получая въ добычу несравненно бо-
лѣе нежели сколько могли издерживащъ
на свое продовольствіе. До войны Уні-
ашской, добычу получали они шолько
ошъ Турокъ и Тамаръ, а часпію ошъ
Молдаванъ; а послѣ грабили Поляковъ.

Добыча ихъ сосшюла большею частію изъ военнаго оружія, парчей, драгоценныхъ тканей, и денегъ — Испанскихъ реаловъ и Арабскихъ цехиновъ — какъ говоришь Боплакъ (О. У. 68). Кромѣ сего они часно ошгоняли у Татаръ шабуны и ошары, ш. е. спада коней и овецъ; и брали въ плѣнь по большей части дѣшей, кошорыхъ — повѣспяуешь Боплакъ — упошребляли въ услуженіе или дарили Магнашамъ Польскимъ, но однихъ дѣшей; а взрослыхъ шолько въ шакихъ случаяхъ когда надѣялись получить за нихъ дорогой выкупъ (О. У. 4 — 5).

Всю добычу военную, исключая шого, что нужно было для собственнаго ихъ упошребленія, Запорожцы шпарались мѣнять на деньги, и сіи деньги скрывали въ земль про злую невзгодину, что называлось — клады или скарбы класши.

— Обычай сбереженія богатствъ въ ямахъ — говоришь Раковецкій — до се-

го времени сохранился въ Малороссіи. Ямы сіи, выкопанныя въ землѣ имѣющъ малое опверсіе, и расширены въ глубь на подобіе лѣща. Случается, что сіи ямы бывающъ обожжены дровами или соломой, что можно заключить по сажѣ и угольной скорлупѣ. Сохраненныя въ таковыхъ ямахъ богашства не подвержены гніенію. Это подтверждается многими опытами. (Ррав. Rus. II. 68. ргз. к.). — О подобныхъ ямахъ упоминаешь и Гванни въ своей Лѣшописи.

Легко можешь быть, что Запорожцы въ подобныхъ ямахъ скрывали и парчи, и мѣха; впрочемъ на это нѣтъ доказательствъ.

Запорожцы клали клады свои подъ извѣстными примѣтами; на пр. между двухъ деревъ, изъ конхъ на каждомъ вырѣзывали какой нибудь непримѣтный знакъ, или между двухъ могилъ, на копорыхъ извѣстнымъ образомъ складывали камни; иногда клали просто

подъ камнемъ, и ш. п. Не смотря на то, что охотниковъ для ошысканія кладовъ между Украинцами очень и очень много, не смотря на всѣ чары, кои употребляютъ они для сего, — имъ нельзя похвалиться удачею. Есть и такіе, кои употребили все свое сошояніе въ надеждѣ на будущее, и между тѣмъ не нашли ничего. . . Въ иныхъ мѣстахъ, на пр. по берегамъ Днѣпра, и болѣе по правую сторону онаго около пороговъ весняная вода часно подымаетъ кладни, — и монеты, болѣе Турецкія, Испанскія и Польскія, сами собою являющіяся наружу для удовольстворенія жадности перваго узрѣвшаго.

Ксшати здѣсь припомнишь слова Боплана о Войсковой Скарбницѣ.

— Нѣсколько ниже рѣки Черпомлика, почти на среднѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10,000 острововъ, которые . . . всѣ заросли камышемъ . . . Сін шо . . .

оспрова служатъ пришиномъ для Козаковъ, копорые называютъ ихъ Войсковою скарбницею... Всѣ они... пощощаюся весеннимъ поливодемъ... Увѣряютъ, что Козаки скрываютъ множество пушекъ, въ пропоскахъ Войсковой Скарбницы; но гдѣ именно? — никшо изъ Поляковъ вамъ не укажетъ: ибо они въ шѣхъ мѣспахъ не бывающъ; опъ Козаковъ-же не могутъ вывѣдать сей шайны; да изъ нихъ не многіе и знаютъ о шомъ. Они скрываютъ подъ водою, не только пушки, опбиаемыя опъ Турковъ, но и деньги, ... Каждый Козакъ имѣетъ на оспровахъ свой шайный уголокъ. Возвращаясь съ поискавъ ... они дѣлаютъ въ Скарбницѣ добычу. . . —

Исключая несообразности, копоры встрѣчаются въ сомъ сказаніи, замѣчательна и доврчивость, съ какою пересказала. Бопланъ шо въ чемъ его увѣрили. Но можно-ли повѣрить что бы коварные, вроломные Козаки—

какъ называесть ихъ самъ Бопланъ — распустили слухъ о мѣстѣ гдѣ скрываются свои богатства. Если это известно было Боплану, то и многимъ Полякамъ, и вѣчнымъ друзьямъ Поляковъ Жидамъ . . . , и Козаки были шакъ просны, шакъ опкровенны! — Въ преданіи народномъ не сохранилось о Войсковой Скарбицѣ ничего. Народъ говоритъ: была. — А гдѣ? — Про шевони и знали. Богъ зна: де!

На правомъ берегу Днѣпра, версты полпоры ниже Ненасыщенца, есть балка, называемая Військова. Не знаю сколько лѣтъ тому назадъ, нашли случайно на самой пѣчѣ ручейка огромное количество червонцевъ Вошъ гдѣ можетъ быть была скарбница

Запорожцы скрывали еще свои богатства, по сказанію Боплана, въ Замкъ Терехтемировскомъ. (О. У, 14). Вообще о кладахъ см. чрезвычайно любопытное и замѣчательное примѣчаніе въ Ис. Рус. Нар. II. 282 — 283.

*Сказаніе Боплана о храбрости
Козаковъ.*

— Козаки — повѣспивуешъ Бопланъ — въ войнѣ неутомимы, опважны, храбры или лучше сказашъ дерзки, и мало дорожащъ своей жизнию. Мѣтко стрѣляя изъ пищалей, обыкновеннаго своего оружія, Козаки наиболѣе показывающъ храбрость и проворство въ шаборахъ, огороженные шелѣгами, или при оборонѣ крѣпостей. Нельзя сказашъ, что-бъ были плохи и на морѣ; но не шаковы на коняхъ: я самъ видѣлъ, какъ 200 Польскихъ всадниковъ развѣяли 2000 отборныхъ Козаковъ..., (О. У. 8.)

Козаки были храбры въ шаборахъ, не храбры на коняхъ? ! — Едва-ли кто, изъ знающихъ древность Запорожскую, даже изъ шѣхъ, кои знаютъ о Запо-

рожцахъ по слухамъ, повѣришь этому. — Не наше дѣло у рясѣ сприбаши: наше дѣло Козацкѣ конемъ мериньцемъ по степу гуляши,—говорить старинная Запорожская пословица, показывающая, что конь для Запорожца былъ необходимостью. Въ одной пѣснѣ Запорожской есть слѣдующее мѣсто:

— А кѣнь въ степной волѣ, шо такъ Козакъ не безъ доли. Куды хоче, шуды й скаче; за Козакомъ не зацаче.—

Новое доказательство. (Пѣсня сія вполне будетъ помѣщена въ № 7 Запорожской Спарины съ очеркомъ картины, на которой она обыкновенно подписывается:)

Всякій знаетъ, что Козаки не иначе отправлялись въ походъ какъ на коняхъ, или на ладьяхъ; а пѣшихъ Козаковъ, препровождаемыхъ шаборомъ шелегъ, едва-ли кто знаетъ кромѣ Боплана.

До другаго мѣста оставляю подробности равно и описаніе различнаго рода ладій Запорожскихъ.

Подвиги Свирговскаго.

— Той бѣ слава дней своихъ! — говоришь о Гепманѣ Свирговскомъ Рогалевскій въ своей Лѣтописи. Банпышь-Каменскій называетъ его дворяниномъ Польскимъ, уроженцемъ Люблинскимъ, храбрымъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. — Вождь сей — продолжаетъ Банпышь-Каменскій — принявъ начальство надъ Козаками, объявилъ себя непримиримымъ врагомъ невѣрныхъ, и швердо рѣшился мстить имъ за своего предѣшника (Князя Димитрія Вишневецкаго), не взирая на дружбу Сигизмунда Августа съ обладателемъ Тавриды и Султаномъ (И. М. Р. I. 131).

Иоаннъ Армянинъ, Воевода Молдавскій въ 1575 г. просилъ у Поляковъ помощи прошивъ Волоховъ, Турокъ и Ташаръ, кои нападали на Молдавію.

Поляки, занявшие распри междуцарствія, отказали въ помощи. Тогда Иоханъ обратился къ Запорожцамъ и Свирговскому, своему другу (И. Г. П. II. 153). Просьба принята, и Свирговскій съ 1400 Козаковъ двинулся въ Молдавію.

— Переправясь черезъ Днѣспръ — говорившъ Конисскій—онъ совершенно разбилъ Турокъ около города Сороки 23 Апреля 1576 года, полонилъ главнаго ихъ Пашу Кара Мустафу и другихъ чиновниковъ, и отправилъ ихъ съ другими добычами въ Варшаву. Послѣ сей победы Гепманъ раздѣлилъ войска свои на двое, и одну часть подъ командою Полковника Савы Ганжи командировалъ къ Букаресту, а съ другою пошелъ черезъ Яссы къ Галацамъ. —

Сей расказъ Конисскаго мнѣ кажется нѣсколько сомнительнымъ, ибо ничего подобнаго я не нашелъ ни въ одной Лѣтописи изъ мнѣ извѣстныхъ,

хотя впротемъ всѣ оны повѣспивують
о Гешманѣ Свирговскомъ слишкомъ
крапко и неудовлетворительно.

Господарь Молдавскій Іоаннъ ош-
личнымъ образомъ принялъ и угоспиль-
Козаковъ: выѣхаль къ нимъ на встрѣ-
чу при громѣ пушекъ изъ лагеря и въ
сопровожденіи своихъ Бояръ; за объ-
деннымъ споломъ велѣлъ поднести
Предводителямъ ихъ, вмѣсто овощей,
блюда, наполненныя червонцами, гово-
ря:— они доспавяли вамъ ошдохновеіе
опъ пупевыхъ прудовъ, омоютъ до-
рожную пылъ вашу. — Козаки изумле-
ленные сею неожиданностію, гордо
ошвѣспивовали Господарю: что при-
шли къ нему не за золопомъ, но за
славою, желая сразиться съ врагомъ
Хреспіансшва; опказались опъ денегъ,
съ радостию приняли шесшь бочекъ
лучшаго вина (И. М. Р. I. 134 — 135.
Срав. Енгеля G. d. U. 72.)

— Между тѣмъ — продолжаетъ Ко-
нисскій — Гешманъ послаль нарочнаго

въ Свѣчъ къ Кошевому Федору Покошилѣ, что-бы онъ выслалъ пѣхоту на лодкахъ въ Черное Море, и приказалъ не допустить высадокъ Турецкихъ въ Дунай и Днѣспрѣ. Кошевой выправилъ сію экспедицію наилучшимъ образомъ, и она принесла сухопутному войску совершенныя выгоды. Они перехватили въ успѣяхъ обоихъ рѣкъ и въ морѣ многія судна съ войскомъ и снарядами, и войдя въ Дунай многія крѣпости и жилища разорили и выжгли. —

О сихъ дѣйствіяхъ другія Лѣтописи говорятъ мимоходомъ, иныя вовсе умалчиваютъ.

Енгель пишетъ, что Свирговскій присоединилъ къ Козакамъ 6000 Молдаванъ, и началъ военныя дѣйствія осадю Бранлова; однако хопя и побѣдилъ Турковъ близь сего города, но его самого не взялъ. Потомъ соединившись съ другимъ преиспытаннымъ опрядомъ войска Молдавскаго въ другой разъ разбилъ Турковъ, и

положилъ 7000 враговъ убишыми на полѣ брани. Послѣ шрешней бишвы, въ которую взято было въ плѣнь много Турковъ и Волоховъ, Козаки направили пушъ къ Акерману, сожгли половину предмѣстїя сего города, и возвратились въ Молдавію. На послѣдней бишвѣ взявъ въ плѣнь Іоаннъ Армянинъ, а Козаки почти всѣ пали на мѣстѣ бишвы. (G. d. U. 73. — 74. Срав. И. М. Р. I. 135 — 136. Каптемира; Опис. Молд. 108).

Баншышъ Каменскій, слѣдуя Миллеру, говоритъ, что Свирговскій кончилъ жизнь въ оковахъ; но едва ли справедливо, Болѣе вѣроинія заслуживаетъ, кажется, повѣствованію Конисскаго, подтверждаемое опчастни и чародными преданіями. Вотъ оно:

— Подъ городомъ Киліей былъ Свирговскій предательскимъ образомъ извѣщенъ ошъ Армянина, что въ городѣ храняшся песчепныя сокровища, на грабленныя Турками въ Молдавіи и

Валахін, и хранимыя здѣсь не большимъ гарнизономъ, ожидая пока Запорожскіе суда удаляшся, чшо-бы отпра-вили ихъ въ Турцію. Гешманъ рѣшил-ся осадить и взять Килію. Едва онъ началъ скоропоспѣжную ашаку, какъ взорванныя ошъ Турковъ съ прехъ споронъ мины, подняли Гешмана и Козаковъ на воздухъ, а находившіеся въ скрыпныхъ мѣстахъ Турки, напали на нихъ перерѣзали многихъ Козаковъ; оспальные разбѣжались, и долго скипаясь по Молдавіи нашли корпусъ Полковника Ганжи, и съ нимъ ворошились въ свои границы. —

Другая Лѣтопись эпо-же самое обстоятельство рассказываетъ такъ:

— И приходили Гешману слухи, яко многи Христіане въ плѣнъ Агарянами побрашые въ пѣнцѣй неволи въ Киліи мучашся; а Гешманъ за насиліе ош-мшнши восхошъ, и со многимъ браш-сшвомъ оружіе вновь подья, и до Ки-

лія пошедь. А Турки его, разбили; и
бысть убитъ.

Объ пѣсни на смерть Свирговска-
го одинаково полагають могилу сего
славнаго Гешмана: около города, около
Киліи. Предсхавляю Русскій переводъ
сихъ пѣсень (подлинныя см. въ No I.
Запор. Сшар. стр. 27 — 33).

Пѣснь первая.

Когда приходили къ Гешману Ко-
миссары Польскіе, въ городъ Черкас-
сахъ запрубили трубы; когда прихо-
дили къ Гешману Комиссары Польскіе
въ городъ Черкассахъ загремѣли бубны.

— Гордый Панъ Свирговскій, и шы,
Панъ Зборовскій, и шы, Панъ Моро-
зенко, и шы, Панъ Горленко! Съ Во-
лохами бьешся Турокъ, съ Тапарами
бьешся Волохъ; и опустошають зем-
лю Волошскую, и граблять, и не ми-
лующь.

Заржали кони, вдуци подъ гору.
Зашумѣли невѣрные, приближаясь къ

Килин. И когда Панъ Свирговскій приближался къ Килин, онъ собиралъ всѣхъ Козаковъ, и говорилъ имъ на Радѣ; и лешалъ онъ сизымъ орломъ; и гнулся онъ яворомъ :

— Гдѣ-шо я, милые брашья мои, гдѣ шо я останусь? —

И осмался Панъ Свирговскій въ сырой могилѣ, и зарыдали шогда Козаки во кругъ него.

Плакала спарушка Григорьевна, подобно перепелкѣ, подобно перепелкѣ; а молодая сестра сонь-праву рвала и пыпала спарушку, и пыпала спарушку :

— Эшошь сонь-права сила-ль онъ Козацкая? Или эшошь сонь-права Козацкая могила?

— Эшошь сонь-права; моя голубочка, выросъ онъ въ полѣ, и сорвала праву эшу злая судьбина, и подарила моей дочери. О дочь, о дочь моя, дочь! Переспань горюнишься: нашего молодого

Ивана искашь въ могилѣ, въ глубокой
могилѣ, около города, около Киди.

Когда прощался отецъ съ сыномъ;
онъ давалъ ему саблю и збрую; когда
сына провожала мать, она провожала
его слезами; она его выкормила на свое
горе.

Пльня вторая.

Когда шого Пана Ивана, что Геш-
мана Свирговскаго плѣнили невѣрные,
шогода опрубили ему голову. И сняв-
ши съ него голову, вѣшали ее на бун-
тукъ, и играли въ трубы, и насмѣха-
лись надъ нимъ. Тогда съ юга попяну-
лась пуча, будто налепала спая во-
роновъ; и разсыпала она по Украинѣ
шуманы, и горевала Украина: горева-
ла Украина оплакивая своего Гешмана.

Тогда завывали буйные вѣтры: —
гдѣ-же вы оставили нашего Гешмана? —
Тогда налепали соколы: — гдѣ-же вы
пужили по нашемъ Гешманѣ? — Тогда
зашумѣли орлы: — гдѣ-же вы похоро-

нили нашего Гешмана? — Тогда взвѣд-
ся жаворонки: — гдѣ-же вы проспились
съ нашимъ Гешманомъ? —

— Въ глубокой могилѣ, около горо-
да Килип, на Турецкой линіи.

— Что значить выраженіе въ сей
последней пѣснѣ: на Турецкой линіи? —
Вѣроятно тамъ пролегла граница Ту-
рецкихъ владѣній. —

О происшествіяхъ по смерти
Свирговскаго до 1576. см. И. М. Р. I.
137 — 138.

17.

Подвиги Богданка.

Конисскій о подвигахъ Гешмана
Богданка говоритъ слѣдующее:

— Собравъ и дополнивъ пошѣрянныя
Свирговскимъ войска, отправился онъ въ

Крымъ, по повелѣнію Короля Вапорія преслѣдовать Крымскихъ Татаръ, нападавшихъ во время отсутствія Сиверговскаго на границы Малороссійскія и плѣнявшихъ тамошній народъ. Идучи внизъ по Днѣпру, выправилъ изъ Сѣчи 5000 пѣхоты въ лодкахъ подъ командою Войсковаго Асаула Нечая, приказавъ ему прислать на Крымскихъ берегахъ около городовъ Козлова и Кафы, и заперѣть тамошнія гавани до его прибытія къ сѣмъ городамъ. При походѣ Гетмана въ Крымскія степи встрѣчили его полчища Татарскія, но онъ ихъ съ урономъ прогонялъ. Наконецъ дошло дѣло до главнаго сраженія, которое предвидѣвши, Гетманъ заблаговременно приготовился, и поворотя опть Днѣпровскаго Лимана до Орской или Перекопской линіи, атакованъ былъ между Кинбургскихъ Кучугуровъ и каменнаго Даріева моста всѣми Татарскими ордами подъ командою Хана Девлешъ-Гирея; большую часть пере-

билъ и перешопись; потомъ переира-
вившисьъ черезъ Сивашъ или Гилое
море вбродъ и вплавъ, и дошедши на
шой споронѣ къ первымъ воропамъ,
ошибилъ ихъ и впустивъ всю армію,
копорая напавъ на городъ Оръ взяла
его штурмомъ, выбила весь гарнизонъ,
все разорила и предала огню и мечу.
Далѣе взявъ Гешманъ Кафу и жителей
всѣхъ перерѣзавъ, исключая 500 душъ
обоего пола Христіанъ, бывшихъ тамъ
въ плѣну. А какъ поворошили войска
обходить горы Кафскія для нападенія
на Бакчисарай и Козловъ, то при рѣ-
кѣ Салгирѣ встрѣтили ихъ Ханскіе
посланники изъ знавшійшихъ мурзъ,
кои поднесли Гешману дорогіе подарки
просили ошъ имени Хаана о заключеніи
мира. Гешманъ согласился на миръ съ
условіемъ, что-бы возвращены были всѣ
плѣнные Русскіе, а до того что-бы въ
залогъ даны были 18 мурзаковъ ама-
нашами. Все было исполнено, и Геш-
манъ, получивши при томъ 713 плѣн-

никовъ, возвратился въ Малороссію съ великою добычею. Морскимъ войскамъ Гепманъ приказалъ посѣпить пѣ города Турецкіе, кои покупали у Ташаръ Русскихъ пльниковъ, и войсками напавъ нечаянно на приморскіе города Синопъ и Трапезонпъ и на многія мѣстечки предавъ ихъ огню и мечу, доставъ у нихъ пѣсколько своихъ пльниковъ и множество добычи.

Во дни сего-жъ Короля Баторія, когда Турецкія силы безпрестанно нападали на Христіанство вверхъ по рѣкѣ Дунаю живущее, и опъ ихъ Государей и Князей прошено у Короля помощи, то опъ приказалъ Гепману Богдану сдѣлать съ войсками Малороссійскими сильную диверсію въ Турецкія земли, опдаленныя опъ Польскихъ границъ и опвесить ихъ силы опъ сосѣдствующихъ съ Польшею Христіанъ. Гепманъ прежде выправилъ въ Черное море Запорожскаго Асаула Нечая съ шрема тысячами Запорожцевъ на ихъ

лодкахъ, а попомъ отправился и самъ со всѣмъ Малороссійскимъ войскомъ въ Крымскія степи, а перешедъ ихъ въ виду Орской линіи и Тапаръ, ни мало походу ихъ не мѣшавшихъ, перешель черезъ Донъ съ помощію Донскихъ Козаковъ, а послѣ черезъ Кубань, и попомъ началъ военныя дѣйствія, все предавалъ огню и мечу. Жишели спасались однимъ бѣгствомъ: а Флопилиа по берегамъ производила также опустошенія. Проходя всю Анаполию посѣтилъ Гепманъ главныя тамошнія города, Синопъ и Трапезоншъ не дѣлая къ крѣпостямъ ихъ присипуовъ за немѣнемъ парочипой аршилеріи, выжегъ одни ихъ Форшпадшы, и достигнувъ предмѣстій Цареградскихъ, принудилъ удивленныхъ Турковъ спастись бѣгствомъ на судахъ въ Цареградъ. Войска Малороссійскіе выжгли и разграбили предмѣстія, отспунили къ Черному морю, и на проливъ переправясь на судахъ Запорожскихъ, лодкахъ

и другихъ судахъ у Турецкихъ береговъ забранныхъ вступили въ Болгарію, увѣривши жишелей, что они проптивъ нихъ не предпримуть непріятельскихъ дѣйствій. Болгары провожали Козаковъ до Дуная и оказывали все возможное пособіе. Гепманъ, переправившись черезъ Дунай между Варною и Силистріею, вступилъ въ Молдавію и поравнявшись съ городомъ Киліей, напалъ на него быспро на разсвѣтъ и взявъ присупомъ, приказалъ вырѣзать всѣхъ Турковъ и Армянъ, и разграбивъ городъ выжечь въ опмщеніе за смерть Свирговскаго и Козаковъ. За симъ Гепманъ возвратился въ свои границы со славой и добычей. —

Всѣ прочія Лѣтописцы очень кратко описываютъ военныя дѣйствія Гепмана Богданка, — спольже кратко ихъ описываетъ и Бачышъ-Каменскій (И. М. Р. I. 139), придавая оному достоинство Князя Рожинскаго, въ чемъ прошиворѣчитъ Лѣтописамъ. —

Если вѣришь Запорожской думѣ, копорой переводъ см. въ Замѣчаніи 18, то Богданко погибъ въ битвѣ съ Ташарами.

18.

Дума о Богданкѣ въ переводѣ.

Всѣ Лѣтописи единогласно говорятъ что Баторій пожаловалъ Гешману войска Запорожскаго хоругвь, бунчукъ и булаву. По сему случаю какой-то Бандуристъ, составилъ Думу, чрезвычайно любопытную. (Подлинникъ помѣщенъ въ No I, Запорожской Спарни спр. 77 — 82). Здѣсь предсавляю Русскій переводъ.

— То не буйный вѣперъ воешь, завываешь по степямъ, по Ташарскій Ханъ насылаешь на Украину свое войско, что-бы оно грабило и разоря-

(104)

до нашу матиь родную — неповинную
Украину, — что-бы оно брало въ плѣвъ
и женъ и дѣвиць нашихъ, и наше иму-
щество, что-бы оно заганяло въ свои
улузы и коней и овецъ и всѣ наши
спада, данныя намъ Богомъ, что-бы
оно разбивало и разоряло курени Ко-
зацкіо. Итъпъ. То удалый Богданко
всѣхъ Козаковъ созываетъ въ грома-
ду — всѣхъ Козаковъ: и чиповныхъ и
просныхъ, и сосѣдей, и подсосѣдей, и
Хорунжихъ, и прочихъ спаршинъ —
храбрыхъ Сотниковъ и Полковниковъ.
Онъ созываетъ и скликаетъ ихъ
всѣхъ вмѣстѣ, и собираетъ въ громаду;
и самъ выходитъ среди ихъ, блеснитъ
мечемъ своимъ; при раза кланяется въ
землю Святымъ мѣспамъ, попомъ кла-
детъ по одному поклону на каждую
спрану свѣща, еще одинъ поклонъ Ко-
закамъ, и еще одинъ поклонъ Сот-
никамъ и Полковникамъ; и молился
Богу, и пакъ говоритъ, обращаясь къ
Козакамъ, ко всей грамадѣ:

— То не буйный въперъ воешь, завываешь по степямъ, по не Ташарскій Ханъ насылаешь на Украину свое войско, что-бы оно грабило и разоряло нашу мать родную — неповинную Украину, что-бы оно брало въ плѣнь и женъ и дѣвицъ нашихъ, и наше имущество, что бы оно загнаило въ свои улусы и коней, и овецъ, и всѣ наши спада, данныя намъ Богомъ, что бы оно разбивало и разоряло курени Козацкіе. То Король Польскій намъ и вамъ высылаешь подарокъ; онъ даритъ великій даръ, и насъ и васъ почиая и уважая. Онъ хочетъ, что-бы вы, брашцы, храбрые Козаки поварищи, молили Бога за него, Короля Польскаго, и служили бы ему вѣрой и правдой какъ Богу, который живенъ высоко въ небѣ, не обижали-бы Поляковъ, а жили бы съ ними какъ съ родными братьями, нападали бы на Москалей, сражались и побѣждали Ташаръ; — и за это вашему Гейману; удалому Богданку, а

съ нимъ и вамъ дарить оный великій даръ, и шопть великій подарокъ-даръ: золотая булава, серебрянная хоругвь и бунчукъ съ жеребца. Но Король Польши пишеть еще, приписываетъ: — Пусть-же швои Козаки поварищи служатъ мнѣ вѣрой и правдой, какъ шому Богу, который живеть высоко въ небѣ! Если-жь не будутъ они служишь мнѣ вѣрой и правдой, тогда я подарю имъ другой подарокъ: я ихъ порадуо болезнію, болезнію шяжелой, нестерпимой. —

И услышали это Козаки, и шакъ молвили своему Гепману:

— Такъ вопть намъ Король Польскій дарить великій подарокъ-даръ; а если не будемъ служишь ему вѣрой и правдой то порадуешъ оный насъ какимъ-то недугомъ. Какимъ-же бы то недугомъ? Не свободой-ли? О, если-бъ имъ недугомъ, шпо свободой, — то намъ всѣмъ Козакамъ поварищамъ и не нужно было-бы иныхъ даровъ. Тогда служили-

бы мы, Королю Польскому вѣрой и правдой, какъ Богу, котораго живешь высоко въ небѣ, и не обижали-бы Поляковъ, и жили-бы съ ними, будиши съ родными братьями, и нападали на Москалей, сражался и съ Тапарами, и во вѣки-бы вѣчные не зломъ а добромъ и молитвой какъ Богу отдавали-бы почтеніе великому Господину своему Королю Польскому. —

Вопъ что говорили Козаки, и сказавши смолкли. Тогда Гетманъ удалый Богданко подходитъ съ просьбою къ своему Секретарю, Ѳомѣ Безродному, и къ Апаманамъ Курешнымъ; и одного за другимъ прилежно выпышываетъ, исповѣдуетъ; и предсказываетъ имъ и шо и другое; и обѣщаетъ Козакамъ походъ на Турковъ, и великую добычу въ шомъ великомъ походѣ.

— Тамъ — говоритъ онъ — земля полна золотомъ и серебромъ; и горы подъ самое небо. Тамъ течетъ великая рѣка — море; и что въ ней ни ключъ, шо

съ водою бѣжитъ песокъ, а по песку плыветъ золошяя рыбка, и на каждой рыбкѣ лежатъ красныя кармазинныя яблоки (*), а другія желтыя бѣгутъ за рыбкой. —

Если шакъ, то и такъ. И расходились Козаки съ громады, и радовались; и въ походъ выснупали, рубили и грабили Турковъ. Но ипущъ же подъ горою въ полѣ, подъ густымъ ракишникомъ нашли Гепмана своего — убишаго. Они выкопали тогда глубокую могилу, и на могилу насыпали курганъ, и оставили подлѣ могилы копия Турецкаго Гепманскаго. То отправили они Гепману погребеніе. Здѣсь ему и на вѣки лежатъ. Собравши добычу, они возвратились въ свою родину, молились Богу, дѣлились богатствами.

(*) Яблоки Кармазинокки — особенный, самый любимый народомъ родъ яблокъ, находящійся, кажется, вездѣ по Украинѣ.

Они дѣлились богашствами, — а мы по-
дѣлимся чарой. —

Хоругвь, данная Стефаномъ Батю-
поріемъ войску Запорожскому, изобра-
жала на своемъ плащѣ гербъ бѣлаго
Орла. (И. М. Р. I. 139).

Булава — палица полая серебрян-
ная позолоченная съ шаромъ на верху
также полымъ, и украшеннымъ драго-
цѣнными каменьями. См. изображеніе
оной въ разныхъ формахъ на поршре-
пахъ Гетмановъ Запорожскаго войска,
приложенныхъ къ И. М. Р.

Бунчукъ — шестъ, украшенный
сверху золотымъ шарикомъ, около ко-
его прикрѣпляется небольшое знамя и
копскій хвостъ, иногда два хвоста,
иногда и болѣе. Сей знакъ искони упо-
реблялся Турками, и отъ нихъ пе-
решелъ къ Запорожцамъ.

Происхожденіе бунчуковъ ошно-
сится ко временамъ Абубекра, наслед-
ника Мугамедова. Проигравъ однажды
сраженіе въ Сиріи, Абубекръ остав-
ленъ былъ войсками, кои разбѣжались
во всѣ стороны. Одинъ изъ офицеровъ,
находившихся при Абубекрѣ придумалъ
средство соединить ихъ: взялъ длин-
ный шестъ, и, поймавъ въ рукахъ ни-
чего такого, что-бы могло издали по-
дать знакъ, отрубилъ у коня своего
хвостъ; попомъ привязалъ его къ кон-
цу шеста, и началъ махать во всѣ
стороны. Войска, увидя знакъ созыва,
сбѣжались къ предводителю своему, и
соединенными силами разбили враговъ.
Съ сего времени бунчукъ, т. е. кон-
скій хвостъ, сдѣлался почетнымъ зна-
менемъ Мугамеданскаго войска (Изв. о
Тур. Имп. 139 — 140).

Взглядъ на устройство войска Запорожскаго при Стефанъ Баторій.

— Стефанъ Баторій, обязанный престоломъ Польскимъ благопріятному спеченію обстоятельствъ, болѣе другихъ долженъ былъ чувствовать нужду въ преданности и помощи войска Запорожскаго; и потому обратилъ на оное особенное вниманіе, съдѣствіемъ коего было успроеніе политическаго и гражданскаго ихъ состава. Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ какъ для Украины такъ и для Польши правъ, дарованныхъ Баторіемъ войску Запорожскому было позволеніе расселяться оному вдоль по берегамъ Днѣпра до самаго Кіева. Запорожцы не замѣдлили воспользоваться симъ правомъ, — и вскорѣ Украина раздѣлилась между ними на десяць полковъ, кои были: Чи-

гринскій, Корсуньскій, Черкасскій, Уманьскій, Лодыжинскій, Богуславскій, Кіевскій, Полтавскій, Миргородскій и Переяславскій. Каждый полкъ раздѣлялся на Сошны, а Сошня на Курени. Каждый полкъ имѣлъ главный свой городъ, въ коемъ жилъ Полковникъ; каждая Сошня — свое мѣстечко; каждый Курень — свои слободы или хутора. Такимъ образомъ войско Запорожское, бывшее до того времени ватагой вольниковъ, вѣчно скипающихся, связанныхъ съ Украиной только происхожденіемъ и вѣрой, имѣвшихъ къ оной отношенія часто гибельныя для нее, преобразовалось въ Земское войско Украины, связалось съ оною крѣпкимъ узломъ сосѣдства и браштва, дошолъ бывшаго въ забвеніи, въ пренебреженіи съ обѣихъ сторонъ. ... Но что могъ имѣть въ виду Башорій, рѣшась на такое поспановленіе? Уже-ли онъ имѣлъ въ умѣ своемъ смѣлую мечту — ограничить онымъ силу Запорожцевъ.

Часть I.

(113)

10

Уже-ли могъ думатьъ, что Запорожцы, расселившись между Украинцами, исчезнушь въ количествѣ сихъ послѣднихъ, сольюшся съ ними въ одно братство; — и распянувши свои жилища на пропаяженіи какихъ нибудь пяти сошъ верстѣ, пошеряютъ единство духа и образа нравовъ, а наконецъ и независимость? . . . И между тѣмъ расселивши Запорожцевъ по Украинѣ, онъ не предпринялъ никакихъ мѣръ прошиву ихъ самобытности; а напрошивъ того какъ будто спарался укрѣпить, упрочить оную. . . Башорій даровалъ войску Запорожскому Гешмана и прочихъ старшинъ: Войсковыхъ, Полковыхъ и Сошенихъ, подчинилъ оное Судамъ Повѣшнымъ только по Земскимъ дѣламъ, а по всему прочему оставилъ ихъ подъ вѣдомствомъ Войсковой Канцеляріи, въ кошорой подъ предсѣдательствомъ Гешмана засѣдали: Обозный (начальникъ пушкарей или артиллерисовъ войска Запорожскаго) какъ

старшій членъ, Судья Генеральный, Подсудокъ, Писарь (Секретарь), Асауль (начальникъ конницы и пѣхоты), Хорунжій (хранишель войсковой Хоругви), Бунчужный (хранишель Гепманскаго бунчука). Отъ Войсковой Канцелярїи зависѣли Суды полковые, а отъ нихъ Суды Сотенныя. Въ сихъ судахъ засѣдали Старшины тѣхъ-же названій и должностей, какъ и въ Войсковой Канцелярїи; въ первыхъ предсѣдательствовали Полковники, а въ послѣднихъ Сотники. Всѣ Старшины войска Запорожскаго были избираемы по большнству голосовъ самыми Козаками на Радахъ. Башоріемъ-же пожалованы Гепманамъ Запорожскимъ клейноды, явно высказывающіе погдашнюю самобытность войска (см. З. 18), и печать Войсковая. Кромѣ сего Башорій построилъ въ свое имя городъ Балупринь — столицу для Гепмановъ и Генеральныхъ старшинъ войска Запорожскаго; и подарилъ укрѣпленный замокъ

Терехшмировъ. Запорожская Сѣчь оспалась главною крѣпостью Козаковъ, коей Комендантъ былъ Кошевой Апаманъ, также избираемый на Радахъ: подъ начальствомъ его была морская сила войска Запорожскаго. Баторій привелъ въ хорошее состояніе Аршилерію Запорожскую, снабдилъ войско ружьями, пиками и бердышами, ввелъ въ употребленіе кольчуги. Одно польско постановленіе Баторія, казалось, было прошиву независимости войска: онъ ошдѣлилъ выборныхъ или реесерповыхъ Козаковъ отъ охочекомонныхъ. Только первые числомъ до 6000, были на двѣспивительной службѣ, во всегдашней гошовности къ походу или, правильнѣе выражаясь, во всегдашнихъ походахъ. Козаки-же охочекомонные составляли внутреннюю спражу въ Украинѣ, жили ошдѣльными поселеніями, и были въ мирное время проспыми поселянами; были воинами не по образу жизни, а по правамъ. О сихъ-то охоч-

чекомонныхъ Козакахъ говоришь Бопланъ, что они искусны во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для общежитія, занимающся земледѣліемъ и пр. (О. У. 5 — 6). Впрочемъ сіи Козаки были связаны съ выборными цѣпью неразрывною: ими пополнялась убыль сихъ послѣднихъ; а это подавало часто поводъ ко всеобщимъ ополченіямъ всего войска, ополченіямъ, оказавшимся для Польши споль гибельными въ послѣдующее время. При Бопланъ всѣхъ Козаковъ считалось уже до 120,000, а во время возстанія, по словамъ его спало подъ знамя бунипа около 200,000. Не лзя оставишь безъ замѣчанія того, что со времянь Башорія или немного прежде, Козаки, привыкшіе до споль вести жизнь холостую, почти совсѣмъ бросили сей обычай,—и одни сполько Ресспровые Козаки должны были сохраняшь оный ненарушимо; сохраняли его и нѣкнпорые изъ охочекомонныхъ Козаковъ, именпо жившіе земляцками

въ лѣсахъ по лѣвому берегу Днѣпра около пороговъ, бывшихъ подъ зависимоцію Кошеваго, и называвшихся Гайдомаками. — Ошмѣненіе обычая жизни холоспую, имѣло важное вліяніе не только на Запорожцевъ; но и на всю Украину; ибо слѣдствіемъ онаго было рожденіе политическаго могущества Запорожскаго войска, и гражданскаго благоденствія Украины, освободившейся съ того времени отъ шаекъ бродниковъ, появлявшихся дошолъ многочисленными толпами въ нѣдрахъ ея подъ именемъ Запорожцевъ, и своей пунелдой, разбойнической жизнью безпрестанно возмущавшихъ ея спокойствіе, наносившихъ жестокий вредъ ея промышленности; поселявшихъ въ оной мяшежи и междоусобія. Если Бапорій и не первый содѣйствовалъ къ ошмѣненію помянутаго обычая, то по крайней мѣрѣ употреблялъ къ тому дѣятельные мѣры, и положилъ

твердое начало соединенію Украинцевъ съ Запорожцами союзомъ родства. —

Устраивая войско Запорожское, Стефанъ Баторій не забывалъ и Украины (См. въ И. М. Р. I. Гл: X).

Всѣ распоряженія Баторія касательно войска Запорожскаго и Украины выражаютъ его желаніе устроитъ, оцаспливитъ, возвеличитъ справу сію; но предполагалъ ли сей Великій Государь, какія послѣдствія для Польши произведутъ онъ? Предполагалъ-ли, что онъ предуготовитъ для Поляковъ спольшнія войны съ Запорожцами, и пошлетъ рѣшительный ударъ, который предоснавлено было Богдану Хмельницкому нанести народу сему, ударъ, разсѣкшій узелъ судьбы и Украины и Польши? Баторій былъ Великій Государь, но или онъ былъ великъ только въ наспоощеніи, или, будучи родомъ не Полякъ, имѣлъ въ виду одно современное благоденствіе Государства Польскаго, и не хотѣлъ думать о бу-

дущемъ. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, если Баторій наконецъ и созналъ ошибку въ устройствѣ войска Запорожскаго и Украины, то уже слишкомъ поздно: напрасны были-бы усилія снѣснись Запорожцевъ, ослабить силу ихъ, и тѣмъ менѣе поколебать ихъ независимость. Всякое распоряженіе въ противность предшествовавшимъ, готово было бытъ почитаемо припѣсненіемъ; всякое припѣсненіе подать поводъ къ общенародному возстанію. Народъ удерживался въ покорности только до времени, только подъ могучимъ вліаніемъ Великаго Баторія, умѣвшаго покоить и содержать въ покорности многоразличныхъ подданныхъ своихъ. Народъ удерживался въ покорности; но какова была сія покорность? Видная, наружная, принужденная, посвященная въ ударъ своемъ зародышъ возмущеній. Народъ покоренъ былъ Баторію только изъ признапельности къ нему: онъ не могъ не видѣть бла-

годѣній; рассыпаемыхъ ему щедрою
рукой своего Зиждителя. И между
тѣмъ даже при Вапоріи бывали при-
чины для возмущеній народа Укра-
инскаго. Конечно не правительство
пришѣсило его: подапи были незначи-
тельны, а Запорожцы соспояшіе на
дѣйствительной службѣ получали и жа-
ловаые; но за то были частныя при-
шѣсенія, кои крестьяне терпѣли отъ
господъ своихъ, ихъ опкущниковъ, и
болѣе всего отъ безчинства Жидовъ,
кои старались завладѣть на Украинѣ
всѣми отраслями промышленности, и
копорыхъ никакая власць не могла-бы
въ то время удержатъ въ границахъ
законныхъ; наконецъ не льзя не замѣ-
шитъ отношенія, въ какомъ находил-
ся тогда простой народъ къ Дворян-
ству, которое было отъ него удалено
не одними правами, но часто и вѣрой,
а всего чаще мнѣніями политическими.
Сін послѣдній, будучи конечно распро-
страняемы по Украинѣ Запорожцами,

во многихъ отношеніяхъ оплнчались
опъ мнѣніи Двора Польскаго, а снмъ
послѣднимъ Дворянство Украинское
слѣдовало очень часто и по охотѣ, и по
выгодамъ, кои въ этомъ находило. —

20.

Иванъ Подкова.

Большая часть Львописцевъ Украинскихъ называютъ Подкову Гепманомъ; напрошивъ того Енгель, Баттышъ-Каменскій и другіе именуютъ его просто Козакомъ, рассказывая впрочемъ о дѣйствіяхъ его одинаково съ Львописцами, исключая конечно Львописца Конисскаго, которая почти всегда разнилась опъ другихъ. Думаю, что Подкова былъ не Гепманъ и не простой Козакъ, а Апаманъ Кошевой или Куренной. Апаманомъ называютъ его и нашъ Львописецъ, если вѣришь нѣко-

(122)

порымъ спискамъ; ибо въ другихъ слово Ашаманъ пропущено. Самымъ лучшимъ доказательствомъ, могутъ служить пѣсни и дума о немъ, помѣщенные въ No. I Запорожской Спарины. Но гдѣ же тамъ эти пѣсни и дума? — спросить читатель. Тамъ нѣтъ ни пѣсни ни думы о Подковѣ. — Догадка, Мм. Гг! Вамъ представляю оспаривать такую—или согласиться. Можетъ быть, моя догадка будетъ такъ счастлива, что оправдается и новыми доказательствами изъ Лѣтописей Молдавскихъ, если сія книжка попадется въ руки тѣхъ, коимъ сіи Лѣтописи извѣстны лучше нежели мнѣ, и если они удостоятъ такую вниманія своего. — Въ No I Запорожской Спарины есть двѣ пѣсни и одна дума о Серягѣ (спр. 33—36 и 82—86): этого Серягу я почишаю однимъ лицомъ съ Подковою, а почему? — шопчасъ объясню. Прочтемъ прежде переводъ пѣсень и думы.

Пѣснь первая.

Въ городѣ Львовѣ зашумѣли вербы.
Козакъ бурлакъ лежишь убишый. Тотъ
мершвецъ — Серпяга.

Въ городѣ Львовѣ зазвонили въ ко-
локола. Козакъ бурлакъ лежишь уби-
шый. Совершаютъ погребеніе.

А въ городѣ Каневѣ зарыдали, ког-
да медленно опустили Серпягу въ мо-
гилу.

Опустили Серпягу, и засыпали зем-
лею, и совершали по немъ поминовеніе
во всей Украинѣ.

Пѣснь вторая.

Увы, по сила, сила, сила одолѣла
силу. Могила дождалась во Львовѣ
Серпягу.

Дождалась могила, какъ желали
Молдаване. Они привязывали Серпягу
къ сухому дубу.

Молдаване, Молдаване! для чего-же
призывали вы его? для чего измѣнили
Козакамъ Запорожцамъ?

Вы измѣнили своему Господарю. —
Гешману Серпягѣ не худо было и дома.
Поминайте-же злое своего Гос-
подаря. Пусть онъ и добрый, пусть
онъ и злой, — что вамъ до этого?

Пусть онъ и добрый, пусть онъ и
злой, лишь бы не былъ онъ подлѣ.
Что-же? Привязывайте Серпягу къ
сухому суку.

Что Серпяга, то Серпяга имѣетъ
брата Жаха и опъ своего брата Жа-
ха ожидаетъ поминовения.

Дума.

По Черному глубокому морю, по
широкому, далекому Дунаю выходишь,
высупаешь злая буря. Она ведетъ
Козаковъ въ землю чуждую. А съ юга
вѣетъ и завываетъ буйный вѣтеръ; и
по Черному морю всплаетъ перелож-
ная волна; и по Черному морю лаетъ
и спонетъ она сѣрымъ волкомъ.

И собрались товарищи Козаки, всѣ
храбрые Запорожцы думаютъ, гадаютъ о

пой бурь, подь надь синимь моремь
Дунаемь ожидашь шихой погоды.

И ждали они одишь чась, и ждали
другой; но злая буря поднималась все
болте, ни мало не ушихая по Черному
глубокому морю, по широкому и дале-
кому Дунаю; но все злѣе гремѣла гро-
момь по небу, и блеспѣла молніей
межь пучами. Тогда Апамань Ивань
Серпяга Козаковь поварищей подзываеть
къ себѣ, и шакь молвить Коза-
камь поварищамь:

— О, Паны, родные братья мои,
храбрые поварищи мои, Козаки Запо-
рожцы. Ни когда не было ни слухомь
слышно, ни видомь видано, чпо-бы ша-
кая злая буря напала на Козаковь съ
шакою силою, чпо-бы гремѣла шакимь
громомь, и блеспѣла шакой молніей, и
чпо-бы вы, Паны, Козаки поварищи,
шакь долго сполни, ожидая шихой по-
годы у моря Дуная. —

И услышали это Козаки, и мол-
чали. — Когда-же было, чпо-бь мы пу-

гались бусурмановъ? Когда-же было, что-бы мы скрывались отъ нихъ? А нынѣ, если-бъ хотѣ бусурмановъ, — мы устрашилися бури; усшали ожидаа пнхой погоды, клянн злую недобрую бурю. —

И услышали, что Козаки, и молчали; и много, много разсуждали, но молча, глядя одинъ на другаго, — и вышупили въ походъ!

И вопть идупть они день не день, и не два, и не три, и не чешыре днл; а злая недобрая буря начала быспро спихать на Черномъ морѣ, на далекомъ Дунаѣ, и переложная волна убѣгала въ свои гробы, въ пропасти подводныя. Тогда Козаки молились Богу клани по три поклоа, и опдыхали. И попомъ всѣ Козаки вышупили въ походъ съ храбрымъ Гепманомъ своимъ Иваномъ Серпягой, и шяжело разбивали невѣрныхъ, думали и гадали; и заключали миръ съ Салтаномъ невѣрныхъ около города Акермана, и опобрали у него все иму-

щество его, и Ташаръ — свекольниковъ разбивали и грабили. И возвратились домой тихою погодой, со славною добычей.

Мои доказательства, что Серпяга есть по-же что Подкова сушь:

1. Подкова былъ выбранъ на Господарство Молдавскоѣ, и низверженъ съ онаго. То же самое говорится и о Серпягѣ во 2-й пѣснѣ.

2. Подкова былъ убитъ во Львовѣ. То же самое сказано и о Серпягѣ въ обѣихъ пѣсняхъ.

3. Подкову похоронили въ Каневѣ. Тамъ же хоронили и Серпягу, какъ сказано въ первой пѣснѣ.

4. Подкова имѣлъ поварищемъ своимъ Гепмана Шаха. Во второй пѣснѣ о Серпягѣ говорится, что у него есть братъ ш. е. товарищъ — Жахъ. Жахъ и Шахъ не одно-ли и по-же? Можеть

быть, даже правильно пишешь. Жакъ
нежели Шахъ (*).

Что Подкова или Серпяга былъ
Ашманъ, то это подтверждаютъ и
писни и думы. Только во второй пѣс-
нѣ онъ названъ Гепмакомъ, но это мо-
жетъ быть по ошибкѣ. —

О происшествіяхъ, рассказанныхъ
въ думѣ, Лѣтописи умалчиваютъ.

О Гепманѣ Подковѣ см. Engel's
Gesch. der Mold. § 39. 40. 41. Ист. М.
Р. 140 — 142.

Львовъ — основанъ Даниломъ не
задолго до его кончины, какъ говоритъ
Лѣтопись Длугошева, въ 1266 году.
Наслѣдникъ его Левъ сдѣлалъ Львовъ
столицею Княженія. Въ 1317 году
Львовъ взялъ Казимиромъ Великимъ,
Королемъ Польскимъ, а въ 1356 году

(*) Жакъ — слово Украинское, означаетъ
страхъ. — Жакать — пугать. Жакаться
— пугаться страшиться.

даны ему были права Магдебургскія. Во время-же Казимира Великаго Нѣмецкіе поселенцы сего города назвали его Лембергомъ. См. Рат. Lvow. 1816. Но 1. и 2. — Въ Львовѣ очень многіе изъ Запорожскихъ сшаршинъ преданы были смерти огнѣ Поляковъ.

Каневъ — съ весьма древнимъ замкомъ, какъ рассказываетъ Боплянъ; въ немъ Козаки имѣли поспоянный гарнизонъ изъ одного полка. (О. У, 14).— Въ Каневѣ очень часто современи Башорія собирались Козацкія Рады, о чемъ говоритъ Шафонскій въ своихъ Запискахъ о Малороссіи.

Начало

СКАЗАНІЯ

о Гетманахъ Запорожскихъ.

§ 8.

Малороссія сирѣчь Украина принадлежала издавна землѣ Русской, а въ чешыренадесащомъ вѣкѣ завладена Лисовцами; Казимиръ Король Польши причислилъ оную къ своему владѣнію; и Кіевъ упросилъ въ Воеводство, и Воеводою первымъ былъ Маршаль Гащпольдъ. Прочіе города и села заняты въ паршикулярное владѣніе Польскими Панами. Въ Запорожьѣ основались Козаки и управлялися спали Гетманами.

§ 2.

Первый был Гешманъ войскъ Запорожскихъ Предславъ Ланскронскій, фамиліи Сенаторской. Сей съ Козаками землю Турецкую воевалъ, и Пашу ихъ Абдаллу Оливерца при селеніи Гурьевскомъ убилъ. Гешманспровалъ сей Ланскронскій при Сигизмундѣ I-мъ; и, были въ шое время дарованы Зако́рожцамъ вольности и права, и выше пороговъ селилися имъ позволено спало. Но Ланскронскаго, хотѣвшаго въ обласъ Польскую съ Козаками ошдашися, голову ошсѣчено и безчино погребено.

§ 3.

А на мѣсто его пославленъ Димитрій Князь Вишневецкій; але правилъ Козаками на мало.

§ 4.

А послѣ Гешманъ Князь Ружинскій Евспафій, мужъ великаго ума и храбрости. На Ташарву не разъ нападалъ и разбивалъ.

§ 5.

За нимъ Гешманъ войскъ Запорожскихъ спался Вейжикъ Хмельницкій. Сей Козаковъ собравши на Ташаръ Днѣпромъ на ладіяхъ поплылъ, провѣдавши, что шабуны Ташарскіе на Лиманъ пасутся, и никто-же спережешъ ихъ. Но то была омылка: невѣрныхъ людей послушали. Гешманъ нашель шамъ невѣрныхъ бусурмановъ, что въплъ числа. Сии окольными и дальными пушями обойшли войско Запорожское и окружили оповсюду. Но Вейжикъ хитрость воинску употребивъ, знав-

ши же Тапарскіе кони огня боляся, шепъ зажегъ, и по въпру ошъ Тапаръ ушель, погнавши за собою великій косякъ коней наилучшихъ Тапарскихъ. Изумилися Тапары, и вново походомъ поишли на Запорожцевъ; но и вново Венжикъ Гепманъ побѣдилъ ихъ подъ Заславьемъ на Волинѣ. Скоро ошъиде смершныя ради раны.

§ 6.

При Королѣ Польши Генрихѣ Французскомъ былъ Гепманъ Запорожскій, по фамиліи Дружко Свѣрховскій. Сей въ Квоцію Господаремъ Волошскимъ Турецкихъ воиновъ не разъ побивалъ, и ошъ Турковъ въ землѣ Волошской убишъ. И большая половина войска его убиша, а доспальное по землѣ Волошской поразбѣжалось.

Гешманъ Запорожскій Богданко Ружный воевалъ съ большою Вагою Крымъ и Туречину, а на моръ Запорожскій Войсковою Асауль Нечай Турецкую флотилію въ прахъ обратилъ. Въ сіе время славные и храбрые Козаки въ порядокъ наилучшій при Король Польскомъ Стефанъ Башори, устроены. Онъ же Стефанъ опредѣлилъ имъ Гешмана и Спаршиня учредилъ между ними, а Гешману булаву, бунчукъ, и хоругвь далъ; а войску Козаковъ Запорожскихъ почашъ съ гербомъ, — шой естъ: рыцарь съ самопадомъ, на головѣ колпакъ направо прекривленный, и рогъ при боку. Тотъ же Король, oprичъ спаринный городъ Чигринъ, Терехцемировъ далъ съ монастыремъ для зимовій; а плашилъ каж-

дому Козаку по червонцу и по козуху. Старшинамъ давалъ по два, по десяти и болѣе. И Козаки шѣмъ не мало довольны спановились; и въ Азію на 1000 миль повоевали, Трапезонъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту разорили, и подъ Цареградомъ немало корысти побрали. Съ того времени Козаки начали имѣть двухъ Гепмановъ: одинъ то былъ Гепманомъ всего войска Запорожскаго; а другой Кошевымъ Гепманомъ низовыхъ Козаковъ прозывался, и во власни первого былъ, старшій однако надъ всѣми другими Козацкими началами.

§ 8.

По смерти Богданка Ружного былъ Гепманомъ Запорожскимъ Ганъ Подкова, такъ прозванный по силѣ коею одаренъ былъ, и подковы аки ничпож-

ныя вещи изламывалъ. Сей произведенъ на Господарство Волошское. — Ляхи въ наущеніи Волоховъ, Козаку простому повинувашься не восхопѣвшихъ, Подкову поиманному, по разграбленіи его имущества въ Львовѣ голову ускъли. Козаки о семъ злѣ провѣдавъ прійшли во Львовѣ шолпою не малою, опомспини коварнымъ Кашоликамъ, погребли шѣло Подковы въ монастырь Каневскомъ, и добравши имущество увезли въ Терехпимировъ къ его родичамъ. Въ томъ-же году 1377 былъ Гепманъ Запорожскій Шахъ, при которомъ Козаки, мспячіе за Подкову, Волохамъ безчинили, и за сіе опъ Ляховъ бѣдспвія многія шерпѣли. Гепманъ Шахъ упрашивалъ поварищей освободитъ землю Подольскую и другіе опъ ига Ляховъ, и на чшо Козаки

согласны были, многія селенія пожгли!
И Король за сіе много имъ бѣдствій
причинялъ и даже обрашисъ Козаковъ
въ вѣру свою хошѣлъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	5
СКАЗАНИЕ о Козакахъ Запорожскихъ	15
ЗАМѢЧАНІЯ:	
1. О взятіи Кіева Гедеминномъ	33
2. Разборъ Боплапова сказанія	40
3. Луга. Гайдомаки. Лугари	46
4. Происхожденіе слова: Козакъ Мифія различныхъ	49
5. Ляхи	52
6. Первый Козацкій походъ про- пивъ Крымцевъ	34
7. Пища Козаковъ	62
8. Курени. Земляки. Пологи	63
9. Устройство и распорядокъ вой- ска Запорожскаго до Спешана Башорія	70
10. Рада	74

11. Свѣчь	75
12. Наказанія	76
13. Одежда	78
14. Добыча. Клады. Скарбница	81
15. Сказаніе Боплана о храбрости Козаковъ	87
16. Подвиги Свирговскаго	89
17. Подвиги Богданка	98
18. Дума о Богданкѣ въ переводѣ	104
19. Взглядъ на устройство войска Запорожскаго при Шефанахъ Бапорівъ	112
20. Ивапъ Подкова	122
СКАЗАНИЕ:	
О Гопманахъ Запорожскаго войска	131

**ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИЦА.**

MD — MDCXL.

ИЗДАНИЕ

Измаила Срезневскаго;

ХАРЬКОВЪ.

1833 — 1834.

**ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИЦА.**

ЧАСТЬ I.

— III —

ХАРЬКОВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

1854 года, Мая 25 дня. Ценсоръ Снегиревъ.

ЗАПОРОЖСКАЯ СТАРИНА.

СКАЗАНИЕ ЛѢТОПИСЦЕВЪ

И

ПРЕДАНИЯ

О ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ ВЪ УКРАИНѢ И ЗА-
ПОРОЖЬА ОТЪ СМЕРТИ БАТОРІА ДО БОГДАНА
ХМЕЛЬНИЦКАГО.

ЛѢТОПИСЬ и ЗАМѢЧАНІЯ.

Источниками для Лѣтописи были рукописныя Лѣтописи и Преданія. Главнѣйшія изъ Лѣтописей суть :

- Исторія Руссовъ, Конисскаго (И. Р.)*
- Краткій Лѣтописецъ Роголевскаго (Л. Р.)*
- Мелоріалъ о Гетманахъ Запорожскихъ (М. Г. З.)*

— Пространная повѣсть о событіяхъ до смерти Богдана Хмельницкаго (П. П. У.)

— Лѣтопись о приключеніи Козаковъ и дѣлахъ ихъ (Л. К.)

— Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ (С. Г. З.)

— Записки Шафонскаго (З. Ш.)

— Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества (Т. О. Х. Н.)

Въ Лѣтописи своей я не позволялъ себѣ мудрствовать, былъ доволенъ и тѣмъ что находилъ въ письменныхъ хартіяхъ и преданіяхъ, почти всегда передавалъ ихъ рѣчи дословно, даже и въ отношеніи достовѣрности событій, сколько было возможно, слѣдовалъ имъ самымъ: почиталъ достовѣрными

въ тѣхъ онѣ согласны между собою, недостовѣрны, въ тѣхъ онѣ противорѣчатъ; и только въ случаѣ необходимости сдѣлывалъ повѣствованію нѣкоторыхъ, придерживаясь въ такихъ обстоятельствахъ правила Сквороды:—вѣрь тому, кто рѣже лжетъ; не вѣрь тому, кто не только сажу но и золото истинны любитъ укутывать въ покрывъ лжи.— Хорошо или худо я сдѣлалъ — пусть судятъ читатели; и, можетъ быть, тѣ изъ нихъ, кои разсматривали источники Украинской Исторіи того времени, оправдаютъ меня.

Источники для Замѣчаній кролѣв Лѣтописей, Преданій и Книгъ, означенныхъ во 2-й к. Зин. Спир. были:

— Лѣтопись, изд: Туманскимъ. Р. Маг., 1793. (Л. М. Т.)

— Исторія оубъ Уніи (П. У.)

— Histoire de Pologne par Solignac (H. P. S.)

— Польскій Лѣтописецъ (П. Л.)

— Les fastes du Royaume de Pologne (L. P.)

— Korona Polska Niesieckiego (K. P.)

— Opera Posthuma, S. Lubieński. (O. L.)

— Dzieje Panowania Zigmunta III. (D. P. L.)

и многія другія, означенныя въ Замѣчаніяхъ.

Оканчивая сею книжкой прилѣжанія къ Пѣснямъ и Думамъ, помѣщеннымъ въ 1. кн.

Зап. Стар. и свѣствъ первую часть своо изданія, обязанностью считаю просить у Читателей извиненія въ нѣкоторыхъ недомолвкахъ и погрѣшностяхъ: обо всѣхъ нихъ, по мѣрѣ возможности, постараюсь дать отвѣтъ въ дополненіяхъ. По данному уже мною обѣщанію, не премину воспользоваться совѣтами, и печатными и письменными, не упущу изъ виду ни одного замѣчанія, которое мнѣ будетъ дано, и счастливъ буду, если найду возможность сознаться въ своихъ ошибкахъ.

И. Срезневскій.

Харьковъ 1834.

ДЪТОНЦЪВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Стефанъ Бапорій умеръ, не оставивши по себѣ наследника, который былъ-бы достоинъ замѣнить его мѣсто, который могъ-бы съ такимъ умомъ, съ такимъ могуществомъ и успѣхомъ управлять разнообразными обласпями государства Польскаго, какъ управлялъ ими сей великій Государь. Малодушный фанатикъ, другъ и покровитель Иезуитовъ, ревностный защитникъ вѣры Капюлической, ревностный гонитель другихъ вѣроисповѣданій, — властолюбецъ, неимѣвшій ни твердости духа, ни про-

пичательности ума, — высокоумный, себялюбивый, самонадеянный: таковъ былъ преемникъ Стефана Баторія Сигизмундъ III, преемникъ, которому досталось въ удѣлъ положить рѣшительное начало паденію Государства Польскаго. Держава сія, славная допотѣ, подобно державѣ Русской, славою върошеришности, обратилась при Сигизмундѣ III въ жалкое шоржище мипежей и казней за вѣру. Своевольно правили кормиломъ Государства своекорыстные лстецы — Іезуиты и Швцы, пенцццо проливалась кровь угнѣпешныхъ шовѣрцевъ, и зарево пожара возпашій народныхъ и межушобницъ вельможъ освѣщало поочередно всѣ края горизонта Польши. Таково было сороканятилѣтнее (1586 — 1632) государствование Сигизмунда III, гибельное для Украинцевъ по угнѣпешіямъ и бѣдствіямъ, счастливое по слѣдствіямъ: оно озарило Украину первыми лучами надежды на грядущую свободу и независимость, — надежды на союзъ брат-

домъ III при вступленіи его на престоль; дѣйствовали именемъ самаго Короля, и разсылали по Украинѣ полки бродягъ, кои грабили дома, опшнмали имущество, брали въ плѣнь, сажали въ тюрьмы плѣхъ, у кого уже нѣчего было взять, и ругались надъ Духовенствомъ Грекороссійскимъ. (2).

Успѣшеніи исповѣдовавшимъ вѣру Православную начались на Волынѣ и Подольѣ, гдѣ многія изъ фамилій Дворянскихъ были уже закона Римскаго, гдѣ Спаросны имѣли болѣе силы, а Жицы болѣе волн, гдѣ чернь была уже издавна приучена терпѣть буйство своихъ властителей, а Козаковъ было менѣе. Митрополитъ Кіевскій Михаилъ впайгъ а Епископъ Луцкій и Оспрожскій Кирилъ открыто покровительствовали симъ успѣшеніямъ.

III.

Мятежи, порожденные налогами, самоуправствомъ помещиковъ, Спароситъ

Часть I. (17)

2

ихъ правъ. Въ 1589 году на Конспиратионномъ Сеймѣ было издано послѣдующее распоряженіе, по коему Козаки должны были бытъ во власти Королевскихъ Гетмановъ и присягать, что не станутъ ничего предпринимать безъ воли его, и пр.; а всѣ граждане Государства Польскаго обязывались не смѣть продавать имъ не только порохъ, сѣнпру и оружіе, но и жизненные припасы. Не одно Правительствованіе притѣснѣло вольныхъ Козаковъ, но и помѣщики, а еще болѣе Спароспы, обременяя ихъ противозаконными податями и переписями. Козаки принуждены были скрываться и обманывать Поляковъ, какъ это дѣлали Жида въ подобныхъ случаяхъ; если-же хитрость не помогала, они поднимали оружіе, возбуждали чернь къ тому-же — и кровью опустошали свои права (1). Всѣ средства Правительства прекратили ихъ набѣги на Татаръ и Турокъ оставались тщетными.

в вѣрой къ Украинцамъ и Козакамъ. Обиды, кои терпѣлъ онъ отъ Поляковъ на роднѣхъ, заспавилн его бѣжать на Днѣпръ и сдѣлаться Козакомъ. Уже въ 1587 году онъ оплмчился въ бншнѣ съ Тапарамн; еще болѣе въ 1589 году.

Поляки, провѣдавши о возснанн Козаковъ, выснавлн протнвъ Косннскаго 5000 войска, побѣднлн, взяли въ плѣнъ многихъ воишовъ его, а самага его заспаवलн бѣжать далеко къ Днѣпру. Между нѣмъ Иванъ Лобода, сподвнжннкъ Косннскаго, собнраетъ ополченн въ Перелславль и Кнєвь, н съ 6000 храбрыхъ Козаковъ пошелъ на помощь Косннскому. . . . Вскорѣ онъ снова опправнлся набнранн ополченн. Косннскай же послалъ пословъ къ Кнзю Оспрожскому Конспаппшу, проснтъ у него вспоможенн. Кнзь Оспрожскнй хорошо прннлтъ пословъ Косннскаго, однако опказалъ въ помощи, говоря: — не знаю, чего нщете вы: славы-ли н чести нли добычи; но увѣренъ, что вашн мяпежи

7

не могутъ быть полезны для отчизны.— Отвѣтъ сей ожесточилъ Косицкаго. Пылая мщеніемъ прошивъ Князя, онъ подобно разбойнику выпортулся въ собственныя его владѣнія, наналъ на поселянъ, и спалъ пршуждать ихъ вступать въ его дружины. Князь Острожскій пршужденъ былъ просить помощи у Поляковъ, встрѣнился съ Косицкимъ подъ мѣстечкомъ Пяпкой, и сразился. На помощь Косицкому подослали новыя опряды, набранныя Лободою; однако уже поздно. Козаки бились храбро, но были побѣждены. Польское Правинпельство, опасаясь новыхъ нападений отъ Козаковъ, приняло свои мѣры, распавило по городамъ Украинскимъ гарнизоны, выпустило между Козаковъ пайныхъ лазупчиковъ, — и не много спустя, Косицскій былъ схваченъ и преданъ казни (3).

Остальные опряды Лободы, ходившіе подъ его личнымъ предводнпельствомъ на Гапаръ Буджацкихъ, разграбили около Бѣлгорода Юрьевскую яр-

марку, сжгли Цецору, опустошили Иссы; а попомъ, сразившійся съ Поляками подъ Ямполемъ, были разбиты и разогнаны.

Митрежи Кіевскій, Переяславскій и Лубенскій кончились, какъ обыкновенно оканчиваются возстаніи слабыхъ прошивъ сильныхъ: зачинщики были казнены, оспальные митрежники разсыяны (4). Однако Украинцы и Козаки не успали. Хотя войска Польскія, вошедши въ Украину, и подавляли мелкія возмущенія; но оны возобновлялись безпрестанно, подобно Фениксу изъ подъ пепла.

Между тѣмъ Сигизмундъ III возвратился изъ Швеціи, куда ѣздилъ по смерти отца своего Іоана Короля Шведскаго для полученія наследства оцновакаго, возвратился, — и Уніи, т. е. соединеніе церквей Греческой и Римской, явилась на Украинѣ со всеми ужасами своими. Соборы Кіевскій и Бреснепскій положили ей швердое основаніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

IV.

Соборъ Кіевскій былъ въ 1595 году. Епископъ Кірилъ болѣе всѣхъ старался о составленіи онаго, и по открытіи засѣданій предложилъ Духовенству предаться Папѣ, отказавшись отъ Папскаго, и принявъ догматы вѣроисповѣданія Римскаго. Сообщники Кірилла, будучи до того времени обольщаемы коварными предложеніями Паны и Сигизмунда III, надулись на новыя выгоды какъ со стороны важности сана, такъ и со стороны доходовъ, колебались недолго. Митрополитъ Михаилъ, Епископъ Владимирскій Ісидоръ, Архіепископъ Полоцкій Германъ, Епископъ Пинскій Леоній и Епископъ Жельмскій Діонисій прислали

единодушно предложеніе Кирилла. Епископъ Львовскій Гедсонъ и Перемышльскій Михаиль пропивились общему рѣшенію; по ихъ не послушались, и заставили подписать два кожаныхъ бланкета: на одномъ изъ нихъ написали попомъ прошеніе къ Папѣ, а на другомъ донесеніе Сигизмунду о томъ, что все они желаютъ Уніи. Епископы Кириль и Ипатій отправились въ Римъ посланцами, и явились въ Римъ въ Ноябрь. Папа прінялъ пословъ благосклонно, далъ имъ для жительства особенный домъ, велѣлъ отпускать щедрою рукой деньги на содержаніе, величалъ посланцевъ духовенства Россійскаго. 23 Декабря послы представлены были Папѣ въ Ватиканъ, въ дворецъ Коллестантинскомъ; два раза повергались предъ нимъ на землю, и цѣловали его святительскія ноги. Они просили Климентя VIII отъ имени всего Духовенства Русскаго о присоединеніи его на тѣхъ же условіяхъ къ Церкви Римской, обѣщая бытъ въ его

власти и воли; и, когда Папа согласился на условия, дали присягу въ искрешнемъ признаніи догматовъ и распрощаніи оныхъ по мѣрѣ возможности.

Такимъ образомъ положено начало Уніи, — и Папа въ память сего знаменитаго событія повелѣлъ выбить медаль, на которой съ одной стороны изобразить себя во весь ростъ на прѣгѣ а у ногъ Русскаго съ надписью: *Ruthenis receptis 1596*; а съ другой свой погрудный поршрентъ.

V.

Велика была радость Папы и всего духовенства Римскаго; велики почести Посламъ Духовенства Украинскаго; радовался Сигизмундъ III; ищеславившесь Іезуиты своимъ искусствомъ обращать въ вѣру Капюлическую. А между тѣмъ бродники Польскію опустошали села и деревни, грабили, и проливали кровь беззащитныхъ. Жиды въ свою очередь не

переставали разнообразить свои злодѣяства. Украина бѣдствовала; — но перепѣніе должно было наконецъ кончиться; — и волненіе народное развилось предвозвѣстительною хоругвѣю скорого возстанія.

Крестьяне оставляли своихъ помещиковъ, и бѣжали шны въ лѣса, другіе къ порогамъ Днѣпровскимъ, гдѣ соединялись съ дружинами буйныхъ Гайдомакъ. Свободные жилищею толпами блуждали по Украинѣ, жгли села и деревни, въ коняхъ встрѣчали Поляковъ или Упіановъ; Жидовъ предавали живыхъ землѣ или мучительнымъ казнямъ. Дворяне, бывшіе на спорогъ Правительства Польскаго, прпнуждены были бѣжать въ Польшу, или просить защиты у Польскихъ войскъ; не успѣвавшіе скрыться или проинвоспастъ силой силѣ мятежниковъ имѣли участь подобную Жидамъ. Тѣ-же изъ Дворянъ, кои были противъ Сигизмунда III, спекались въ Подоль подъ знамена Конспашинна Князя

Острожскаго Воеводы Кіевскаго, и Александра Воеводы Вольнскаго. Сіи два Князя, взелѣяныи въ колыбели благоговѣнія къ вѣрѣ Православной, первые въ сіе время подали знакъ къ возмущенію противъ притѣснителѣй отчизны и Православія. На сеймѣ 1595 года положили они составити ополченіе и пригудити Поляковъ прекратити гоненія. Во всѣмъ краѣ Украины разослапы были вѣсповщики, возбуждавшіе народъ къ подялтію оружія, чпшавшіе въ церквахъ и на площадахъ прокламацію Князя Константина Острожскаго, дашюю [1595 Юля 24. Вотъ что между прочимъ написано было въ сей прокламаціи: — Аще бо отъ начала міра и до днесь врагъ и супостатъ нашъ дьяволъ не преспааетъ, воююще на испшшую вѣру, различными козньми ополчаяся, паче-же, яко глаголетъ Господь, приходитъ врагъ, и стѣетъ плевелы межн пшеницею. Но памъ не преба симъ прельщалися, но крѣлко спшши, вооружившеса, не дающе плещь

рекише тыла врагу, просяще опть Бога помощи, яко да сокрушишь сапачу подь ноги наша: вся-бо сїя грѣхъ ради нашихъ попущенїемъ Божиимъ бывають, возбуждающе насъ опть сна, и въ цѣломудріе приводяще, да свѣпть будепть и пребудепть; яко да Боголюбцы обявляпться, а сластолюбцы обличени и посрамлени будушь. —

VI.

Князья Оспрожскіе собирали войска, грозили Полякамъ и Уніапамъ войной, но оспавались при одїгхъ угрозахъ, надѣясь, вѣрояпшо, обойдпсь безъ кровопролитїя. Козаки Запорожскіе, прїспававніе дополь къ опрядамъ Оспрожскимъ, начали скучапть бездѣйспвенною жизнью, и рѣшились наконецъ образовапть собспвенное свое ополченїе.

Въ концѣ 1595 года на Бугаевской Радѣ Полковнику Лободѣ поручено было предводителспство, и въ непродолжителспномъ времени войско выступило въ по-

ходъ къ Бреспу. Сягизмундъ III, провѣдавши о сихъ вооруженіяхъ, выслалъ войско опразити дружину Лободы. Въ то самое время, когда въ Кіевѣ Духовенство Грекороссійское мечпало о Папѣ и соединеніи церквей, Поляки встрѣтились съ войскомъ Лободы, состоявшимъ изъ 5 полковъ, близъ Пятки, той самой Пятки, гдѣ за два года предъ тѣмъ войско Косинскаго было разбиено. Поляки почти все пали на полѣ сраженія; Лобода потерялъ болѣе двухъ третей своихъ дружинъ, однако одержалъ побѣду, и заставилъ Поляковъ спасаться бѣгствомъ.

Онъ разсылалъ тогда свои войска по Кіевской области, а Хоружаго Саула послалъ въ Липву. Припѣсяемый Поляками народъ оставлялъ по всюду свои жилища, и умножалъ собою дружины Козацкія.

Одна изъ важнѣйшихъ побѣдъ Лободы надъ Поляками была въ сіе время у Ладыкиша.

VII.

Послѣ Пятковской битвы Козаки собрались на Раду въ Чигринѣ, и по предложенію Лободы избрали Гепманомъ Павла Гвоздича Наливайка, съ условіемъ, что бы Иванъ Лобода, Полковникъ Переяславскій и Максимъ Овара Полковникъ Гадяцкій были его помощниками въ дѣлахъ военныхъ. Дружинны Гепмана Наливайка, Полковниковъ: Лободы и Овары, и Хорунжихъ Саула и Шанка, выступили въ походъ, — и вскоре Самборъ, Луцкъ, Тарнополь, Брацлавъ, Могилевъ на Днѣспрѣ и многіе другіе города испытали крѣпость меча Козацкаго. Разграбленные, полусожженные, они опустѣли; жппели бѣжали въ лѣса; на дымящихся развалинахъ Козаки пировали свои побѣды. Часто до Сигизмунда, запертаго въ своей божницѣ, доходили спрашныя вѣспи, но Сигизмундъ былъ слишкомъ бѣденъ войскомъ, еще бѣдѣе деньгами, — и не зналъ что дѣ-

лапъ. Наконецъ онъ рѣшился вызвать Короннаго Гетмана Жолкѣвскаго изъ Молдавіи, и написалъ къ нему письмо, прося его быть защитникомъ спокойствія Республики.

Въ Февраль 1596 года гонецъ Сигизмундовъ прибылъ въ Молдавію, и чрезъ недѣлю 1000 всадниковъ выступили по пути къ Брацлаву, около котораго дружины Наливайка въ то время карали враговъ Православія.

Не ожидая Поляковъ, Наливайко не принималъ никакихъ предосторожностей, позволялъ своимъ воякамъ раздѣляться на малые отряды по нѣскольку сотъ и менше, и самъ шировавъ въ Новоградъ.

Отрядъ Гайдонакъ подъ начальствомъ Грушка занялъ Мацѣйовичи, и, ограбивъ по обычаю жищелей, началъ свой разгульный ширъ. Уже всѣ были пьяны; иные дремали, иные пѣли нѣсни побѣды, когда внезапно еще до разсвѣта звукъ трубъ и ржанію коней раздался у околицы, — и 1000 всадниковъ, предво-

димыхъ самимъ Жолкъвскимъ, ворвались въ мѣспечко. — Сдавайтесь! — кричатъ Ляхи. — Бейтесь! — кричатъ пылые Козаки. Начинается сѣча. Побѣда не клонится ни на ту ни на другую сторону; Поляки поджигаютъ дома, и, пользуясь смятениемъ жителей и Козаковъ, схватываютъ послѣднихъ и предають казни.

Намивайко, узнавши о семъ поражении, бѣжалъ за рѣку Собъ и Черныя воды въ степь Гумацкую; а между тѣмъ Лобода ворвался въ Баръ, и, обогатившись добычей, явился подъ Бѣлою Церковью. Здѣсь соединились всѣ главные отряды дружины Козацкихъ. Жолкъвскій подослать спуда же. Произошла битва, — и Козаки побѣдили; произошла другая битва, — и Козаки принуждены были бѣжать.

Между тѣмъ буйные Гайдомакы производили мятежи, бродили изъ города въ городъ, разбивали гарнизоны Польскіе, и наконецъ собрались въ Каневъ. Жол-

кѣвскій пошелъ къ Капеву, разбилъ Гай-
домакъ, разорилъ Капевскія Козацкія по-
селенія, защищаемыя Теперею и Тепе-
решкомъ; потомъ разбилъ Козаковъ у
Крупной могилы, и оспавившись подождать,
пока подойдутъ къ нему опряды,
посланные для усмиренія Козаковъ, воз-
ставшихъ на Поляковъ и возмущавшихъ
чернь въ нѣкоторыхъ городахъ Сѣвер-
ной Украины; и когда сии опряды яви-
лись, успѣвъ на нѣсколькихъ битвахъ
сразить Козаковъ, Жолкѣвскій двинулся
къ Чигрину, гдѣ уже ожидало его вой-
ско Запорожское съ Гетманомъ Нали-
вайкомъ. Оно раздѣлено было на три
части: Наливайко принялъ начальство
надъ главнымъ корпусомъ; лѣвое крыло
поручилъ Полковнику Оваръ и Асаулу,
а правое Полковнику Лободѣ и Обозпо-
му. Все войско состояло изъ 20,000,
исключая опряды Гайдомакъ, кои распо-
ложились лаборомъ не подальку отъ
окоповъ, и прикрыли ряды свои пушками.

Наливайко, не рѣшался самъ начать дѣло, ожидалъ призывной вѣспи къ биш-вѣ опть Гепмана Жолкѣвскаго, и ожидалъ не долго. Поляки, желая успрашить Козаковъ, высыпали близъ шанцевъ своихъ при креста, и на нихъ въ виду Запорожскаго снапа повѣсили двухъ старшихъ Козацкихъ: Сомна и Богуна; а шрешій крестъ оставили пущымъ, угрожая повѣсиль на немъ того, кто первый осмѣлится воспроивнись ить, и пребоали сдаться. Въ опвѣтъ на сей сигналъ, Наливайко высыпалъ при бѣ-льи крестанья хоругви, съ надписью: миръ Христіанству, а на пачинающаго Богъ и его крестъ. — Не медлено за симъ началось нападеніе Поляковъ на снапъ Козацкій и пальба изъ орудій. Поляки, не смотря на вѣ свои усилія, не могли выдвинуть Козаковъ изъ укрѣпленій. Войска Жолкѣвскаго опть мелкихъ нападеній на снапъ Козацкій привли въ безпорядокъ. Тогда Гайдоманки двинулись въ самую среднѣ снапа Польска-

го; за ними полкъ Овары, Лободы и наконецъ главная дружина подъ предводительствомъ Наливайка. Битва вкыпѣла. Болѣе семи часовъ длилась она, суля побѣдой то одной то другой стороны, и кончилась пораженіемъ Поляковъ. Козаки ожесточились до того, что и слышапъ не хопѣли о пощадѣ: ранимыхъ, упадавшихъ на землю добивали; бросающихся въ Тясмишъ вытаскивали арканами, и изрубивали въ куски. Поляки спасались однимъ бѣгствомъ. Не успѣвшіе скрыться нами на полѣ битвы и по окрестной степи. Наливайко потерялъ 5000, большею частію изъ дружины Овары, разперзанаго на сей битвѣ. Жолтѣвскій потерялъ гораздо болѣе. (5)

Въ это самое время остальные отряды войска Польскаго грабили Воспочую Украину; два раза разбили Полковника Юнчинскаго, принудили его бѣжать къ Переяславу, и, сожегши хупора Козацкіе вокругъ Пыряшпа, въ копорыхъ оспавались оубѣ жены и дѣти,

пошли вслѣдъ за Юнчицкимъ. Наливайко послалъ на помощь сему храброму вождю Лободу съ 3000, а самъ направилъ путь къ рѣкѣ Случи за Жолкъвскимъ, и по дорогѣ до Слуцка и Могилева нѣсколько разъ жестоко разбилъ Поляковъ. Больше другихъ поспрадали сѣи два города.

Окруживши городъ Могилевъ Наливайко пребоваъ выдачи всѣхъ Жидовъ и Упіатовъ, въ немъ находившихся. Требования сѣи не были исполнены, — и Наливайко осадилъ городъ. Гайдомаки подошли его со всѣхъ сторонъ, и впорглись въ него первые. Гарнизонъ былъ разбитъ; Жиды перерѣзаны; городъ разоренъ и превращенъ въ пепель (6).

Между тѣмъ войска Жолкъвскаго, разогнанныя Наливайкомъ въ разныя стороны, соединились близь Кіева, сразились у монастыря Печерскаго съ Гайдомаками, конми предводительствовали Лобода и Апамать Подвысоцкій, и, перешедши черезъ Днѣпръ, явились у По-

реяславъ. Наливайко устремился туда же. Произошла битва. Козаки разбиты, и бѣжали къ Лубнамъ.

Около сего города на урочищѣ Солощицѣ разразилась новая битва, еще болѣе несчастная для Козаковъ. Они были разбиты. Наливайко и многіе другіе Старшины Козацкіе взяты въ плѣнъ, и въ Варшавѣ преданы мучительной казни (7. 8.) Козаки, находившіеся подъ начальствомъ Подвысоцкаго, въ свою очередь просили у Жолкѣвскаго пощады, и преданы въ его волю. Многіе изъ нихъ принуждены были принять Унію; въ числѣ другихъ и Федоръ Теперенко (9. 10).

Ополченныя воинны Осипрожеккіе шлы прислали къ Зацорожцамъ, шлы разошлись по домамъ, шлы начали промышлять разбоями. Князя Осипрожеккіе усильно прекратили гоненія только въ своихъ владѣніяхъ.

VIII.

Между тѣмъ Епископы Кирилль и Ипполитъ возвратились изъ Рима, — и оп-

спутники начали снова свои совѣщанія. Но они увидѣли, что должно или совсемъ бросить начатое дѣло или дѣйствовать рѣшительно; ибо волненіе народное, подкрѣпляемое съ одной стороны Князьями Острожскими, а съ другой Епископомъ Львовскимъ Гедеономъ, увеличивалось безпрерывно. Приверженцевъ къ Уніи спавилось время опять времени меньше: оно заспавило Уніатовъ опважиться на новое дерзкое предпріятіе. Окружною грамопою они объявили о преднамѣреваемомъ ими Соборѣ въ Брестѣ, и назначили сей Соборъ 1596 Октября 6, говоря, что на немъ должны состоять быти примиреніе между прилившими Унію и не прилившими одной.

Октябрь мѣсяць наснуль, и Брестъ зашумѣлъ отъ необычнаго спеченія неперѣлливо жданныхъ господей. Главные пзъ приверженцевъ Уніи, спуда лывшихся, были:

Митрополитъ Михаиль Рогоза,
Епископъ Владимірскій Ипашій Поцвій,

Епископъ Луцкій Кириль Терлецкій,
Епископъ Полоцкій Гермогенъ,
Епископъ Пинскій Іоаннъ Гоголь,
Епископъ Хельмскій Діонсій Збруйскій,

Папскій Нуцій и Послы,
Іезуитъ Пётръ Скарга,
Послы Сигизмунда III,
Нѣсколько Польскихъ Сенаторовъ,
Дворянъ, и пр.

Защитники вѣры Православной были:
Епископъ Львовскій Гедзонъ Балабагъ,
какъ представитель,

Епископъ Перемышльскій, Михаилъ
Коньстелскій,

Ректоръ Острожскаго училища, Кирилль
Лукарій,

Посолъ Патріархій Грекъ Никифоръ,

Князь Острожскій,

Князь Юрій Друцкій-Горскій,

Многіе знатнѣйшіе Дворяне, Духовники
и пр.

Первое собраніе было 6 Октября,
и окончилось шестымъ.

На второмъ собраніи, 9 Оклября, приверженцы вѣры Православной представили пропеспацію, въ которой требовали разрыва съ Папой и Духовенствомъ, разсприженія всѣхъ опспупившихъ отъ Папріарха, и обѣщанія ничего не предпринимать касательно вѣры безъ вѣдома и согласія Папріарха. Пропивники отвергли сію пропеспацію, требовали союза съ Папой и покорности его волю; но, видя, что ни убѣжденія ни угрозы не будутъ дѣйствительны, разошлись; явились въ церкви Св. Николая, всенародно прочли свою грамоту, и торжественно провозгласили Унію. Сія дерзость, столь рѣшительная, столь обдуманная, доказываетъ впрочемъ не столько силу Уніатовъ, сколько ихъ самопадѣяльность, могущество Папъ и Каполицизма, и то постыдное униженіе, въ какомъ былъ тогда Папріархъ и все Духовенство Греческое. Вѣра Православная цвѣла въ то время только въ одномъ Царствѣ Русскомъ, а поли-

шика Двора Московскаго была всегда слишкомъ далека отъ распрей за вѣру.

Слѣдствіемъ разногласія между членами Собора Брестскаго было, что вмѣсто одного собора, явилось ихъ два, и на нихъ вмѣсто мирныхъ соглашеній гремѣли проклятія, проливалась кровь девшнихъ жернивъ, взлетѣло сѣмя вражды между двумя народами, — вражды, которую изгнали изъ своего сердца отпѣ только тогда, когда исчезнетъ другой.

Наконецъ ревнивели Православія рѣшились на послѣднее: отправили депутатовъ къ Королю Сигизмунду III съ просьбою, дабы онъ благоволилъ изъ Епархій Грекороссійскихъ выгнать всѣхъ Епископовъ Уніанскихъ, и утвердилъ бы на ихъ мѣстѣ избранныхъ ими. Просьба осталась впусть. Король не только не согласился исполнить оную, но сверхъ того употребилъ всѣ мѣры къ защищенію Уніановъ, и къ припѣсенію Грекороссіянъ. Тогда Уніаны снова приобрѣли силу, слова начали свои буйства:

насилно присвоєвали себѣ знатнѣйшіе
монастыри и приходскія церкви; оспаль-
ныя особенно по городамъ разоряли или
запечатывали; священниковъ ловили и
мучили, и народъ, собиравшійся для мо-
лебствій за городомъ въ шалашахъ, раз-
гоняли, а не рѣдко и просто умерщвля-
ли (11). . . .

Кровью и слезами привѣщивала
Украина XVII вѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

IX.

Гоненія Поляковъ и Уніашовъ на Православныхъ заставили многихъ Козаковъ удалиться въ степи Запорожскія и пачасть новыя брани съ другими врагами Православія — Турками и Тапарами, кои, пользуясь отсутствіемъ Козаковъ, разорили въкопорья крѣпости Козацкія по берегамъ Чернаго моря и на островахъ Днѣпровскихъ; увели многіе шабуны Запорожскіе въ свои Крымскіе Улусы, и овладѣли большимъ пространствомъ въ степяхъ Днѣпровскихъ.

Въ сіе самое время Гепманомъ войска Запорожскаго овался Пейръ Конашевичъ Сагайдачный, бывшій дошолъ Генеральнымъ Обознымъ (12).

Успроивши Козаковъ въ прежній порядокъ, онъ началъ воевать противъ цевѣрныхъ. Каждый годъ отправлялся онъ то въ Крымъ, то въ Турцію, то на южные берега Чернаго моря. Подъ его знаменами Козаки, увѣршые въ побѣдѣ, почти никогда не были побѣждаемы, и всегда возвращались на родину съ богатую добычей. Въ 1606 году они осадили, взяли, и разорили крѣпость Турецкую Варну, и одержали знающую побѣду на морѣ надъ Турецкими галерами. Въ 1607 разбили Хаускія войска близь Перекопа, и заславили самого Хауса бѣжающа въ Турцію. Въ 1608 — 1609 сдѣлали опустошеніе на берегахъ Анаполійскихъ. Въ 1612 взяли приступомъ городъ Кафу, и освободили въ ней изъ плѣну многихъ Христіанъ; разорили Козловъ; разбили Тапаръ Буджацкихъ и Крымскихъ въ степи, и помогали Донцамъ противу Тапаръ. Въ 1613 воевали съ Тапарами на рѣкѣ Донѣ. Въ 1614 — 1615 снова отправились въ Анаполию,

взяли Синопъ и Трапезонпъ, и одержали нѣсколько побѣдъ надъ Турками на морѣ. Въ 1616 сразилсъ на морѣ съ Северъ-Пашею, и обратился въ пепель его Испаньскіе суда. Въ 1617 снова разбили Тапаръ подъ Перекопомъ (13).

Оскорбленные непрерывными нападеніями Козаковъ, Турки сначала просили Правительство Польское усмирить ихъ, а потомъ, видя что просьба ихъ не дѣйствуетъ, начали грозить Полякамъ войною, и въ своимъ Диванѣ положили овладѣть Днѣпромъ, Кіевомъ и всею Украиною; Тапаръ переселивъ поближе къ Польшѣ, и даже самую Польшу сдѣлать своею данницею. Поляки хотя и обѣщали Туркамъ не только усмирить но даже и истребить Козаковъ; однако, имѣя сами нужду въ Козакахъ, оставяли свои обѣщанія безъ исполненія, довольствовались угрозами, или вымѣщали на просиомъ народѣ Украинскомъ и Козакахъ охоческомощныхъ, не преславаши принуждать ихъ къ Ущю,

употребляя къ сему всё возможные средства, и особенно по смерти знаменитаго Копстанина Князя Оспрожскаго съ 1608 года.

Тогда-то явился между гошпелами Православія извергъ рода человѣческаго, разоритель Христіанской исповѣды, Епископъ Полоцкій, Уніатъ Иосаѳъ Кутцевичъ, низкій родомъ, но высокій коварствомъ, крамолами и злобою къ Православіемъ. Какихъ злодѣйствъ не употреблялъ онъ дабы увеличить количество Уніатовъ въ Украинѣ: онъ сажалъ въ темницы священниковъ, приказывалъ съечь всенародно на площадяхъ несчастныхъ просномодитовъ; не позволялъ исполнять ни какихъ обрядовъ вѣры, разрушалъ храмы, или обращалъ въ Уніатскіе. Всё предсавляющіи Гетмана Сагайдачнаго ему самому и даже Правительству Польскому, оспавались инципны. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, между Козаками уменьшитъ охоту къ обществуичесству, увѣщевалъ ихъ уни-

версалами пребыть вѣрными вѣрѣ предковъ, упопроблялъ даже и жестокости. Все было напрасно. Козаки опшупники выбрали себѣ самопроизвольно особенныхъ вождей, и вмѣстѣ съ Поляками руйшовали церковь Православную (14).

Между тѣмъ Козаки вѣрные вѣрѣ предковъ опшупнаи области Турецкія, и заславили наконецъ Турковъ начать войну съ Польшею. Поляки угрожаемые Турками, послали къ Козакамъ Комиссаровъ взять съ нихъ обѣщаніе оставить Турковъ въ покоѣ,— и Козаки дали письменный обѣтъ за подписью всѣхъ старшинъ: Гетмана Конашевича, Асауловъ Ивана Машаревича, Лауриши, Богдана, Балька, Харлака и др.; но по опгѣздѣ Комиссаровъ возобновили свои паѣзды. . . . Перемиріе, заключенное надѣрскою Дигеспромъ при мѣспечкѣ Яругѣ 26 Сентября 1617 года, по которому Турки попробовали опъ Поляковъ усмирить Козаковъ, или даже и уничтожить, имѣло слѣдствіемъ новыя нападенія Ко-

заковъ на области Турецкія, и новыя набѣги Татаръ на Украину. Козаки взяли и ограбили Варну, Тегинъ, Козловъ, Очаковъ, Акерманъ, Осодосію, Синопъ и Трапезонпъ, а на морскомъ сраженіи съ Киликійскимъ Пашею потопили при его корабли и его самого предали казни.

На слѣдующій годъ война Поляковъ съ Турками открылась. Соединенныя силы Турковъ, Татаръ и Волоховъ, всего до 400 000, вступились съ войскомъ Польскимъ, бывшимъ подъ предводительствомъ Короннаго Генерала Жолкъвскаго при мѣстечкѣ Цецоръ. Между войсками Польскими были и Козаки подъ начальствомъ самаго Генерала Сагайдачнаго. 1620 года 7 Октября произошло сраженіе. Сила одержала побѣду надъ храбростію. Поляки жестоко разбиты и обращены въ бѣгство; большая часть Козаковъ пала на мѣстѣ битвы. Тутьже палъ и Жолкъвскій.

Другая битва Поляковъ и Козаковъ съ Турками была въ слѣдующемъ году,

близъ Хопшта. Поляки побѣдили, и при-
тудили Турковъ заключить миръ. Геп-
манъ Сагайдачный, получивши предъ симъ
сраженіемъ торжественный обытъ вѣр-
ности отъ всего войска Запорожскаго,
и раздѣлившій въ то время славу съ
шоварищемъ своимъ Михаиломъ Дор-
шенкомъ, былъ раненъ въ сей битвѣ
споль жестоко, что отъ ранъ, едва
успѣвши доѣхать до Кіева, умеръ и по-
гребенъ въ Кіевобратскомъ монастырѣ,
имъ же самимъ построеномъ (15).

По смерти Сагайдачнаго, гоненія на
Украинцевъ и Козаковъ усилились до
невѣроятности. Хопя пенсовый Куц-
невигъ и былъ мучительски умерщвленъ
Вишебцами въ 1623 (16); хопя многіе
Іезуиты и Уніанты, возбуждавшіе сво-
ихъ собратій къ гоненіямъ были пере-
ловлены и сожжены, шые въ Переяслав-
лѣ, шые въ Лубнахъ; однако это не
только не уменьшило гоненій, а еще бо-
лѣе увеличило, оспервоцивъ нечеслив-

цевъ, и возбудивъ въ нихъ мещь до-
смершную.

По смерти Гепмана Сагайдачнаго,
избранъ Гепманомъ Нечай, спарець. Въ
1622 году на урочищѣ Спаромъ яру онъ
сразился съ Тапарами и вмѣстѣ со своими
сподвижниками: Горленкомъ, Спосурой,
Омою Безроднымъ погибъ ошъ рукъ
невѣрныхъ (17).

Наслѣдникомъ его былъ сынъ его
Нечаенко. Онъ ходилъ [въ 1623 году на
Поляковъ подъ Бреспъ, вспунилъ съ
ними въ мирные переговоры, принялъ
Уцію; и потомъ, соединивши свои дру-
жины съ опрядами Польскими, ходилъ
на Тапаръ Буджацкихъ, кои набѣгали
на Подоль. Въ сраженіи подъ Киіей
онъ былъ убитъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Х.

Еще до смерти Гешмана Сагайдачнаго многіе Козаки составили между собою тайные заговоры и партіи, коихъ предметомъ и цѣлю было уничтоженіе власти Польской, испробованіе Уніатовъ и Жидовъ. Сія партіи съ каждымъ годомъ возрастали все болѣе; однако продолжали скрываться. Правительство Польское видѣло погибель нѣкоторыхъ знатныхъ дворянъ и сацовниковъ духовныхъ, дѣлало свои предположенія, и не знало, кого обвинять. Заговорщики разорили многіе замки, проникли въ глубь Польши, не будучи узнаваемы, совершали тамъ свои злодѣянія, предпринимали умерщвить и самаго Сигизмунда III, и

наконецъ около 1628 рѣшились двѣспово-
вать открыто. Войско Польское вступило въ Украину, разсѣялось по окрест-
ностямъ Кіева, и начало свои грабежи. Архимандритомъ Кіевопечерскаго [мона-
стыря былъ въ это время знаменитый
Никифоръ Туръ. Онъ возбудилъ въ на-
родѣ явное возмущеніе: со всѣхъ о по-
рохъ толпы спекались въ Кіевъ, и съ
его благословеніемъ поднимали оружіе.
Григорій Козакъ, Гейманъ Козацкій,
избранный самимъ Королемъ посѣщилъ
въ Кіевъ дабы усмирить народъ, и на-
чалъ дѣло казнями. Никифоръ вышелъ
наконецъ изъ пертвѣія, явился на пло-
щади и своею рѣчью такъ преклонилъ
Козаковъ на свою сторону, что они,
провозгласивши его своимъ Гейманомъ,
рицнулись на Григорія Козака и, съ кри-
комъ: гибель зраднику, разнесши его на
сабляхъ. . . .

Подъ начальствомъ Геймана Тара-
са Трясылы Бороваца Козаки опирави-
лись въ Польшу, силою принудивъ По-

ляковъ прекратили гоненія на Украинѣ. Чпо сдѣлали они, чпо было съ ними, — неизвѣстно.

Коронный Гетманъ Конецпольскій, провѣдавши, чпо Гетманъ Тарасъ собираетъ свои дружины въ Терехпемировѣ съ намѣреніемъ вновь идти въ Польшу, пошелъ къ нему на встрѣчу съ сильнымъ войскомъ. Гетманъ Трясило спустился къ Переяславию; Конецпольскій слѣдовалъ за нимъ. Дошедши до Переяслава, Трясило окопался при урочищѣ Крутой облогъ между рѣками Трубежемъ и Альшой. Поляки также окопались не вдалекѣ отъ стана Козацкаго. Трясило дѣлалъ перестрѣлку до самой ночи. Козаки съ двухъ сторонъ двинулись на Поляковъ, ворвались въ ихъ станъ, зажгли обозъ, овладѣли пушками. Много Поляковъ лягло въ сей битвѣ: однихъ дворянъ до 300 человекъ; много взято въ плѣнъ: самъ Конецпольскій едва не попался въ руки оспервевшихся Ко-

заковъ. Всѣ плѣнные были перевязаны или ушоплены.

За сей битвой, извѣстной подъ именемъ *Тарасовой ноци*, слѣдовали другія битвы, можетъ быть, не менѣе славныя для Козаковъ. Следствіемъ оныхъ было то, что большая часть Украины освободилась отъ Поляковъ и Жидовъ: первые были изгнаны; а послѣдніе въ числѣ многихъ тысячъ лишены жизни.

Концепольскій возвратился, осадилъ опять Переяславль, и снова былъ нѣсколько разъ побѣжденъ Козаками. . . .

Тогда счастье оглянулось на землю Украинскую, и она узнала радость . . . но та радость, по счастью были предшечами грозной бури.

Гетманъ Трясило, вѣроятно, былъ казненъ.

Мѣсто его заступилъ Иванъ Павлюкъ. Онъ сразился съ Поляками близъ Слуцка, разбитъ, взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Варшаву и преданъ казни.

Такой-же участи подверглись и въ-копорые другіе предводители Козацкіе, кои рѣшались возставать противъ Поляковъ.

Голманъ Семень Перевязка предался на сторону Польши, содѣйствоваль Уніапамъ водворяться въ городахъ Украинскихъ, ввелъ повсюду войска Польскія. Козаки взбунтовались, заключили Перевязку въ тюрьму; но Перевязко нашель случай уйдти въ Польшу. . . .

XI.

1632 года Апрѣля 30 Сягизмундъ III умерь.

Почти въ то-же самое время въ Переяславль возгорѣлся бунтъ. Чернь, будучи не въ силахъ долѣе терпѣть жестокостей отъ Уніаповъ и Жидовъ, вооружилась, ночью 20 Марша подняла превогу, и зажгла кощёль Уніапскій. Главные Уніапскіе духовные сановники были удушены; Жиды захвачены и умерщ-

влены; гарнизонъ весь погибъ. Съ того времени Переяславль названъ мятежнымъ городомъ. За Переяславскимъ бунтомъ слѣдовали нѣкоторыя другіе; но они ни мало не помогли Украинцамъ прогнать Поляковъ.

Ужасно было въ ту годину состояніе Украинцевъ. Права ихъ были нарушены; вѣра попрапа; Церкви и монастыри издавна сооруженныя, шые запустѣли, шые запечатаны, шые обращены въ госпитальныя и нищенскія дворы, шые разграблены и превращены въ развалины. Священниковъ мучили пытками, и казнили. Простомолюдовъ грабили, сажали въ тюрьмы и морили голодомъ. Дѣти умирали безъ крещенія и очищенія отъ грѣховъ; взрослые жили безбрачно, не зная ни исповѣди, ни причащенія Св. Таинъ. Мерзвые погребались безъ обрядовъ. Привилегіи, коими дарили Украинцевъ Сигизмундъ III, оставались безъ исполненія (18).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ХЦ.

Наслѣдникъ и сынъ Сигизмунда III, Владиславъ IV, былъ великъ желаеиъ прославиться и искусствомъ давать о-бѣщанья.

На Сеймѣ во время его избранія на престолъ Польскій, Грекороссіане подали прошеніе о пресѣченіи голений. Не разъ подобныя просьбы были подаваемы Сигизмунду III, но всѣ онѣ оставались безъ всякаго вниманія, и дѣла о Неуплипахъ были оплагасемы на будущее время. Можно было-бы предполагать, что и съ сей просьбой поступлено будетъ также; однако не такъ случилось: просьба, къ крайшему изумленію Украинцевъ,

была услышана. Тотчасъ нарядили депутацію, въ которой председательствовалъ самъ Владиславъ; разсмотрѣли дѣла Неушиповъ, и постановили съ ними примиренія ихъ съ Уніатами. Грекороссіянамъ возвращены были и въ копорыя права, позволено исповѣдовать вѣру свою открыто, исполнять всѣ обряды; Уніатамъ позволено имѣть своего отдѣльнаго Митрополита и Епископовъ. Владиславъ свосручно подписалъ сіи статьи; потомъ при избраніи его Королемъ Польскимъ, обѣщалъ исполнять ихъ во всей силѣ, и наконецъ во время коронаціи подтвердилъ свой обѣтъ присягою. Но гоненія спихли на нихъ, и снова разделились надъ главами Украинцовъ. Черты и Козаки возобновили мятежи и бунты. Явились войска для усмиренія мятежниковъ. Пронзило нѣсколько бисповъ, — Козаки почти вездѣ разбисповы; народныя ополченія, набранныя нѣкопороми изъ старшинъ войска Запорожскаго были

разсѣяны. Настала година прежнихъ бѣдшвій.

ХІІІ.

Неудачи заставили Козаковъ бѣжать въ Запорожье, оставивъ въ Украинѣ свои сѣмейства и богатства, и начали пересылали изъ оной всѣхъ, могущихъ носить оружіе. Приглашеніе было, конечно, услышано; полны ополченныхъ непрерывно уходили въ степи; — Украина пустѣла. Желая осановити сѣи побѣги, Поляки построили на Дѣпрѣ выше пороговъ крѣпость Койдакъ, или Днѣвскую заставку; однако напрасно: Козаки, подъ начальствомъ Генерала Павла Павлюка и Консераго Апамана Сулимы, осадили сѣю крѣпость, взяли, вырѣзали весь гарнизонъ, въ ней находившійся, и самую крѣпость разрушили до основанія, въ 1655 году. Ошпуда они отправились къ Чигрину, коимъ завладѣли было Поляки, и, одержавши новую побѣду надъ ними пошли къ Черкасамъ.

Поляки снова разбиты. Козаки разсѣлись по всей Западной Украинѣ, возобновивъ прежнія чвары пропивъ Поляковъ, Уніаповъ и Жидовъ. Войска Польскія индѣ были разбиваемы, индѣ бѣжали безъ битвы. Павлюкъ и Сулима производили свои нападенія и опустошенія, удаляясь отъ большихъ сраженій до 1636 года.

Конецпольскій послалъ прошивъ Козаковъ Напольнаго Гешмана Николая Потоцкаго. Павлюкъ окопался близъ Корсуня подъ Кумейками, 16 Декабря произошла битва. Козаки разбиты, вытѣснены изъ окоповъ и принуждены были обратиться въ бѣгство. Новая битва произошла подъ Боровицею. Побѣда оглянулась на Козаковъ. Тогда Потоцкій предложилъ Павлюку мирныя условія, обязывался именемъ Короля возвращить всѣ права Козакамъ и народу Украинскому. Козаки согласились на миръ и вышли изъ стана: старшины подписали условія. Но лишь только въ войскахъ Козацкихъ былъ разрушенъ

порядокъ военный, Поляки напали на нихъ; многихъ изъ нихъ перерубили и переспрѣляли; а у прочихъ ограбили имущество и военные запасы, обрѣзали усы и чуприны; Гешмана Павлюка и многихъ старшинъ взяли въ плѣнъ и отправили въ Варшаву: всѣ они были казнены (19).

XIV.

Въ 1638 году Правительство Польское рѣшилось положить конецъ смятеніямъ въ Украинѣ, и обнародовало прокламацію, по которой лишило Козаковъ всѣхъ правъ, между прочимъ и права пѣти Гешмановъ, а въ свидѣніе оной повелѣло хвалить Козаковъ, и опредѣлять въ Польскіе полки. Съ другой стороны Татары, пользуясь смятеніями Украинны, часто вторгались въ нее, грабили селенія, уводили съ собою многихъ плѣнниковъ. Битвы ихъ съ Козаками и на сушѣ и на морѣ не преставали. Напрасны были всѣ старанія Козаковъ сми-

ришь Тапарь. Хотя Козаки почти ежегодно ходили въ Крымъ, разорляли города и села, освобождали плѣнныхъ Христіанъ, уводили пабуны, но Крымцы вспомошесствуемые Турками продолжали набѣги. Козаки мстили Туркамъ, ходили подъ самый Конспаншополь; и это было напрасно. Ослабѣвшее опть безпрерывныхъ войшъ съ Поляками Войско Запорожское перестало уже спрашивать невѣрныхъ, какъ спрашивало прежде.

Тогда явились между Козаками предводители: Стефанъ Остринца, Леопъ Гуля, Чурай, Малко, Ефремы Скурай и другіе, кои пачали мстить Полякамъ и Тапарамъ сначала сами съ небольшими дружинами своими, потомъ съ помощію Донецкихъ Козаковъ. Попоцкій явился, — и вытерпѣлъ нѣсколько небольшихъ пораженій. Войска Польскіа, бывшія въ Придѣпрскихъ городахъ, разбиты и разогнаны. Наконецъ произошла битва на рѣкѣ Старицѣ, битва страшная, ошчаянная. Козаки, не смошри на

свою малочисленность въ сравненіи съ Поляками, одержали побѣду, принудили ихъ обратиться въ бѣгство, и гнали до мѣстечка Полошаго, чпо въ Волынской Губерніи. Здѣсь произошла новая битва. Полтавскій принужденъ былъ предложить Козакамъ мирныя условія; но, получивши подкрѣпленіе, пошелъ на Козаковъ, разбилъ ихъ, попомъ взялъ въ плѣнъ Гешмана Оспряпцу, Чурая, и другихъ старшихъ Козацкихъ. Всѣ они по обычаю были казнены въ Варшавѣ (20 — 21).

XV.

Новое ополченіе Козацкое, имѣвшее вождемъ Гешмана Карна Полтора-Кожуха, не имѣло никакого успѣха. Поляки, подъ предводительствомъ Іереміи Вишневецкаго, гнали его до рѣки Мерлы, и, здѣсь поразивши, заставили бѣжать къ Дону. Гешманъ Полтора-Кожухъ и послѣ дѣлалъ набѣги на Польшу, но безъ всякаго успѣха. Полтора Ко-

жухъ умеръ въ Каменномъ Запощъ, — и гробомъ ему была пуслая горьлочная бочка (22 — 23).

XVI.

Съ тѣхъ поръ Козаки пали. Поляки завладѣли Украиной, и дали пошую волю Уніатамъ и Жидамъ. Православіе угнѣпалось съ каждымъ годомъ болѣе: Церкви опданы Жидамъ на аренду, а священники въ работу; должно было платить большія деньги за позволеніе съжигать Литургію; а кто хотѣлъ погребать, крестить или вѣнчаться, тотъ долженъ былъ приготопиться къ рѣшительной нищенѣ. Всѣ казни и козни, выдуманные Іезуитами и Инквизиціорами были приводимы въ дѣйство. Спаранія благочестиваго Митрополита Кіевскаго Петра Могилы воспреняпствованы гоненіямъ оставались нищенны.

Одна только часть Козаковъ, оставшаяся въ Запорожьѣ, сохранила свою не-

зависимость. Съ Ашаманомъ Савалповичемъ Запорожцы напали на Азовъ въ 1636 году на прибрежные города Анашолійскіе въ 1638 и пр. (24). Они обогащались добычей, жили въ привольѣ, въ довольствѣ.

Дабы побѣги изъ Украины въ Запорожье не возобновились, Конецпольскій повелѣлъ вновь выстроить и укрѣпить крѣпость Койдакъ, снабдилъ ее гарнизономъ, расположилъ сильныя гарнизоны по городамъ Украинскимъ, самовольно казнилъ всѣхъ священниковъ; спѣшилъ сколько было возможно семейства Козацкія, и оставилъ несчастную Украину спенать подъ игомъ губительной Православія, доколѣ не возмужаетъ Богданъ Хмельницкій, котораго Провидѣніе благословило мечемъ для освобожденія ошчизны изъ подъ ига Польши.

ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

Первыя мятежи Козаковъ противъ Польши

произошли, кажется, по случаю убіенія Ивана Подковы во Львовѣ; впрочемъ Лѣтописцы говорятъ о нихъ довольно темно и кратко.

Далѣе:— Г. Г. магъ Шахъ упрощивалъ поварницей освободить землю Подольскую и другіе отъ ига Ляховъ, и на что Козаки согласны были, — многія селенія пожгли. А Король за сіе много имъ бѣдствій причинилъ, и даже въ вѣру свою обратилъ холѣвъ. — С. Г. 3. § 8. Энгель упоминаетъ объ Іоаннѣ Оришевскомъ, коему Вапорій повелѣлъ усми-

ришъ Низов. Козаковъ. (G. U. 26.) Въ П. П. У. Ск. IV. упоминается о мяпежахъ 1500 года въ слѣд: выраженіяхъ : — Пришла Королю дума, же его умертвишъ хоцуншъ, и мечъ противъ его подъяшъ, озлобился сильно, и приказалъ всѣхъ Козаковъ перебитъ, кои на службѣ были. Прочіи по Украинѣ розселились и миромъ въ сѣмьляхъ хупорамн жили. Съ того времени Козаки Короля возненавидѣли, и помышляшъ объ оплученіи себѣ отъ Польши спали Егда сарана въ року 1580 въ лѣпо набѣжала, и живы изъѣла, и егда Жиды вино дорогою цѣною въ продажу давали промысла своего ради, тогда Козаки озлобившись въ Черкасахъ и въ Кіевѣ и въ Переяславѣ всѣхъ Жидовъ до единого побили, вино забрали, и мяжежъ учинили. Король просьбою просилъ Козаковъ въ пшхомірѣ спать, обаче Шляхецство Польское и Спароспы городовые Козаковъ неволей брашъ зачали, и въ лмы сажали: кпо живъ оспался. Егда-бъ Ко-

миссары опть Короля со знаменіемъ не
прійшли, великому мяшежу быши-бъ бы-
ло; да Комисары многое обѣщавали — —

Въ Л. Р. III. упоминается о мяшежѣ
Вольнскомъ подѣ снмъ же годомъ.

Въ З. III. (Свѣденія о Козакахъ за
Башорія Короля) — описывается въ З —
4-хъ спрокахъ мяшежѣ Кіевскій подѣ
1583.

Вошь и все, — если нечиташъ мяше-
жамъ неважныхъ мѣспныхъ буншовъ.

2.

*Свѣденія о правахъ, данныхъ Гре-
короссіянамъ Королями Польскими.*

Казимиръ Великій, овладѣвъ Льво-
вомъ, Перемышлемъ, Галичемъ и други-
ми городами уравнилъ шамощныхъ Гре-
короссіянъ съ Каполикками во всѣхъ

правахъ и преимуществвахъ (Спирковскій XII. 5. Другошъ подь 1310. Кромеръ. XII. Гербертъ. X. 3). Сію привилегію подтвердилъ Ягелло въ 1386 году, и дѣши его, Короли Польскіе Владиславъ II въ 1434 и Казимиръ IV (Кромеръ XXI. Спирковскій VI. 1. Гербертъ XV. 2). Александръ Князь Липовскій въ 1499 далъ Духовенству Греческорооссійскому привилегію подтверждающую всѣ старыя права церкви Православной, а братъ его Король Польскій Сигизмундъ I подтвердилъ сію привилегію въ 1511. На Сеймахъ 1563 и 1568 Сигизмундъ II Августъ съ согласіемъ всѣхъ чинъ Речи Посполитой далъ Украинцамъ двѣ привилегіи, коими, уравнивая ихъ во всемъ съ Поляками позволялъ имъ достигати достоинства Сенапторскаго и другихъ важныхъ сановъ, и на Люблинскомъ Сеймѣ 1569 года, присоединяя къ Польшѣ на вѣчныя времена Польшю и Украину, далъ имъ, и въ особености провинціямъ Кіевской,

Волыпской и Полѣсью още новую привилегію о помѣ-же. — Всѣ сіи привилегіи подтвердилъ присягою Генрихъ Валуа въ 1573, Стефанъ Баторій въ 1576 и Сигизмундъ III въ 1587. Кромѣ сего Стефанъ Баторій двумя привилегіями позволилъ Греко-россіянамъ безпрепятственно отправлять праздники по старому календарю, свободно создавать церкви и Гимназии и пользоваться всѣми прежними правами по силѣ старыхъ привилегій; а всѣмъ свѣтскимъ чиновникамъ указомъ запретилъ вступать въ дѣла и суды Духовные церкви Грекороссійской. На Коронаціонномъ Сеймѣ 1588 состоялась Конспинуція, по которой запрещено опщивать имѣнія церковныя опъ Епископій и монастырей Грекороссійскихъ и Косцѣловъ Капюлическихъ. Въ Липовскомъ Статути, на сочиненіе котораго дана Князю Липовскому привилегія на семь же Сеймѣ, права Грекороссіянь уравниены съ правами Капюликовъ, какъ по: Духовен-

ство Грекорос: и Капол: одинаковымъ порядкомъ должно раздѣляваиься со свѣпскими въ дѣлахъ судебныхъ (Сп. III. 32); положено одинаковое наказаніе за пасиліе церковей Грекор: школь и священническихъ домовъ равно и ксеніевоу Римскихъ и поповскихъ домовъ (II 3); назначена одинаковая иѣня за убійство и безчестіе духовныхъ обѣихъ церковей, жепъ и дѣшей ихъ (II- 27). Въ 1589 Сигизмундъ III на Варшавскомъ Сеймѣ далъ привилегію Грекор: духовенству сохраиить всѣ ихъ чины, власть, честь и доспоиство въ совершенной силѣ на равнѣ съ духовенствомъ Римскимъ (II. У. 60 — 65).

3.

Подвиги Косинскаго.

Косинскій въ И. Р. подѣ 1596 годомъ шпешъ, что Косинскій природный

(70)

Шляхпичъ Польскій. Геперальный Асауль Войска Запорожскаго избранъ Гепманомъ въ 1595 году на мѣсто Гепмана Демьяна Скалозуба, уморешаго голодомъ въ Конспаншинолѣ; чпо онъ, будучи призвавъ на соборъ Брестскій, арестовавъ, предавъ суду, осужденъ, замуровавъ въ каменный сполбъ, и умеръ въ немъ отъ голоду. . . !

Другой Лѣтописецъ (З. Ш. о древности Мал. и Укр.) говоритъ, что Косицскій не былъ Гепманъ, а мясешникъ Польскій, собравшій шайку въ Украинѣ, и опустошавшій Подоль, Вольты и Полѣсье, и въ 1593 году схваченъ сыщцками Польскими и предавъ казни.

По сказанію М. Г. З. II. Косицскій предавъ мученической казни въ Варшавѣ, а Лобода собравъ войско, пошелъ къ Варшавѣ, но былъ разбиенъ подъ Брестомъ, и умеръ отъ скорби (!). По С. Г. З. § 11. Косицскій убиенъ подъ Пяпкой, — и пѣло его на позоръ акн пре-

спутника выспавили, а чешырехъ стар-
шинъ Запорожскихъ живыми въ землю
закопано. —

Башпыль Каменскій описываетъ
подвиги Косишскаго, слѣдуя, большею
частью, Генденшценгу. Онъ повѣспву-
етъ, что Косишскій прежде всего впор-
гнулся въ области Князя Оспрожскаго,
попомъ долго просиолять подъ Гарноно-
лемъ, и наконецъ палъ на сраженіи подъ
Пяпкою, въ 1593. II. M. P. I. 161—162.

Лубенскій, котораго сказанію при-
держиваетъ Нѣмцевичъ (D. Z. I. X II.
259 — 261.), пишетъ, что Косишскій
впоргнулся во владѣнія Князя Оспрож-
скаго съ 5000 вошовъ, и началъ опуспо-
шатъ въ нихъ все огнемъ и мечемъ;
Князь набралъ изъ своихъ подвласпныхъ
и приверженцевъ войско, и съ помощію
600 копѣйщиковъ приведенныхъ сыномъ
его изъ Польши пропивусталъ Косиш-
скому, который между пѣмъ осадилъ
Пяпку. Произошло сраженіе: Козаки раз-
биты; 3000 пало въ битвѣ; Косишскій,

убѣжавъ изъ Пляки, выпросилъ у Князя прощеніе, и вновь произвелъ мяшежь; наконецъ, вошедши въ Черкасы, гдѣ Спароспою былъ Вишневъцкій, и, напившись пьяти на шпру у приверженцевъ сего Князя, былъ ими убитъ. Лубенскій прибаляетъ, что это случилось въ Мартѣ 1593 года. О. Л. 2—3. Въ своей Львовшине я держался сказаній Роголевскаго и Л. К.

4.

Мятежи въ Кіевѣ, Переяславѣ и Лубнахъ. 1594.

Мяшежь Кіевскій, бывшій по свидѣтельству Л. Р. IV. въ Мартѣ 1594 года, былъ возбужденъ Леопіемъ Пелчицкимъ, Епископомъ Пшскимъ. Около 800 Жидовъ погибли отъ рукъ мяшеж-

Часть I. (73) 7

ной черни въ волнахъ Днѣпра, а многіе Уніаты перерѣзаны въ монастырѣ Капюлическомъ: изъ нихъ Іосифъ Брамъ расперзашъ. З. Ш. — Множество Передславскій бытъ еще важнѣе. Предводителями мятежниковъ были: знаменитый Ивашъ Лобода и Григорій Трубчевскій. Мятежь Лубепскій бытъ вовсе не значительенъ. Поляки успѣли перехватить всѣхъ бунтовщиковъ, и казнили. З. Ш. Д- Р. IV.

5.

Дума о битвѣ Чигринской въ переводѣ.

— Въ славной нашей Украинѣ бывали когда-то дни бѣдствій, годины злощасныя; бывали и моровья повѣпрія и мятежи войсковые. И нѣкому было спасать Украинцевъ, нѣкому было за нихъ

молишься Богу; но Господь Богъ не забываетъ Украинцевъ: Онъ хотѣлъ, чтобы они великими спраданіями искупили свое грядущее благоденствіе. Онъ одинъ вѣдалъ свои думы, свои помыслы, насылая бѣдспвія на землю Украинскую. И вотъ — прошло время бѣдспвіи; и нѣтъ уже никого, кто могъ-бы сразить насъ. Богъ одинъ вѣдалъ свои думы, свои помыслы. . . .

Но день, но два грабили Украину Поляки, не зная опдыха, держа наготовѣ коней своихъ, и днемъ и ночью....

Они шли къ Гепману Наливайку. А Гепманъ Наливайко, что думаетъ онъ, о чемъ задумывается? Что придумалъ онъ для благоденствія своихъ поварищей Козаковъ? Одинъ Богъ по вѣдаетъ, и награждаетъ его своей помощью.

Изъ за горы выходитъ гроза, гремитъ громомъ, идучи къ городу Чигрину, и блещитъ молніей надъ землей Украинской. То Поляки переходили чрезъ

при рѣки, а перешедши чрезъ прелью
спали стапомъ, пустили на пастьбу
своихъ коней, и ошдыхали при *годинь*.

Что-же думаетъ Гетманъ Нали-
вайко? О чемъ задумывается? Что при-
думать онъ на погибель Поляковъ? Одинъ
Богъ о томъ вѣдаетъ, и награждаетъ
его своей помощью.

То не гроза гремитъ по небу гро-
момъ, провожая святыхъ къ Господу
Богу, — но Поляки бьютъ въ бубны,
собираютъ войско свое въ громаду слу-
шаютъ рѣчи Гетмана Жолтѣвскаго. Со-
шлись они, выспроились; и, выспроив-
шись, смолкли и начали слушать рѣчи
Гетмана. И отслушавши съѣдали ко-
ней своихъ, и переходили чрезъ *Бѣлую*
рѣку: мостили мосты, клали плотины,
вбивали колы, крыли ихъ дранью и хво-
ропомъ, и совершали великій переходъ
чрезъ Бѣлую рѣку. А перешедши стро-
или шанцы и палисады, устанавливали
пушки, и предъ пушками вкопали въ зем-
лю три креста. На первомъ крестѣ

Сомнио висипть, висипть и громко кри-
чипть. На другомъ креспть Богунъ ви-
сипть, висипть и саблей брячипть. Тре-
тій креспть — пуспой спонипть: онъ
ждепть къ себѣ другихъ Козаковъ и огля-
дываепть ихъ. Кію первый подойдетъ,
того ядро убьепть; кію впорой подбѣ-
житъ, того пуля проенепть; кію тре-
тій подскочипть — шопть креспипсья
будепть и молинься спалеипть, — его доб-
рое — осиковый креспть. Козаки глядѣли,
разглядывали, и шумѣли, и поспавили
предъ глаза Поляковъ прое знаменъ, и
на знаменахъ писали такія рѣчи:

— Миръ всѣмъ вѣрнымъ Православ-
нымъ Христіанамъ, а врагамъ Полякамъ
веселье въ аду. Креспть сразипть того,
кію водрузипть его. —

И поипли Поляки чепырьмя полями,
чепырьмя полями а пяпымъ Подольемъ.
Козаки по всюду, на всѣхъ спычкахъ
побѣждали Поляковъ. Поляки просили
мира, — и получили опказъ. Но шакобы
Козаки — не имъ забыпть напаспть. Не

шаковы и Поляки,—не имъ забыть мщен-
ье.

Было горе и нашимъ, какъ вѣщала
кукушка. Чшо вѣщала она, тому такъ
и бысть. Когда черни начшуть ми-
ришь правыхъ съ неправыми, укосишь
души въ адъ, и въ кучи валяшь.
Богъ поможетъ намъ опть бѣды: Онъ
одиць вѣдаетъ свои думы, свои помыслы,
даруя помощь Павлу Наливайку. Не намъ
о шомъ размышлять. Нашъ долгъ мо-
лишься Богу, крестнишься Спасителю.

Исусъ Хришо съ Сыне Божій, по-
милуй насъ! Дажь миръ всему Христіа-
нству, и всѣмъ намъ здравіе тѣла и
спасеніе души. Аминь. —

— Дума о Битвѣ Чигринской, помѣ-
щенная въ Кн. I. Зап. Снар. есть оп-
рывокъ изъ Думы о подвигахъ Наливайка
и Лободы. Списокъ сей Думы существу-
етъ у одного собиранеля Малороссій-
скихъ пѣсень и когда нибудь будетъ на-
печатанъ. Въ отрывкѣ напечатанномъ

въ Зап. Спар. на страницѣ 89 вмѣсто
осоки должно чипать осики; на стр.
90 вмѣсто: *буде ѿ нашихъ лихо* — *бу-*
ло ѿ нашихъ лихо. Окончаніе на стр.
91 должно чипать такъ: — Мпромъ миръ
міру Христьянскому и намъ усѣмъ пѣ-
ла здравіе и души спасеніе. Аминь. (Со-
общено).

Съ неперигвнѣемъ буду ждаць выхода
въ свѣтъ полной думы; а покажѣсь пе-
ревожу опрывки, какіе только могъ я
доспачь, означая мѣсна пропусковъ
почками.

Бѣлою рѣкою Запорожцы называли
рѣку Тясинь; Черною — рѣку Бугъ;
Красною или Черною — рѣку Рось.

Что значить слово *година*, упо-
требленное въ сей думѣ? Значенія опа-
го, признаюсь, не понимаю. Максимовичъ
перевелъ словомъ: *часъ*.

Кукушка почитаютъ Украинцы за птицу священную, за предвозвѣспительницу будущаго; въному вѣрятъ и Русскіе (Абевега Рус. суев. 228); и Сербы, и Словаки. Сербы рассказываютъ, что кукушка была прежде женщиной. Потерявъ брата, она до тѣхъ поръ плакала и горевала по умершемъ, пока сама не превратилась въ птицу. Нѣкоторые прибавляютъ, что плачь ея и рыданія непрерывно падаютъ на покойника, и онъ проклялъ ее, отъ чего и превратилась она въ кукушку. Другіе утверждаютъ, что и Богъ прогнѣвался на плачущую. Въ Сербіи всякая женщина потерявшая брата, если услышитъ голосъ кукушки, начинаеть плакать (Вуко Стефановичъ). Есть что-то подобное въ преданіяхъ Молдавскихъ, если вѣрять А. де Хиждеу, т. е. его снать: Румунскія народнѣси (Телеск. 1833. No 8. стр. 502 — 503). Сравни Молву. 1833. No 100.

На Украинѣ есть пословица: — Поч.

ная кукушка денную перекуе. — Что
это за аллегорія?

Рассказывая въ Лѣтописи о бипвѣ
Чигринской, я придерживался болѣе все-
го сказаній Думы, выше сего переведен-
ной.

6.

*Пѣснь о сожженіи Могилова въ пе-
реводѣ.*

Мнѣ говорятъ, что сія пѣснь, по-
мѣщеная подшпиковъ въ Кн. I. Зап.
Снар. 36 — 38., сочинена гораздо позд-
нѣе, можетъ быть, въ концѣ XVIII вѣ-
ка, и что имя Паливайка попалось въ
нее случайно. Очень хорошо, но гдѣ же
доказательства? Пока не буду имѣть
объ нихъ свѣденій, не могу и опровер-
гнуть прежняго мнѣнія своего, которое

припомъ утверждается хоть на неболь-
шихъ доказательствахъ. И по смыслу слѣ-
дуетъ пословица, которая для многихъ
сдѣлалась правиломъ: — хоть бы гѣрше,
абы шше.

— Дымомъ облекся городъ Могилевъ,
когда по Войско Запорожское грянуло
изъ пушекъ.

Опустилъ городъ Могилевъ, когда
Козаки густо повѣяли изъ ружей.

Въ городъ Могилевъ остались толь-
ко орлы да змѣи. Они пожираютъ Ляц-
скіе трупы; они радуются Ляцкимъ
трупамъ.

Въ городъ Могилевъ остались толь-
ко ши да колоды. Верно, бѣда постигла
племя Ляцское!

Не сполько бѣда сколько безславые:
оно блуждаетъ уже по бѣлому свѣту
ошъ двора ко двору.

Не такъ велико безславые какъ ве-
лика радость Козаковъ: алая судьбина

ѣтитъ Запорожцевъ, и даетъ знать
себя племени Лышскому.

Злая судьбина дала себя знать По-
лякамъ съ ранняго упра чрезъ нашего
славнаго Пана Генмана Налшайка.

Злая судьба *ѣтитъ Запорожцевъ* —
въ подлинникъ: *Кравчину шануючи*.
Кравчина — Кошъ въ мирное время п. е.
Войско Запорожское. Я думалъ, что
это слово произошло отъ слова *Укра-*
ина, и мнѣнію сію изложилъ въ Упрен.
Звѣздѣ Ч. II X. 1833. Максимовичъ за-
мѣтилъ мнѣ, что, можетъ быть, это
слово произошло отъ слова *кравецъ*.
Кажется, что съ этимъ нельзя не со-
гласиться; ибо слово *кравецъ* употреб-
ляется иногда Лыпописцами, въ значеніи
слова *воицъ*. — Я кравци собращаю на
Раду, положиша набѣгъ сопротиву Ага-
риль Буджакъ — (З. III. О войнахъ съ
Ташарами выписки изъ Лыпописей). И

Наливайко былъ также кравцомъ, какъ говоритъ Максимовичъ. Если произведе-
нiе слова Кравчиша отъ слова кравецъ
и не имѣеть документальныхъ доказа-
тельствъ, то по крайней мѣрѣ не столь
напущено, какъ мое преждее.

7.

*Письмъ объ убiенiи Наливайка съ
переводъ.*

Копиескiй, не упоминая о битвѣ на
Солошицѣ, говоритъ, что на рѣкѣ Слу-
чи по повеленiю Короля послѣдовало
примиренiе между Поляками и Козаками;
что въ 1597 году, когда Козаки отпра-
влялись въ Варшаву декушановъ, съ ними
поѣхалъ и Наливайко; что всѣ они при-
ѣхавши въ Варшаву были взяты и по-
сажены въ тюрьму, и чрезъ два дни сож-
жены въ мѣдномъ быкѣ.

Яичинскій, въ жизни Жолкъвскаго, говоритъ, что Наливайко былъ неоднократно разбитъ Поляками, и взятъ въ плѣнъ; что въ Варшавѣ содержали его по Козацки: не давали заснуть и будили обухомъ стѣкеры, и попомъ посадили на раскаленного кося въ раскаленномъ вѣнцѣ. (С. U. 105). Сравни Шымцевича D. Z. X. III. R. V. Шымцевичъ, думаю, не выдумываетъ, но такъ умѣетъ скрывать правду, что и она кажется ложью.

— Славны стали Запорожцы, когда начали воевать противъ Польши, и изъ местни передали *оборотнямъ Католикамъ* свою злую судьбу.

Та злая судьба, та злая судьба въ башнѣ пюрешной насмѣхалась надъ Наливайкомъ будто надъ бѣдной вдовой.

Вдовинъ сынъ, вдовинъ сынъ! У тебя есть еще братья, и пѣть братья твои Козаки богаты удалью.

Всѣ Козаки сходились на Раду, и на Раду рѣшили выступить въ походъ противъ Поляковъ.

Расходились Козаки, распустя Раду, и выкапывали изъ подъ камней свои богатые клады.

Они продавали свои клады, и покупали ружья, и закупивши ружей, выступали въ походъ.

Предъ ними Голый летаетъ яснымъ соколомъ, богатырски гарцуетъ онъ на ворономъ конѣ.

Рашии упромъ Козаки приближились къ Случи, и начали жужжать изъ пушекъ, призывая Капоницковъ.

И Поляки услышали, и загремѣли въ опѣльть. Да будетъ-же имъ пляжко, пляжко, что они гремѣли.

Что они гремѣли, то предвѣщали они Козакамъ бѣдствія. И Козаки Гайдомаки думали и гадали.

Они думали и гадали; они думали и гадали; и пляжко, пляжко горевали о своемъ Гецманѣ.

А въ Варшавѣ на Радѣ судили судьи,
и осудили Паливайка сжечь въ мѣдномъ
быкѣ.

Поляки осудили Паливайка на сож-
женіе;

Козаки присудили опомснить По-
лякамъ.

Оборотни — Вовкулаки. Это лю-
ди, превращенные въ волковъ. Повѣрье
о нихъ распространилось между всѣми
племенами Славянскими. Русскіе называ-
ютъ ихъ *оборотнями* или *упырями*
(Абеверга Рос. Суев. 263); Морлаки *Ва-*
кодлаками, и вмѣстѣ съ Трансильванца-
ми вѣрятъ, что сіи чудища любятъ
высасывать кровь у дѣтей. Когда ум-
раютъ у нихъ погнѣ челоуѣкъ, коего
они почитали оборотнемъ, по ему под-
рѣзываютъ жилы подъ колѣнами и иска-
лываютъ все плѣхо для того, чпо-бы
онъ не могъ возвратиться къ живымъ.
Часто Морлакъ умирающій, чувствуд

въ собѣ жажду къ крови дѣтской, при-
 казываютъ съ собою поступать по смер-
 тни какъ съ оборонцемъ (Fortis, Voyage
 en Dalm. L. II.). Такое поучье
 находится и между Поляками (Войцнцъ-
 кий, о Wilkodłakach. Dz. Warszaw.
 1823. N 33. 176 — 180 Pamietnik Warsz.
 1820. XVI). Дуньчевскій въ своемъ Ка-
 лендарѣ на 1759 годъ говоритъ: Lubo
 czarownicy nie moga istoty odmieniac w
 wola, w konia albo inoze bydle lub zwierze,
 moga iednak powierzehownie odmieniac
 w jaka chce bestyia i przydac jej akcyja
 takiego zwierzecia. Tacy bywali na Zimud-
 zi, Polesiu i w inszych Prow. Pol. Wil-
 kolacy (Kalend. pol. i rus. na r. 1759).
 Богемцы и Словаки имѣютъ также по-
 добное преданіе, и сообщили его Вен-
 грамъ, у коихъ есть нѣсколько нѣсенъ,
 повѣстующихъ о жизни обороней.
 Сербы также вѣрятъ существованію
 волколаковъ. — Начиная не бесполез-
 нымъ замѣтить, что подобное поучье
 существовало и у Скандинавовъ, чему-

доказапольствомъ можетъ служить рассказъ о Біорно Ришговичъ, Царь Унлацскомъ, превратившемся въ мѣдвѣдъ, — рассказъ помѣщеннѣй въ Сагъ о Рольфъ-Кракѣ. — Геродотъ пишетъ о Неврахъ, чію они, зная науку чарованій, въ извѣстные дни года, могли измѣняться въ волковъ, и снова обращались въ людей. Карамзинъ изъясняетъ это очень легко, „по естѣ зимуо покрывались волчьими кожами.“

Вдовинъ сынъ. Изъ сказаній Инчинскаго и нашихъ Лѣтописцевъ, хотя они довольно подробно говорятъ о Наливайкѣ, не видно чію-бы онъ былъ сыномъ вдовы. Можетъ быть Бандуриснъ подъ именемъ вдовы мапери Наливайка разумѣетъ Украину?

Почти всѣ Лѣтописцы единогласно говорятъ, чію Гепманы Запорожскіе, попадавшіеся въ руки Лиховъ, были сожигаемы въ мѣдномъ быклѣ, или на

мѣдномъ волѣ. До тѣхъ поръ пока я не
зналъ пѣсни объ убіеніи Наливайка, я
всегда вѣрилъ вмѣстѣ съ Нѣмцевичемъ,
что подобныя казни изобрѣтены какими
нибудь шокомъ для своей лѣпописи, и
мало по малу разошлись по другимъ лѣ-
пописямъ; но свидѣтельство пѣсни, пре-
даний народныхъ, и Поляка Яичинскаго
(о раскаленной лошади) въ жизнеописаніи
Жолкѣвскаго, заспаваляютъ меня пере-
мѣнить мнѣніе; и я не внесъ сей казни
въ свою лѣпопись только потому, что
Лѣпописи смѣляютъ ее иногда какою
нибудь другою, и часто прошивурьчатъ
другъ другу. Слонявъ прочесть одну
Исторію Руссовъ, что бы увидѣть сколь
хитры были Поляки на выдумку казней
или въ самомъ дѣлѣ или въ фантазіи
Лѣпописца.

Въ Лѣпописи моей, повѣствуя о под-
вигахъ Наливайка, я придерживался пре-
имущественно сказаній Вуйковича (Вы-

писки изъ его Synops. De hel. Cos), ко-
порый умѣлъ очень искусно свесши раз-
личныя показанія Лѣтописей Укр. Ему-
же слѣдоваль, хотя не всегда, и Нѣмце-
вичъ. D. Z. X. III. R. IV i V.

8.

*Пѣснь о подвигахъ Лободы въ пе-
реводѣ.*

— Зазвонили колокола въ городѣ Ба-
пуригѣ: по Козаки Гайдомаки рассу-
ждали на Радѣ. Они рассуждали на Радѣ,
какъ противустать Польгѣ, и рѣшили
соединиться съ Украинцами.

И выступили Гайдомаки въ походъ.
Хоть ихъ всѣхъ на все полько 1200,
за то богаты они оптагой.

Предъ ними ѣдетъ Пагъ Сулима Ко-
шевой Апамангъ. Чего же боялся, что
онъ чернобровый? Пагъ Сулима, Пагъ
Сулима собираетъ Козаковъ, и всѣмъ

Гайдомакамъ пакъ говоритъ: — Товарищи Гайдомаки, — исполнише волю мою. Намъ должно опоминишь за бѣдствіа Украины. Хопя насъ, Папы Гайдомаки, всѣхъ на все только 1200, но много опваги у насъ. Много опваги у насъ, когда вздумаемъ сразнишь съ Поляками по доброй воли. — Тогда обозвался Чура Лободы; кланяется Козакамъ и говоритъ такіа рѣчи. — Папы Гайдомаки будьте добры, опмыните Ляхамъ за моего Папа Ивана. О мой Папъ Иванъ! гдѣ добылъ ты сполько храбросни, чно первый рѣшился пропивоспати Ляхамъ, — и пропивоспалъ ни о чемъ не думал! О мой Папъ Иванъ, другъ Наливайка, ты сразилъ Поляковъ, сразилъ, — и думаешь забылъ. О, мой Папъ Иванъ, куда дѣвался ты, когда понадобился Полякамъ въ пемницѣ каменной? Вспомнише, Папы Гайдомаки, моего Папа Ивана, и за моего Папа Ивана, и за моего Папа Ивана опмыните Полякамъ. Если вы хопните соединишь съ Украинцами, шо вамъ долж-

но моего Пана Ивана вспоминали добрымъ дѣломъ. Когда Поляки хотѣли покорить Украшину власни своею, то наши Козаки выслушали въ походъ съ Паномъ Иваномъ; когда Поляки покоряли Украшину власни своею, то наши Козаки съ Паномъ Иваномъ разбивали Поляковъ. Сразили они Поляковъ, когда встрѣпились съ ними на Бугѣ, и два раза принудили Генерала Потоцкаго спасаться бѣгствомъ. Сразили они Поляковъ, когда встрѣпились съ ними на Пруцѣ: то было, что они порядкомъ опустошили Цецору. Было добро, было счастье, — настала и бѣда. Раннимъ утромъ въ день воскресный казнили Пана Ивана...

Бандуристъ, говоря о побѣдахъ Лободы надъ Поляками у Буга разумѣешь, конечно, битвы Пляшковскую и Ладжишскую; но кто такой Потоцкій, котораго по словамъ Бандуриста, Лобода обратилъ два раза въ бѣгство? Ни одинъ

изъ Потоцкихъ не былъ въ то время
Германомъ. Моженъ быть, здѣсь долж-
но разумѣть Яна Потоцкаго, Старосиу
Каметьцкаго. D. Z. I. Rr. III i V.

Лобода былъ, кажется, первый го-
рой Запорожскій осмѣлившійся пропиво-
станъ Полякамъ. И въ возстаніи Коза-
ковъ съ Косинскимъ, и въ ополченіяхъ
Острожскихъ Килзей, и самъ лично, и
съ Наливайкомъ, — вездѣ и всегда, сколь-
ко было возможно, — онъ принималъ са-
мое дѣятельное участіе. Невольно подо-
садуешь на невѣжество Лѣтописцевъ
нашихъ: въ памяти народной все каса-
тельно сего далекаго времени покрывно
непроницаемымъ туманомъ, а на письмѣ
одни замески. . . . Моженъ быть, Лобода
былъ человекъ великій, человекъ, копо-
рому Украина обязана первою мыслию
объ оппорженіи отъ власти Польской.
Моженъ быть, онъ въ Исторіи Укра-
ны былъ шже въ отношеніи къ Хмель-

вицкому, что Иоаннъ III въ отношеніи къ Петру... Въ повѣствованіи о Лободѣ я придерживался сказаній Вуйковича.

О Сулимѣ см. выше стр. 58 — 60.

9.

Тетеренко.

Два пѣсни о немъ съ переводъ.

Федоръ Тетеренко былъ Асаулъ Каневского куреня, и защищалъ Каневскія Козачьи поселенія, когда предъ Чигринскимъ сраженіемъ попалъ въ шихъ Коронный Генералъ Спаиславъ Жолкѣвскій (см. выше стр. 32) Въ семь дѣлъ помогалъ ему, вѣроятно, отецъ его, Тетеря Кошевой Апаманъ (П. П. У. Л. Р. и пр.). Отецъ съ сыномъ, какъ говоритъ пѣснь (см. Зап. Стар. I. 1. стр. 42 — 46), взяты въ плѣнъ, опхвезены въ

(95)

Варшаву и посажены въ тюрьму; однако имѣли случай уйдти и разбить Поляковъ у города Бендеръ, и Тапаръ у Аккермана. Незвѣстно, какой случай заставилъ Тешеренка перейти на сторону Поляковъ, принявъ Ушю, сдѣлавша ошешупникомъ оцъ вѣры предковъ. Можетъ быть, онъ былъ одинъ изъ первыхъ ошешупниковъ между Козаками. Прочтемъ пѣсню въ которой говорится о сихъ обшешупникахъ.

— По горъ вѣснъ вѣперъ, воепъ и завываснъ; а въ долинѣ храброе войско выступаснъ въ походъ. Оно выступаснъ въ походъ прошиву невѣрныхъ. Оно снаряжаснъ коней и проснпъ своего Апамана: — Папъ Апаманъ, храбрый Тешеря! Веди-же насъ прошиву невѣрныхъ. — Спрашусь пораженія. — Чшо намъ до пораженія, лишь бы намъ сразнпся. Не вѣчно-же намъ оспавалься здѣсь подъ Каневымъ. — По горъ вѣ-

онъ вѣшеръ. Въ долиахъ жгутъ жнецы; а по дорогѣ Серпяжской везутъ Теперю. Его везутъ, а онъ хопъ бы чпо. Или онъ боленъ, или онъ пьянъ, спарый Теперя? Его везутъ, а онъ хопъ бы чпо. Съ Теперею везутъ его молодого сына. — Спарый опецъ мой, чпо-то будетъ съ нами? — Не чпо — — Поляки везутъ насъ въ Варшаву. А въ Варшавѣ на Радѣ разсуждаютъ судьи. Насъ привезутъ въ Варшаву, и запрутъ въ шемницу. Запрутъ въ шемницу, и не дадутъ намъ хлѣба, не дадутъ и воды; не дадутъ и вина. Намъ дадутъ только сырую землю. Вѣжъ, хопъ давись. Но гляди, не гляди: не увидѣшь шебѣ свѣшу Божьяго. — По горѣ вѣешъ вѣшеръ, а по полю раздастся звонъ цѣпей: Теперю съ сыномъ везутъ въ Варшаву. А на рѣчкѣ на Вислѣ судятъ, разсуждаютъ судьи: казнить-ли Теперю или заключить его въ шемницу. Заключили Теперю съ сыномъ въ шемницу, и при-

судили продашь его невѣрнымъ. Погорѣ
вѣсѣть вѣперъ, а надъ Бендерами дымъ.
Тамъ Тетеря съ сыномъ чудесно пора-
жаетъ Поляковъ. По горѣ вѣсѣть вѣ-
перъ; вѣсѣть онъ къ Акерману. Тамъ
Тетеря съ сыномъ поражаетъ уже и
невѣрныхъ. По горѣ вѣсѣть вѣперъ, а
по полю раздастся гулъ пиршества:
то Тетеря съ сыномъ угощаетъ Поля-
ковъ. Угощаютъ, прощаются, но не мо-
жетъ угостить. Тетеря уже одинъ
безъ сына, ходитъ и крушится. Онъ
крушится, горюетъ, и не переспанетъ
гореваль: — Прощай, сынъ мой, сердце
мое, мое милое сердце! — Рыболовъ по бе-
регу вѣсѣть словно ласточка. Ноешь,
жестко ноешь о сынѣ сердце опцов-
ское. Плачь, плачь, Тетеря, о миломъ
сынѣ своемъ. — Уже не ворошился ты,
мой сынъ, изъ Польши, изъ Варшавы. О,
лишь бы только Богъ сподобилъ тебя
не умереть въ Польшѣ. Тамъ никто не
взгрустнетъ по тебѣ. Развѣ только
воронъ, одинъ воронъ прилепится къ

шебъ, и сядепть, насядепть на шруть швой, и спанелпть клевапть его. И поклевавши переспанелпть. Тогда прилепишть кукушка, и начнепть плакапть надъ шрупомъ швоимъ. И шолько воронъ да кукушка будупть знапть, гдѣ шы лежалъ; и шолько одна кукушка будепть горевашъ о шебъ. Жаль мгъ шебя сыпъ мой, мой мильнй вонпъ, чшо промвнялъ шы свою вѣру на вѣру чужую. —

Долго-ли Теперенко жилъ между Поляками и Уніапами,—объ этомъ нѣпть никакихъ свѣденій ни въ Лѣтописяхъ ни въ предаціяхъ народныхъ; не извѣстепъ даже ни одинъ изъ его подвиговъ. Можно впрочемъ догадывашпся, чшо Теперенко за прежнй дѣла свои заслужилъ уваженіе между Козаками; а, сдѣлавшись опшшушникомъ, вредилъ Украинѣ и Войску какъ человекъ сильнй. Наконецъ Гайдомака Случай поймалъ его, — и лишилъ жизни: о семъ обшповѣтельспвъ

говорить пѣсня (Зап. Стар. No I. стр. 49 — 53). Вотъ Русскій переводъ сей пѣсни:

— Славна спала, славна спала Рада Чигринская: она упѣшила всю Украину. Славна спала, славна спала Чигринская бипва: на ней пали Каполики изъ Подолья и Полѣсья. Славна спала, славна спала Чигринская гроза: молодцы Запорожцы опоили всѣхъ Каполиковъ. Не столько они опоили Каполиковъ, сколько припесли себѣ радости; не столько себѣ радости сколько Полкамъ, даровавши имъ миръ. Одно только горе: Теперенко подружился съ Ляхами, и, забывъ спыдъ, началъ разорять вѣру Православную. — Раздался ропотъ; начались споры: то Козаки сходились на вольную Раду. И положили на Радѣ и скашь Теперенка, и захвативши его въ плѣвъ опрубить ему голову. Тогда обозвался храбрый Случай, и шакъ го-

ворилъ: — я его поймаю; я опрублю ему голову. Но прошу у васъ, Гайдомакъ, одной милоспи: — подарите мнѣ, Случаю, душу нечеспивца. — И пошелъ Случай бродить, искавъ Теперенка. И волкъ, оиъ приближался уже на конѣ своемъ къ городу Варшавѣ. И когда спалъ оиъ приближаясь на конѣ своемъ къ городу Варшавѣ, Теперенко съ Поляками спалъ выѣзжать изъ лѣса. — Здравствуй, здравствуй, Теперенко! Какъ живешся пвоей милоспи? . . . Гайдомаки приказали тебѣ поймавъ. — Тогда Поляки папали на Случая; а Случай началъ Гайдомакъ бити и рубити. И когда всѣхъ побилъ, всѣхъ порубилъ, тогда связалъ Теперенка, привязалъ къ кошу, и полетѣлъ на немъ во всю прыпъ. Случай, Случай леселся, а Теперенко бешся, и проситъ оиъ, и молитъ Случая; но Случай отвѣчаетъ ему: — Бѣда мшептъ. -- И минула бѣда, когда мшули они степи, и быспро прищеслись къ Великой Сѣчи.

*Повѣсть Конисскаго о слѣдствіяхъ
смерти Наливайка.*

— По испребленіи варварскимъ образомъ Гепмана Наливайка вышелъ отъ Сейма и вельможъ, имъ управлявшихъ, такой-же варварскій приговоръ на весь народъ Русскій, въ которомъ объявленъ онъ вѣроломнымъ и булпливымъ, и осужденъ на рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ его было оплученіе депутатовъ Русскихъ отъ сейма національнаго и всего рыцарства отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ Спароспвъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское назвало холопами; а народъ, опшвергавшій Унію, схизматика-

ми. . . . Города заняты гарнизонами и чинами Польскими, а селенія войсками; имъ-же всѣмъ дана была полная воля; и они грабили, насиловали женщинъ, а дѣшей мучили, убивали; обращали храмы Православныя на Унію. Духовенство Уніанское вѣзало въ колесняхъ, запряженныхъ 12 — 15 человекъ изъ Православныхъ; отдавало церкви Грекороссійскія на аренду. . . Войско Козацкое призмѣшно уменьшилось. . . .

11.

Повѣсть Конисскаго о слѣдствіяхъ Брестскаго Собора.

— Соборъ Брестскій возбудилъ въ народѣ всеобщее смятеніе. Для удержанія онаго въ мирѣ войска Польскія вошли въ Малороссію подъ начальствомъ Корошнаго Гешмана, и помогали Уніа-

тамъ увеличивать число своихъ приверженцевъ. Уніаты дабы лучше дѣйствовать на народъ издали послали къ Православнымъ и небольшия воззванія, кои прибывали у церквей, убѣждал Малоросіянъ слушаться властей, кои дѣйствуютъ по волю Божіей на пользу ихъ плѣснующую и душевную, и грозя ослушникамъ проклятіемъ и оплученіемъ отъ церкви. Кроме того сн *ходатаи* объ *исправленіи вѣры* (выраженію др. Лѣтописи) перемѣнили антимиссы и пробники, и выдумывали обряды для чествованія и прославленія Паны. Вошы Поляки, бывъ разставлены при всѣхъ значнѣйшихъ церквахъ особенно въ важныхъ городахъ и мѣстечкахъ съ обнаженными саблями, принуждали народъ клѣчаться въ церкви и бить себя въ грудь по-Римски, а при чтеніи Символа Вѣры прибавляли извѣстное рѣченіе о св. Духѣ, при чемъ возносимы были сабли на главы народа съ угрозами рубить неповажныхъ. —

Помянутое Послание Учиалповъ помещено въ И. Р. цѣлникомъ, и цѣлникомъ также внесено въ И. М. Р. 171 — 173. *Нѣкоторые думаютъ, что оно не подлинное, а создано смѣлою фанпазіей въ послѣдующее время, что будто-бы даже есть и подлинное, — гдѣ-то, въ какой-то иностранной книгѣ. — Какъ-бы ни было, И. Р. любопытна какъ Собрание подобныхъ документовъ.*

12.

Письмо о Сагайдачномъ въ переводѣ.

Банпынгъ-Камелскій полагаетъ, что Сагайдачный началъ гетманствовать въ 1606 году, — и, кажется, ошибочно. Гораздо правильнѣе, или хотя правдоподобнѣе сказаніе Конисскаго, который говоритъ что онъ избранъ Гетманомъ въ 1598 году. Гетманы: Головченко и Го-

лубь, о коихъ говорятъ Оспровскій и Спелельскій, были, вѣроятно, вольно-избавленные частью Козаковъ, преданныхъ Польшѣ, подобныя Коспкѣ и Бородавкѣ. Баньшгъ-Каменскій пишетъ (Срав. G. U. 112 — 120), что Сагайдачный, былъ низкій происхожденіемъ, но великій духомъ, ума чрезвычайнаго, храбрый, бодрый, проворный, малорѣчивый, врагъ роскоши, права жестокаго, несповаго, проливавшій кровь за малѣйшее пресупленіе, неумѣренный въ чувственныхъ наслажденіяхъ, И. М. Р. I. 162). Нѣмцевичъ пишетъ о немъ не такъ (D. Z. III. 522—333). И. У. называетъ его первѣйшимъ защитникомъ благочестія (стр. 74). Отрывокъ изъ пѣсни о подвигахъ Сагайдачнаго (Зап. Спар. No 58 — 60) можетъ опчасти показати мнѣніе объ немъ Козаковъ и отношеніе, въ какомъ находился онъ къ нимъ. Вотъ переводъ этого отрывка.

— По горѣ жлецы жнутъ, а подъ горою, подъ зеленой горою, Козаки идутъ.

Впереди идетъ Дорошенко, и спрочно
ведетъ свое войско, свое Запорожское
войско. А въ среднѣхъ идетъ Пагъ Хо-
ружій: силенъ и крѣпокъ его конь, его
копь вороной. За нимъ идетъ Сагайдач-
ный: онъ промѣнялъ жену свою на та-
бакъ и трубку. — Воропись Сагайдач-
ный! Возьми свою жену, брось трубку
свою! — Недосугъ мнѣ вознѣся съ же-
ной, а трубка табаку пригодилась въ
пуши Козаку. Гей, кпо шамъ въ лѣсу,
озовись! Не горюй! Мы выкрешемъ огня.
Мы закуримъ трубки! —

Дорошенко, о которомъ упоминает-
ся въ сей пѣснѣ, есть Михайль Доро-
шенко, бывшій въ 1625 году Алпачаномъ
Кошевымъ. Въ то время къ которому
относится пѣсня, онъ былъ вѣроятно
еще Бунчужнымъ, который, по обычаю
Козацкому, съ бунчукомъ Гелманскимъ
всегда шелъ предъ войскомъ, сопровож-
даемый главной дружиной Козаковъ ре-

еспровыхъ. Припомнимъ опрывокъ изъ пѣсни, помѣщенный на 115 стр. Запор. Стар. No I: — Въ первомъ шаборѣ были всѣ рееспровые; во второмъ шаборѣ всѣ Хоружин; а въ третьемъ шаборѣ всѣ Курешные (вѣроятно, охоческомонные).

Максимовичъ шаче думаетъ о сей пѣснѣ, утверждая, что она опшосилса не къ Гепману Сагайдачному, а какому-то забубенному спутнику Дорошенка. (Телескопъ. 1834. No 6. 92. и Мал. Пѣсп. Москва. 1827. 214). Можетъ быть и правда; но доказательствъ? И почему же о спутникѣ Дорошенка народъ, сколько мнѣ извѣстно, не знаетъ ничего; какъ между тѣмъ Гепманъ Сагайдачный, упоминается и въ сказкахъ, хопя жилъ и прежде Дорошенка? Помня Дорошенка, народъ, конечно, помнить бы и его спутника, если сложили о немъ пѣсню.

Копляревскій говоритъ, что прозваніе Сагайдачныйъ происходитъ отъ слова Сагайдакъ — пуль, влагалище стрѣль. Иные думаютъ, что прозваніе Сагайдачнаго Конашевичъ получилъ отъ того, что имѣлъ земли по шляху Сагайдачному, или Сагайдаку, т. е. дорогѣ проложенной между солощачами. О шляхѣ Сагайдакъ есть пѣсня чумацкая. Вотъ опривокъ изъ нея, мнѣ извѣстный:

— Ой ѣхавъ ша чумакъ изъ волами,

Та по сѣль, ша по сѣль изъ волами.

Та ѣхавъ чумакъ, ша ѣхавъ чумакъ шѣмъ

довгимъ шляхомъ,

Тѣмъ довгимъ шляхомъ, шляхомъ Сагай-

дакомъ.

Ой и зуспрѣлисъ ёму Горбунѣвци:

— Де були, де блукали, паноцци?

— Ой блукали, чумаче, шѣмъ довгимъ

шляхомъ,

Тѣмъ довгимъ шляхомъ, шляхомъ Сагай-

дакомъ ;

Та ѣ блукали не одни, зъ Гешманскимъ

рапомъ

По надъ сагою, по надъ байракомъ ;
Та й привернули до Панського рога,
А у Панському розі, при бишій дорозі,
Паца Гордія слухали до ночі . .

— Другая пѣсня доспавлена мѣ И.
В. Росковщевымъ, которому обязанъ
искренней признательностью за богатый
вкладъ въ мою Украинскую скриню. —
Еще одна чумацкая пѣсня о Сагайдакѣ,
доспавленная мѣ И. Лисавицкимъ, начи-
нается такъ:

— Браще, браще чумаче, а де запо-
чуемо?

— Ой започуемо била Рябій могилы. —

Шляхомъ Сагайдакомъ чумака водили,

Та й у могилы похоронили.

Поховали его, покинули его.

Тая-жь Рябді могила зъ випромъ гово-
рила:

Та про Козака Сагайдака гомонила . . .

— Близъ мыса Кичкаса на лѣвой спо-
рогѣ Дибпра у самага берега естъ лѣсъ
для роца называемая Сагайдакомъ! — Не
подалеку ошь рѣки Самари въ Изюм-

скомъ узвѣдъ Хар. Губ. естъ могила на-
зываемая также Сагайдакомъ и мѣловая
гора съ пещерою того-же имени.

13.

*Походы Козаковъ противъ Татаръ
и Турокъ.*

Время Сагайдачнаго естъ время во-
енной славы Запорожцевъ. Не проходило
года, что-бы они не отправлялись или въ
Крымъ или въ Анаполию. Современникъ
сихъ событій Лубенскій говоритъ: —
hoc genus hominum parvis cymbis quarum
singulae non plures quadraginta milites ca-
piunt, per ostia Borysthenis egressum, Asiae
minoris Thraciaeque littora pervagatos esse
ac excursionem factâ urbes et oppida expilas-
se, ipsi Regiae urbi Constantinopolitani non
semel terrorem incussisse, quod et hiscè
annis aliquoties factum fuisse scimus; — и
еще: — saepe terrâ sed frequentius mari

rem gerere, furtivis excursionibus, potissimum iis in quorum confiniis versantur Christiani nominis hostibus graves molestosque esse. . .

Подробно о сихъ походахъ и набѣгахъ говоритъ Боплянъ.

— Козаки—говоритъ охъ—почти ежегодно на ладьяхъ своихъ разгуливаютъ по Черному морю для нанесенія ударовъ Туркамъ; неоднократно грабили они владѣнія Крымскаго Хана, опустошали Нашолю, разоряли Тренизонпъ, доплывали до Босфора и даже въ прехъ миляхъ охъ . Конспантинополя предавали все огню и мечу. Число Козаковъ, предпринимающихъ такію набѣги, не превышаетъ — 10,000 вошовъ. Задумавъ погулять на морѣ Козаки испрашиваютъ дозволеніе не у Короля, но у Гепмана. —

— Иногда не у Гепмана, а у Апамана; иногда выступали въ походъ и сами по своей прихоти, какъ шо очень часто, дѣлавали Гайдмаки. =

— Потомъ соспавляютъ Раду, и выбираютъ на время походнаго Алпamana.—

== Очень часто Козаки ходили въ походъ подъ начальствомъ самихъ Гешмановъ или Кошевыхъ Алпamanовъ. ==

— Послеъ сего они хорошо вооруженные отправляются въ числѣ 5 или 6000 въ Войсковую Скарбницу со снарядами и запасами, необходимыми для похода и для поспройки ладій; и, поспроивши оныя, обыкновенно послеъ Иванова дня отправляются въ походъ, возвращаясь не позже первыхъ чиселъ Августа мѣсяца.

== Морскіе походы Низовыхъ Козаковъ—говоритъ Шафонскій,—начинались съ ранней весны и оканчивались поздней осенью во время новой прибыли воды на Днѣпръ. ==

— Ладьи Козацкія спускаются по Днѣпру, и плывутъ такъ тѣсно, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами.—

== Не правда. Обыкновенная форма расположенія ладій у Козаковъ была—

гусемъ весли, — или журавлемъ шагши: гусемъ или гуськомъ ш. е. одна за другою рядомъ; журавлемъ ш. е. угломъ, шакъ что главная ладья соспавляла средину и передъ, и была обыкновенно снабжена пушками. =

— Аппаманскій флагъ развѣвается впереди. Турки обыкновенно заранѣе узнають о предпріятіи Козаковъ, и чтобы удержашъ ихъ, разспавляютъ галеры свои на успѣвъ Днѣпровскомъ. —

= Откуда могутъ Турки узнашъ о предпріятіяхъ Козацкихъ? Лубецскій именно говоритъ, что Козаки ходили на невѣрныхъ *furtivis excursionibus* (Сенс. Jul. Vel. 225). — Турки не одними галерами, нарочно для сего посылаемыми — по словамъ Боилана — удерживали Козаковъ отъ выхода въ Черное море, но имѣли на успѣвъ Днѣпра нѣсколько крѣпостей, снабженныхъ пушками, о чемъ упоминають многіе Лѣтописцы. =

— Хитрые Козаки для выхода въ море избирають ночь самую шемную,

предъ новолуніемъ, а до того времени скрывающа въ 3 или 4 миляхъ отъ устья Днѣпра, въ комъпахъ, куда галеры Турецкія, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться; отъ сперегущъ Козаковъ только на устьѣ, и всегда безъ успѣха. Впрочемъ провъздъ Козаковъ чрезъ Лиманъ не можетъ совершенно укрыться отъ спражи; вѣсь отъ выходъ ихъ въ море быспро распро-спраняется по морскому берегу до самаго Константинаполя. Султанъ разсылаетъ гонцевъ по берегамъ Наполиа, Булгаріи и Румелии для предосперереженія жишелей. Но все это ни къ чему не служитъ. Козаки, пользуясь и временемъ и обспояпельспвами, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходъ изъ Днѣпра причаливаютъ къ берегамъ Наполиа, и, оставивъ для караула на каждой ладѣ по два поварница и по два мальчика, вооруженные пицалами дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приспупомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опуска-

шають [Наполию, не рѣдко на цѣлую милю
отъ морскаго берега; пошомъ немедленно
возвращаются къ судамъ, нагружаютъ
ихъ добычею, и плывутъ далѣе на новыя
поиски.]

— Очень хорошо; но что же такое
былъ Султанъ? Онъ галерами удержи-
валъ Козаковъ отъ выхода въ море, а не
посылалъ галеръ къ Козацкимъ судамъ,
когда онѣ оставались подъ надзоромъ и
охраненіемъ шотцаго караула; онъ увѣ-
домлялъ своихъ подданныхъ о нападені-
яхъ Козаковъ, слѣдственно зналъ и родъ
сихъ нападеній, и слѣдствія оныхъ, слѣд-
ственно жальлъ своихъ подданныхъ, а
не думалъ объ опраженіи Козаковъ вой-
сками, и предоспалялъ имъ свободу гра-
бить горда. . . Онъ, Султанъ, спраш-
ный Польшѣ и Германіи! — Что либудъ
да не такъ! =

— Если есть надежда на успѣхъ, то
вновь дѣлають высадку; если нѣтъ, воз-
вращаются съ добычею на родину. Если
попадутся имъ на встрѣчу на морѣ Ту-

рецькія галеры или купеческіе корабли, они бросаюцца на нихъ въ абордажъ. Замѣчаютъ-же они корабль непріятельскій или галеру прежде, нежели Турки замѣпятъ ихъ ладьи, возвышающіяся надъ морскою поверхностью не болѣе $2\frac{1}{2}$ футовъ. Увидѣвъ вдаль корабль, Козаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра, и спашо-вляюцца такимъ образомъ, что-бы къ вечеру солнце было у нихъ за спиною. За часъ до захода солнца они плывутъ на всѣхъ веслахъ къ кораблю и останавливаются на милю отъ него, что-бы не упустить непріятели изъ виду. На конецъ въ полдень по данному знаку устремляются на врага: половина удалцевъ, готовыхъ къ бою, съ неперигнѣемъ ждутъ абордажа; и, сѣпвшись съ Турецкимъ судномъ, въ одинъ мигъ всходятъ на оное. Турки уступаютъ; а Козаки, забравъ деньги, негромоздкіе повары, которыми не вредитъ подмочка, пушки и все що, что можетъ быть для нихъ

полезно, пускають корабль на дно со
всѣмъ его экипажемъ. —

== Иногда и сожигали: подобныхъ слу-
чаевъ Львипописцы рассказываютъ много. ==

— Козаки тогда только прешерпыва-
ють поражение, когда сойдутся съ Ту-
рецкими галерами среди бѣлаго дня;
иногда пушечные выстрѣлы губятъ ихъ
ладьи въ морской безднѣ, и Козаки и-
щутъ спасенія въ бѣгствѣ. Если же
рѣшаются на битву, то, привязавши
весла по мѣстамъ, одни изъ нихъ, не
прогавсь съ лавокъ, спрѣляютъ непре-
рывно изъ самопаловъ, а другіе заряжа-
ють ихъ и подаютъ поварницамъ; и та-
кимъ образомъ мѣлкіе выстрѣлы ихъ
не допускають Турокъ до ручной схват-
ки. —

== Но развѣ Козаки боялись ручной
схватки съ Турками? Кажется, для нихъ
были страшнѣе ихъ пушки. Козаки бы-
ли лихіе борцы, и мѣлко спрѣляли изъ
пищалей, и ловко рубились на сабляхъ. ==

— Впрочемъ уронъ соспорооны Козаковъ бываешъ всегда великъ: рѣдко уцѣлѣешъ изъ ихъ дружины и половина. —

— Сказаніе чрезвычайно важное. Если такъ великъ былъ ихъ уронъ всегда, ш. е. по нѣскольку разъ ежегодно, по чѣмъ пополнялась убыль дружины? Вся Украина со всѣмъ народонаселеніемъ своимъ могла-бы скоро превратиться въ пущыню; если-же Украина не только не пущыла, но заселялась все болѣе, по, върояшю, были побѣги изъ спрахъ чуждыхъ въ Кошъ Запорожскій, и побѣги огромными полками. Но было-ли это? Вліяніе чужеземцевъ и повѣрцевъ на нравы и обычаи Козаковъ было-бы въ такомъ случаѣ такъ сильно, что въ продолженіе прехъ вѣковъ Козаки совершенно потеряли-бы свою народность; и между тѣмъ Козаки XVIII вѣка не разнились почти ничѣмъ отъ своихъ предковъ вѣка XVI. Даже самый языкъ — не говоря уже о вѣрѣ — измѣнился очень мало. — Спало бышь: —

— Наконецъ насъшаетъ время возвра-
та на родшу. Турки между шѣвъ уси-
ливаютъ сиражу на успѣхъ Дибров-
скомъ; но Козаки смѣются надъ эшимъ
даже и тогда когда бипвы съ неприяте-
лемъ уменьшили число ихъ, или волны
морскія поглотивши ибкопорые изъ уп-
лыхъ ихъ ладій. Они причаливаютъ въ
заливѣ въ 3 или 4 миляхъ отъ Очакова
на воспокъ. Отъ сего залива къ Дибр-
ру идетъ низкая лоциша дншою около
3 миль, копорую море иногда заливаетъ
на $\frac{1}{4}$ мили, покрывая ее водою не болѣе
какъ на $\frac{1}{2}$ фута (луга). Черезъ сию ло-
цину Козаки перепаскиваютъ свои су-
да: надъ каждымъ челномъ трудится
200 — 300 человекъ (! ?), и чрезъ 2 — 3
дня весь флотъ, обремененный добычею,
является на Дибръ. Такимъ образомъ
Козаки избѣгаютъ сраженія съ Турец-
кими галерами, сполцими на успѣхъ
Дибровскомъ близъ Очакова, возвраща-
ющаюся въ Войсковую Скарбицу, и дѣ-
лятъ шамъ добычу. — Есть и другая до-

рога для возвращенія въ Запорожье — чрезъ проливъ, разделяющій Тамань отъ Керчи, по Донскому Лиману и рѣкѣ Мису. Проплывши по сей рѣкѣ вверхъ противу теченія покуда можно, Козаки переходящъ волокомъ на Товча-воду, и плывущъ по ней въ рѣку Самарь, и потомъ Самарью, вливающуюся въ Днѣпръ, выше Кайдака; впрочемъ Козаки рѣдко избирающъ путь сей по отдаленности его отъ Запорожья. Иногда они избирающъ его и для проѣзда въ Черное море на устьѣ Днѣпровскомъ. —

— Сухимъ путемъ Козаки ходили по такъ называемому спарому Крымскому шляху, Серпяжскому шляху, Сагайдаку, шляху Вершиводу и пр. Спарый Крымскій шляхъ или Моравская дорога по различнымъ мѣстамъ имѣла различныя названія; часть его отъ рѣки Самари къ Осокоровкѣ называлась Серпяжскимъ шляхомъ; другая часть проходившая въ Молдавію называлась Сагайдакомъ; доро-

га по берегу Днѣпра около пороговъ называлась шляхомъ Верштодомъ: эпо-же имя послѣ и водный путь по Днѣпру отъ Монастырка (острова) до Кичкаса. Сими дорогами они доходили до Крымскихъ и Буджацкихъ Тапаръ. Въ Турцію они проходили иногда чрезъ Буджацкія земли, иногда и чрезъ горы Кавказскія есмь вѣрнѣ Кониескому. — Въ подобныхъ походахъ они всегда располагались таборами. — (*Извлеченіе изъ Укр. Восп.*)

14.

Пѣснь о Савѣ Чаломъ въ переводѣ.

Сава Чалый — одинъ изъ любимцевъ памяти народной: бацурнисты поютъ о немъ много пѣсень — очень любопытныхъ; въ нихъ описана вся жизнь его довольно подробно. Важнѣйшая изъ сихъ пѣсень естъ та которая помѣщена въ

(122)

№ I. Зап. Спар. 60 — 83. Въ другой, изъ коей у меня находится только оц-рывокъ, упоминается, что Чалый бился съ Сагайдачнымъ и какимъ-то Юрой. Надѣюсь получить сію пѣсню въ полномъ спискѣ, и тогда напечатаю въ Дополне-ніяхъ къ I части Запор. Спар.

По всѣмъ вѣроятностямъ судя, Са-ва Чалый былъ предводителемъ нѣко-торой части Козаковъ, передавшихся на сторону Польши, и имѣвшихъ сво-ихъ собственныхъ Гетмановъ, каковы были: Головченко, Голубь, Кушка и Бо-родавка. О сихъ послѣднихъ говоритъ Колясскій, и, судя по сравненію его ска-заний съ другими лѣтописцами, довольно вѣрно. Воишь его слова: — Поляки въ опроверженіе Гетманства Сагайдачнаго, а больше что бы сѣять вражду и меж-доусобіе въ войскахъ Малороссійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ пол-ками Гетманомъ изъ Соппиковъ Демья-на Кушку, а онъ вздумалъ прославиться военными подвигами, и заслужить общее

пѣвъ уваженію отправился съ войсками въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ Христіанъ, тамошними Татарами на границахъ Подоліи забранныхъ, но приближась къ городу Акерману былъ атакованъ Турками и Татарами и взятъ въ плѣтъ и непробленъ. На мѣсто Кушкн Поляки выбрали Гетманомъ Спаршпу Козацкаго Бородавку; но Сагайдачный поймавъ его развѣзжающаго по Малороссіи для возмущеній, продалъ его суду, который осудивъ его яко самозванца и возмущителя народнаго на смерть, велѣлъ распрѣлать предъ войскомъ; такъ и сдѣлали. — Вѣроятно сему Бородавкѣ наследовалъ Сава Чалый, ибо въ С. З. XII. сказано, что въ тое время возсталъ еще нѣкій Сава Голованъ съ войскомъ Малороссійскимъ и Польскимъ супротивъ Сагайдачнаго. Чалый могъ называться по какому нибудь случаю и Голованомъ. Припомъ легко можетъ быть, что Сава Чалый есть тоже самое лице, которое Спобельскій

называется Головченкомъ. Между тѣмъ
вопть что говоритъ пѣснь о Савѣ Ча-
ломъ:

Жилъ былъ въ Стѣн старикъ Ко-
закъ и назывался Чалымъ. Онъ воспи-
талъ сына Саву на славу Козакамъ. Но
Пацъ Сава не захопѣлъ служить Коза-
камъ, а пошелъ къ Полякамъ межъ ними
добывать себѣ славы. Пошелъ онъ слу-
жить въ службѣ Польской и разорялъ
вмѣстѣ съ ними церковь Православную.
И былъ себѣ Сава и тѣлъ только
сало да палинцы (булки); и не любилъ
онъ юныхъ дѣвицъ, любилъ однихъ мо-
лодицъ; не любилъ онъ и Пацовъ Ко-
закъ, любилъ однихъ Капалковъ. Са-
ва погубилъ, Сава продалъ на всегда
свою вѣру. — Тогда собирались Запорож-
цы, сходились на Раду, разсуждали о по-
ходахъ. Они всѣ пришли, всѣ пришли;
одного только нѣтъ. — За чѣмъ-же не
пришелъ ты на Раду отецъ Чалый? —

За чѣмъ-же идти мнѣ, Паны Козаки, на Раду; если вы хотише погубише на вѣки моего сына Сава! Хотѣ оу и приспалъ къ Капюлкамъ, — но для чего ты возгордился предъ нами? — Возгордился-ли Сава или пѣлъ — говоришь Козаки; но слава его стала недобрая, горькая слава: Панъ Сава не только разорелъ церковь Православную, оу сдружился съ черпями и сталъ колдуномъ. — Тогда обозвался Гольный, и говоритъ: — я хорошо знаю Папа Сава; я захвачу его. — И разошлись Козаки съ Рады, и сѣдлами коней, и выступали въ походъ. А между пѣль Сава пѣетъ на пиру у Поляковъ въ городѣ Немировѣ, и не думаетъ и не знаетъ о горькой бѣдѣ своей. И пѣетъ Сава, и веселится, и корчитъ себя Полякомъ; а къ нему къ Савѣ прѣзжасетъ гонецъ. — За чѣмъ ты, Оома? ... Все ли благополучно у насъ? — Протопшали, Панъ, дорожку, ко двору пвоему; но все хорошо, все благополучно: только Гайдомаки часно выглядываютъ изъ-за го-

ры. — Вошь бѣда! Выглядываютъ! Не мнѣ ихъ бояться! Развѣ итъ у меня войска. И не опоздаю. Подведи-же мнѣ, молодець Оома, своего вороного коня; а самъ оѣдай, самъ приготовь для себя гнѣдаго спарика. — И поѣхалъ Сава изъ Немирова на ворономъ конѣ; а прѣхавши, началъ думать о судьбѣ своей. — Доля ты моя, доля — говоритъ Сава — щербаная доля! — И спрашиваетъ онъ слугу своего: — Все ли благополучно у насъ? — Все хорошо, все хорошо, Панъ Сава; еще лучше съ побою, когда увидимъ тебя на ворономъ конѣ. Все хорошо, все хорошо, Панъ Сава; только часно Козаки выглядываютъ изъ за горы. — И сѣлъ Сава въ конѣ споло, и пишетъ письма; а его молодая жена качаетъ дитя. Сава пишетъ письма; Сава думаетъ думу, — и вошь онъ Сава, Панъ Сава замышляетъ дѣло. — Сходи ты, молодець, въ подвалъ, и прinesi вина: выпьемъ чару за здравье жены. Сходи ты, молодець, въ подвалъ, и прinesi шива:

выпьёмъ чару за здравье сына. Сходи ты, молодець, въ подвалъ, и принеси меду. . . Мнѣ у грустно и пошно, . . головы не сдержу. — Сидишь Сава въ концѣ стола, и читаешь письма, а молодая жена его думаетъ и задумывается. Сидишь Сава въ концѣ стола и зоветъ къ себѣ молодца; а молодая жена его плачетъ и рыдаетъ. Не успѣлъ молодець снятъ ключей со стѣны; Игнапъ Голый спалъ съ дружиной воропы ломать. Папъ Сава выглядывалъ въ окно, а Гайдомаки бродятъ уже по сѣнямъ. — Здравствуй, здравствуй Папъ Сава! Какъ поживаешь; издалека къ небѣ госппи пришли, чѣмъ-по угоспишь ихъ: медомъ-ли пивомъ-ли или виномъ. И прощайся ты съ сыномъ, съ женой! — Чѣмъ же угоспишь мнѣ васъ? . . Даровалъ мнѣ Господь Богъ сына, — окрестите его. — Не за тѣмъ мы пришли къ тебѣ чинобы крестить у тебя; мы пришли разчитаться съ тобой. Веди-же насъ, Папъ Сава, въ новый амбаръ; и опдай намъ,

Панъ Сава Козацкую сбрую; ошдай намъ сукна и шелковыя ткани, кошоры ты нажилъ, вражій сынъ, по милоспи Козаковъ. Не за пѣмъ мы пришли къ тебѣ чпобъ крестити у тебѣ; мы пришли снѣпъ голову съ тебѣ. Если ты хонтѣль выбирашь себѣ кумовевъ изъ Запорожцевъ, то не должецъ былъ-бы разорять церквей. — И кибулся Панъ Сава къ ясной сбруѣ своей; но Гайдомаки подняли его вверхъ на трехъ копѣлхъ. И Сава вершился, увершывается, и прощаетса съ женою своей. — Позвольте мнѣ, Гайдомаки, съ женою проститиса, позвольте мнѣ съ силою обратиса. И не успѣлъ Панъ Сава вспрыгнуть на коня, его заковали въ оковы и спали класити на шелегу. — Паны Запорожны, ужели вамъ слава, что у васъ лежиць Сава заливый въ оковы? Если-бъ вы освободили меня изъ оковъ, то приобрѣли бы себѣ болѣе славы. Вы приобрѣли-бы себѣ болѣе славы, если-бъ по-волѣ пришли меня въ дружину свою. И Сава верши-

ся, увертывается, и прощается съ женою своею; и кланяется Пахамъ Козакамъ на всѣ чепыре споропы. И дали Савъ свободу, и выступили въ походъ, — и благодарили богатыря Саву. Не успѣлъ Пахъ Сава испрахнушь коня своего, и началъ Поляковъ, и началъ Поляковъ класпъ какъ снопы. Не успѣлъ Пахъ Сава сѣсть на коня, — было Поляковъ сорокъ тысячъ — осталось двѣсти. И какъ глянепъ Пахъ Сава на правую руку: — Выпоси-жъ меня, конь мой, изъ подъ Польскихъ пруповъ. — И какъ глянепъ Пахъ Сава на правое плечо: — Передъ нимъ и за нимъ шекушь рѣки крови. —

15.

Сказаніа о смерти Сагайдачнаго.

Большая часть лѣтописцевъ говорятъ, что Сагайдачный раненъ въ бницъ.

(150)

въ Хошицкой, и умеръ отъ раны. Одишь только Рогачевскій заспавляеть его умеръшь на поляхъ Хошицкихъ. Нькопорые, въ числѣ конхъ и Конисскій, не говорятъ и о ранахъ. Конисскій прибавляеть, что Сагайдачнй при концѣ жизни своей, перучилъ дѣла военныя Наказному Гепману своему Пепру Жицкому, — и, поживши въ полной славѣ великаго и важнаго Гепмана Малороссійскаго болѣе 23 лѣтъ, скончался въ 1622 году. . . Шные утверждаютъ, что онъ предъ смертію посиргя въ шюки.

О сѣдой бородѣ Сагайдачнаго естѣ преданіе народное; но оно здѣсь не къ дѣлу.

16.

Сказанія о Кунцевигъ.

Иосафатъ Кунцевичъ, Архіепископъ Полоцкій, велѣи Roza (К. Р. 1. 92.) при-

(151)

крывалъ свой свирѣлый нравъ видимымъ смиреніемъ и свлпосіпью, послалъ грубую власшцу а во время липургіи ип-лиспый желѣзый полсъ, и каждый день бичевался (С. У. 123.). Онъ родился во Владиміръ и былъ сынъ сапожника, а потомъ добылъ себѣ званіе Шляхтича; какъ сказано въ рѣчи Лавренція Древнѣскаго Допутапа и Чашника земли Вольшской, на Сеймѣ 1620 года, въ присутствіи Сигизмунда III (И. У. 72.). Характеръ и поступки Кунцевича превосходно предсавлены въ письмѣ къ нему Канцлера Липовскаго Льва Сапѣги. Переводъ сего письма см. въ Рос. Магаз. III. 474 и ир. а сокращенно въ И. У. 75 и слѣд. — Архіепископъ Меленій Смошрицкій, одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Православія, будучи избранъ Патріархомъ Θεотаномъ на Епархію Полоцкую, пріѣхалъ въ Вышебскъ, и, сжался надъ жипелами его, конхъ утѣпалъ Иосафанъ, подалъ имъ совѣтъ умеривши его. Совѣтъ прішлать, и Иоса-

Фапъ въ 1623 году былъ умерщвленъ ; а Уніапы, почитая его за мученика, причислили къ лику Святыхъ Римской церкви, вмѣсто мощей спали показывавшъ его восковую спалную, и еще слышѣе начали угнѣпашъ Православныхъ (И. У. 84. 85). Зачинщики заговора пропивъ Кушцевича были преданы казни.

Сравни D. Z. VIII. 312.

17.

Дума о Безродномъ въ переводѣ.

— Съ Печаемъ погибли и многіе подвижники его: Горленко, Спосура, Оома Безродный. . . . С. 3.

Сей Безродный, коего переписчики по ошибкѣ переименовали Оомою, еспѣ, конечно, Оедоръ Безродный, о коемъ говоритъ Дума, помѣщенная въ Зап. Стар. Но I. стр. 91—94; по крайней мѣрѣ ни одного Аламана такого прозванія, кромѣ сего

Федора или Фомы, — сколько имъ извѣ-
стно, — не было у Запорожцевъ до сама-
го разоренія Сѣчи.

— По надъ Сагой Днѣпровской моло-
дой Козакъ обѣдаеть, и недумаетъ опъ,
и не гадаеть, что на него молодѣго, и
на его юнаго Чуру, наспигаетъ бѣда.

То не луговныя вербы загумѣли, по
палестѣли безбожныя Гапары Ушкалы,
и саблями и выспрѣлами ранили Федора
Безроднаго, Апамана Куреннаго; не пой-
мали только юнаго Чуры. Тогда Чура
идеть къ Козаку, промываетъ глубокія
раны его; и Козакъ говоритъ ему: —
Чура мой Чура, мой вѣрный слуга! Иди
ты степью по надъ Днѣпромъ; и при-
слушайся: гуси-ль то кричатъ, иль по
лебеди ячатъ, иль по Ушкалы гудятъ,
иль по Козаки Днѣпромъ идутъ? Если
по гуси кричатъ или лебеди ячатъ, раз-
гони ихъ; если-жъ Ушкалы гудятъ, укрой
мешъ; если-жъ по Козаки идутъ, скажи

имъ: пусть они причалить челны свои къ берегу, и [навѣспялтъ меня Козака Ѳедора Безроднаго. — Тогда Чура пошелъ бродить по берегу, и увидалъ Козаковъ, и махнулъ ихъ шапкой своей, и молвилъ имъ: — Пань молодцы, будьте добры, причальте къ берегу челны свои, поспѣшите къ Курепному Апаману. — И услышали Козаки рѣчи сїи, и причалили къ берегу, и пришли къ Апаману. Тогда Козакъ хвалилтъ Чуру, говорилтъ такія слова:—Чура мой, Чура, вѣрный мой слуга! Будь вѣренъ чеспи, и будуптъ тебя Козаки уважать. — Такъ говорилъ олъ, и просилъ у всѣхъ прощеніе, и отдалъ душу милосердному Богу. Тогда Козаки копали саблями могилу, шапками и приполами выбрасывали землю, хорошили Ѳедора Безроднаго, и стрѣляли изъ семнадцатыхъ пицалей, и жалобно играли въ трубы. И твердо вѣрила душа Козацкая, что не умретъ безъ Войска Козацкаго. —

Чура — молодой слуга, какихъ имѣть при себѣ всякій Козакъ иногда по два и болѣе. О пѣкоторыхъ изъ Чуръ упоминается и въ Лѣтописяхъ. Писецкій (р. 477) упоминаетъ о Цюрахъ, коихъ количество при войскѣ часпо въ пять превышало разъ самое войско.

Называли *Ушкалами* Запорожцы отрасль Буджаковъ, славившихся храбростью. — Буджацкіе Ушкалы или Гушкалы. — Венгерскіе Гушкалы. —

— Не сходны-ль они съ *ушкунниками* нашими, получившими названіе отъ легкаго судна, на коемъ плавали? И. Сп.

18.

Привилегіи, данныя Сигизмундомъ III Грекороссіянамъ.

Въ 1589 на Сеймѣ Варшавскомъ Сигизмундъ III далъ привилегію духовен-

(136)

снву Грекороссійскому сохраняя въ
ихъ чины въ силѣ, власни, чести и до-
стоинствѣ на равнѣ съ духовенствомъ
Католическимъ.

Въ 1697 года Конспинуціи: — успо-
коивая вѣру Греческую, предостерега-
емъ, что чиновъ и мѣстностей духов-
ныхъ инако раздавать не будемъ, какъ
только сообразуясь учрежденію оныхъ и
древнему обычаю предковъ нашихъ, отъ
коихъ онѣ имъ даны п. е. людямъ Шля-
хенскимъ народа Русскаго и прямо вѣ-
ры Греческой, и не дѣлая имъ предосуж-
денія въ совѣсти ихъ по законамъ, и
свободнаго управленія службы ихъ, по
древнимъ ихъ обрядамъ. —

Въ 1609 году издава Конспинуція, гро-
зившая судомъ и кѣней наказывать оби-
дящихъ, и обѣщавшая осповательствѣ
успокоить всѣ ссоры между Уніатами
и Неуниатами на будущемъ вскорѣ Сеймѣ.

Въ 1618 году подтвержена свобода
Вогослуженія Грекороссіянамъ, а совер-

шешное успокоеніе вѣры Греческой оспавлено опять до слѣдующаго Сейма.

На Сеймѣ 1620 подпверждеда Конспитуція 1607 года опноспительно Духовенства Грекороссійскаго.

Въ 1623 году выдана Конспитуція въ удостовѣреніе спокойствія Уніаповъ и Неуниповъ; а рѣшеніе дѣла опноспительно Уніаповъ и Неуниповъ снова опложено до будущаго Сейма.

Въ 1627 году выпала Конспитуція съ подобныгъ обѣтомъ.

Также сдѣлашо и на Сеймѣ 1631 года (И. У. 65 — 88).

19.

Сказаніе Боплана о Койдакѣ.

— На Койдакѣ въ Іюль 1635 года — говоритъ Бопланъ — былъ заложенъ мною замокъ; но послѣ моего опѣвзда въ Ав-

гуситъ мѣсяцъ гвѣкто Сулима (Soliman), предводившея мнѣжныхъ Козаковъ, возвращался съ моря и вида, что замокъ преграждаетъ ему путь, попалъ на оный врасплохъ, и изрубилъ 200-иный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ Полковника Маріона, родомъ Француза. —

— Въ С. Г. З. сказано, будто Койдакомъ въ то время начальствовалъ какой-то Тмишскій. —

— Взавъ и разграбивъ сію крѣпость, Сулима возвратился въ Вапорожье; но Козаки не долго владѣли тогда Койдакомъ: по распоряженію великаго Конецпольскаго, они были осаждены вѣрными Козаками и взяты въ плѣтъ. Сулима со всеми единомышленниками пойманъ былъ уже въ послѣдствіи и четвертованъ въ Варшавѣ. —

— Конискій говоритъ, что всѣмъ старшинамъ опрублены головы, и опослаши въ города Малороссійскіе. —

— Впрочемъ Поляки оставили безъ вниманія Койдацкую крѣпость, и тѣмъ развязали руки дерзкимъ Козакамъ, кои забунповались въ 1637 году. 16 Декабря около полудня, мы встрѣпили 18,000 войско ихъ, споявшее въ шайборѣ при Кумейкахъ. Хотя опредѣ нашъ имѣлъ не болѣе 4000, однако-жь мы не замедлили напасть на Козаковъ и разбили ихъ. Сраженіе продолжалось до полуночи: около 6000 Козаковъ легло на мѣстѣ, а прочіе, оставивъ намъ 5 пушекъ и поле битвы, спаслись подъ защипною мрачною ночи. Мы потеряли 100 ч. убитыхъ и 1000 раненныхъ, въ числѣ убитыхъ находились: Подполковникъ Морвилъ, его Прапорщикъ, Капитанъ Юскескій, Поручикъ Лакропадъ и многіе другіе иностранцы. Война продолжалась до Октябрия слѣдующаго года. По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4000 воиновъ отправился на Койдакъ, и оставался тамъ до поговремени, пока крѣпость не была приве-

дена въ оборонительное положеніе, ш. в.
около мѣсяца.

20.

*Повѣсть Конисскаго объ убіеніи
Острилицы и его товарищѣй.*

— Поляки свѣдавши чрезъ шпионовъ своихъ Жидовъ о поѣздкѣ Гепмана Острилицы съ штабомъ своимъ безъ нарочитой справки въ Кацовъ, шугъ въ монастырь его окружили многолюдною полною войскою своихъ, пришедшихъ по почамъ и байраками до самаго монастыря, который споялъ вѣтъ города. Гепманъ узналъ о семъ предапельснвѣ, когда городъ и монастырь войскомъ Польскимъ были уже окружены, и поному сдался имъ безъ сопротивленія, и они перевязавъ весь штабъ Гепманскій и его самаго, а всего 37 человекъ положили ихъ на простыя мѣльги, а монастырь

(141)

и церкви тамошня разграбивъ до по-
стада, зажгли ихъ со всѣхъ сторонъ и са-
ми съ узниками скоропоспешно убра-
лись, и пришли въ Польшу скрытыми
дорогами, боясь погони и падешия огнь
городовъ. Приближался къ Варшавѣ по-
спроили узниковъ своихъ въ два ряда пѣ-
шихъ связанныхъ по два и каждому изъ
нихъ накунули веревку на шею съ пен-
лею, за которую ведены были они кон-
ницею по городу съ приумомъ и бара-
башнымъ боемъ, проповѣдуя, что сѣ
схизматички пойманы на сраженіи надъ
ними одержанномъ; а потомъ окованы и
заперты въ подземныя тюрьмы. Жены
многихъ захваченныхъ въ неволю чшов-
никовъ забравши съ собою малолѣтнихъ
дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву,
надѣясь умолюспивши и подкупивъ на
жалость здѣшность тамошнюю прога-
пельнымъ предпапельспивомъ дѣтей за
ихъ ошцевъ. Но они снмъ ницу крово-
жадныхъ пиратовъ умолили, и ошнюдъ
ничего не помогли. — Чшовники сѣ по

нѣсколькихъ длянъ своего започенія по-
влючены на казнь. Зрѣлище сіе открыва-
ла процессія Римская со множествомъ
Ксеназовъ ихъ, кои уговаривали Малорос-
сіянъ, чпобы они приняли законъ ихъ;
но сіи ничего не отвѣчая, молились по
своей вѣрѣ. Гепманъ Осиплища, Обоз-
ный Сурмило и Полковники: Недригай-
ло, Боюкъ (Павлюкъ) и Рышдычь были
колесованы. Полковники: Гойдаровскій,
Супримъ, Заналий, и Полковые Обозные:
Кизимъ и Сучевскій пробины железны-
ми насквозь и подяпы живыю на сваи.
Асаулы Полковые: Постылицъ, Гаруль,
Супыга, Подобай, Харкевичъ, Чудагъ и
Чурай, — и Солпики: Чуприца, Окуло-
вичъ, Сокальскій, Мировичъ и Врож-
багъ пробины гвоздми сполчю къ до-
скамъ облипымъ смолою и сожжены
медленнымъ огнемъ. Хоружіе: Могилы-
скій, Загреба, Скребило, Ахтырка, По-
пурай, Бурлій, и Заглибида расперзаны
железными копьями похожими на мед-
вѣжью лалу. Спаршны: Мешелай и Ту-

гай четвертованы. Женъ и дѣти спра-
дальцевъ вопили. Желамъ обрѣзавши гру-
ди перерубили ихъ до одной, а сосцами
ихъ били мужей ихъ, бывшихъ еще жи-
выми, по лицамъ ихъ; оснавшихся по
манеряхъ дѣшею пережгли всѣхъ въ ни-
ду опцевъ на железныхъ рѣшенкахъ,
подъ кон подкладываемы были уголья и
раздуваемы напками. Главные члены че-
ловѣческіе, опрубленные у чиновниковъ
развезены по всей Малороссіи и развѣ-
шены на сваяхъ. Развѣзавшія припомъ
Польскія войска дѣлали все что хотѣли,
безчиства, насилія, грабежи и пирани-
ства, нѣсколько разъ повторяли Вар-
шавскій шуръ. Наконецъ ограбивъ все
церкви отдавали на аренду Жидамъ, а
упварь церковную распродали, и прои-
ли Жидамъ, кон подѣлали себѣ изъ се-
ребра Св. упварей посуду и убранства,
а ризы и спихари перешли на платье
своимъ женамъ и дочерямъ. —

— ! ? ! ? —

Подобныя описанія занимають большую часть сказаній И. Р. споль любезной многимъ изъ нашихъ Крѣпиковъ. И какъ не вѣрнѣе имъ? . . . Онѣ пакъ занимающельны! —

21.

Надеробная пѣснь Чураю въ переводѣ.

Асауль Чурай по словамъ Кошискаго прибить гвоздьми къ доскѣ облившей смолою, и сожжетъ медленнымъ огнемъ, или, что всего справедливѣе, казнетъ. Подлинную пѣснь на смерть Чурая см. Зап. Спар. No I. 74 — 76. Вотъ переводъ оной.

— Орель, сизый орель, молодой Чурай! Тебя умертвили Поляки въ своей
Часть I. (145) 13

земль. Тебя умортивши Поляки съ твоимъ Гепманомъ, съ твоимъ Гепманомъ Папомъ Стефаномъ (Острилицей). Орелъ, сизый орелъ! У тебѣ есть еще братья орлы! И старые и молодые, — ты знаешь ихъ — и старые и молодые всѣ они въ пекла, и всѣ поклялись опомститься за тебѣ! И старые и молодые, всѣ удалые; ихъ вороные копи быстры, проворны; они быстры, проворны, и летаютъ какъ орлы, и какъ тучи нападаютъ на города Польскіе. Ихъ булатныя копья съ длинными накопечниками, и всѣ остры какъ иглы, и во всѣхъ долги клюги. У нихъ и сабли булатныя о двухъ лезвяхъ; и пѣ сабли вѣчно осыпаютъ Ляховъ злою судьбиной.

Клюги. Я не понимаю значенія этого слова и оставляю безъ перевода.

*Дума о Полтора-Кожухъ въ пе-
реходъ.*

— Козаки вышли на чепыре поля, на чепыре поля а на пятое на Подолье. Однимъ полемъ пошелъ Самко Мушкетъ, а за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые Козаки Запорожцы. Они гарцююшъ на коняхъ, блестяшъ саблями, бьютъ въ бубны, моляшся и крестяшся Богу. Не гарцюетъ на конь своемъ одинъ Самко Мушкетъ; онъ придерживаетъ коня своего, — и думаетъ и гадаетъ; и чпо-бы спо чертой разбили бѣдой его думу, его гадать! Самко Мушкетъ думаетъ, и говоритъ такія рѣчи: — Чпо будетъ, когда Поляки какъ въ аду сожгутъ наше Козачество, и сварятъ себѣ на похмѣлье ясывы изъ нашихъ Козацкихъ молодецкихъ косей! Чпо будетъ, когда наши

молодецкія Козацкія головы лягушъ на
паль снопомъ, и обагрѣлся кровью
родной, и покроешя щепами сабель
своихъ. Какъ порохъ изъ дула пропадеши
погда слава Козацкаа; а не наша-ль слава,
по всему свѣту дыбомъ спала, по всему
свѣту сепенью лягла, по всему свѣту
луговымъ шумомъ зашумѣла, и Туркамъ
и Татпарамъ дала себя знашь и добромъ
и зломъ, а врагамъ Ляхамъ ошдалась на
копѣ.

Лешя постени, заграешъ воронъ;
скача по степи заплачешъ кукушка; за-
каркаешъ сизый кречешъ; головою поник-
нешъ быспрый орелъ; — всѣ о брапьяхъ
своихъ, о буйныхъ шоварищахъ своихъ
Козакахъ.

Или замоя ихъ мяпель; или попо-
нули они въ Пекѣ, чпо невидно хохловъ
ни въ степяхъ, ни въ лугахъ, ни въ Та-
тарскихъ земляхъ, ни въ Турецкихъ го-
рахъ, ни на Черныхъ моряхъ, ни на Ал-
пскихъ поляхъ. Загруешъ воронъ, за-
груешъ, зашумишъ, — и полетишъ въ чу-

жую землю. И чтожь? Лежаць кости, порчаць сабли: хрусплять кости, звемлять щопы сабельныя; а черно-сырая со-рока кричить и прыгають. Головы Козацкія, — то будно сапожники Сомель кожу попереять (!); а ихъ хохлы — слово черсть изъ ихъ жгупы наплель: такъ занеклася кровь на нихъ. — Вошь какой славы они добыли себѣ! —

Пошли Козаки на чепыре пупя, на чепыре пупя а пятымъ Подольемъ. Однимъ полемъ пошелъ Самко Мушкетъ, а другимъ полемъ полель Стефанъ Кукуруза: онъ пошкнеть своей буйшой головой словно голубка. За нимъ идуць не много не при тысячи храбрыхъ поварицей Запорожцевъ. Они гарцюють на копяхъ, блестяць саблями, играють въ бубны, и молятья и крестяцца Господу Богу, и такъ моляць Стефану Кукурузѣ:

— Живь-ли, здоровь-ли, Папъ Стефанъ? Или ты умерь, чпо твоя голова къ долу пошкля, словно дубомъ приши-

бло ее? Не въ память дума швол. При-
депть-же время, что и по насъ будущъ
шворить паша-нды: за нами будущъ
спарыи бабы въ полъ свистѣть; а за
тобою спануть слезы липъ юные дѣ-
вицы. Но то все едино, чпо хлѣбъ, чпо
мякша. Волпъ какъ прпспаешъ къ пыто-
му яру, шо загуднпъ, зашумнпъ хоть и
середь лѣша не-дай-Богъ-бурл. Бѣда бу-
депть и намъ, какъ вѣщала кукушка, ска-
ча по степи, лепя лугомъ. Чпо ковала
опа, шо говорила правду. И палепятъ
быстрые орлы, и спануть шсковат!;
и палепятъ вороны, спануть ждашь себѣ
добычи. И какъ палепятъ кукушки — шо
насъ не забудуть. Иное Жидъ, шное
черпъ, шное Запорожскій Козакъ. — И по-
шли Козаки чепырьма пушми, чепырьма
пупми, а пятымъ Подольемъ. Однимъ по-
лемъ пошелъ Самко Мушкенъ, а другимъ
полемъ пошелъ Спешашъ Кукуруза, а
прешнымъ полемъ пошелъ Карпъ Пол-
пора-Кожухъ. Онъ гарцюешъ на конѣ
своемъ, онъ пѣсню поешъ. И за нимъ

идуть не много не при тысячи, все храбрые поварници Запорожцы, и гарцюють на коняхъ, и блестятъ саблями и бьютъ въ бубны, и молются Богу. Гетманъ Карпъ Полпора-Кожухъ гарцюеть на конѣ и пѣсно поеть:

— Проклятая поска; она засушила меня; она съ ногъ свалила меня, молодого Козака; но я не поддамся поскѣ: пойду къ шинкаркѣ, и напьюсь вина. Кпо хочеть пить вина? Пойдемъ къ Жидовкѣ; а у Жидовки черныя брови и юбка цвѣпная, и сама молода; и ужъ какъ хороша, какъ мила! Шинкарочка, налей-же мнѣ меду и вина, авось будетъ легко головѣ моей. — Если ны женать воропися домой! Если-жъ не женать, переночуй со мной. — Охъ, естъ у меня и жена и двое дѣтей, да чпо-же, — не льнушь командъ, сердце мое!

О подвигахъ Гетмана Карпа Полпора-Кожуха Львовисцы говорятъ очень

кратко, но упоминал ни слова о его сподвижникахъ. Вотъ почему я долженъ оставить въ эту думу безъ дальнихъ объясненій, сколько ни замѣчательна она по обрисовкѣ характеровъ оригинальной и необыкновенно выразительной: это — одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ памятниковъ Спарты Запорожской.

23.

*Сказаніа Конисскаго о Гетманѣ
Гулакѣ.*

— На мѣсто Гетмана Полтора-Кожуха въ 1642 году избранъ Козаками въ Гетманы Обозный Полковой Максимъ Гулакъ, но и сей одинакую съ Полтора-Кожухомъ имѣли участь, и покушенія его на умноженіе войскъ и освобожденіе Малороссіи отъ ига были тщетны, и когда вышло было оное съ войскомъ къ

(152)

рѣку Тисминь для поиска надъ Поляками, по множествомъ подъ командою Чингвискаго Староспы Черноцкаго былъ разбишь и разсѣянъ, и обозъ съ запасомъ и артилерію поперялъ, и такъ пребывалъ онъ въ тѣхъ-же пограничныхъ мѣстахъ гдѣ и Полнора-Кожухъ держался, имѣлъ при себѣ ресспропаго войска только 7000 и съ ними ходилъ къ соседнимъ народамъ на толалу и. е. помогать между ими слабѣйшимъ, и когда Крымцы его вызывали, по воевалъ онъ на ихъ кони на Черкасовъ, на Волжанскихъ Хаювъ и на Калмыковъ, и много имъ одолжалъ Крымцовъ ко взаимности; а когда звалъ онъ царю Московскихъ, по воевалъ онъ съ ними на Заволжцовъ и Донцовъ; и наконецъ запрошенъ былъ онъ Султаномъ Турецкимъ противъ Персовъ, тогда съ Турками войну имѣвшихъ; и ходилъ на кони Турецкомъ съ войскомъ своимъ за Кубань въ Апатолію, гдѣ соединилъ съ Пашою Турецкимъ Джераромъ проходилъ

оъ нимъ до Эривана, побѣждать всегда удачно .встрѣчавшіеся съ ними Персидскіе корпуса. А при Эривани полученъ Султанскій фирманъ съ объявленіемъ мира, и Гулакъ возвратился счастливо, и одаренъ Султаномъ весьма, и дано ему Клейподы: бунчукъ и перначъ, осыпанные камельями и жемчугомъ. А чрезъ 5 лѣтъ Гошманъ скончался, въ мирѣ и и достоинствѣ. —

Энгель и нѣкоторые Литовскіе почипають пресмыкомъ Полтора-Кужуха — Булюка или Павлюка (G. U. 133).

24.

Дума о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова въ переводѣ.

См. Зап. Стар. No I. 94 — 102. Начала сей думы я доспачь не могъ; но слышалъ, и увѣренъ, что она описана

(154)

ся ко времени Саватшовича. Доказатель-
ства на это будутъ помещены въ одной
изъ книжекъ Дополненій къ Зап. Спар.
высестъ съ началемъ думы, которое на-
дѣюсь получить въ скоромъ времени.

— Тогда не голубые шуманы поднимались, то уходили изъ города Азова изъ пляжкой цоволи при брата родные, Спаршіе два уходили на коняхъ, а меньшій пѣшкомъ; и гонился онъ за конными братьями своими, колеть Козацкія ноги свои о сырые коренья, о бѣлые камни, и заливаеть слѣды свои кровью, и догоняеть спаршнихъ братьевъ, и хватасить за ширмена, обливаетъ ихъ дробными слезами, и молвитъ такія слова:

— Спаршіе родимые братья мои! хопъ не много подождите меня, попасите своихъ Козацкихъ коней, и примите меня къ себѣ на коня, и хопъ не много подвезите къ городу Христіанскому, чмо-бы я зналъ, какъ идти мѣ въ го-

рода Христіанскіе къ отцу, къ матери.
Прошу васъ, или примите меня къ себѣ
на коня, или опрубите мнѣ голову, по-
хорошите мое плѣло Козацкое въ чис-
помъ полѣ, лишь не опдайте меня на
поправу хищной хищнѣ и звѣрю. — И
услышавъ это старшій братъ, и такъ
опавчатъ младшему брату:

— Братъ нашъ младшій, родной. Не
поднимется рука наша, не осмѣлится
сердце, не пронется сабля пропнѣ
тебя. Лучше мы будемъ идти шерш-
никами и байраками, искашь тебѣ при-
станища, оставятъ тебѣ признаки по
пути.

И бѣжали братья не доль, по два
не при, не чепыре, и оставили меньша-
го брата на Азовской степи; и когда
начали выѣзжать изъ шершниковъ и
байраковъ, стали бросать знаменье по
пути своему. Тогда средній братъ го-
ворить старшему брату такія рѣчи:

— Старшій, родимый братъ! Прошу
я тебѣ — здѣсь и права свѣжа, и вода

чиста, и очередь пригодеть. Отдохнемъ; понасемъ своихъ коней, хопь не много подождемъ нашего пѣшаго брата, примемъ его къ себѣ на коня, подвеземъ хопь не много къ городамъ Хрисіанскимъ, чпо-бы зналъ опъ, нашъ младшій родной братъ, куда пушь его къ опцу, къ маперн. —

Старшій братъ отвѣчалъ среднему такимн словами:

— Родимый братъ мой средній! Если будемъ поджиданъ своего пѣшаго брата, шо за нами Азовская погонь поидеть, и достигнетъ насъ, и на три куска разрубншь; или опведетъ насъ еще въ худшую неволю, а младшаго брата минуетъ во время его отдыха въ перновниклахъ или байракахъ; не поможемъ мы брату, не избавимся и опъ рабства Турецкаго. —

Тогда средній братъ придумалъ доброе дѣло. На немъ одинъ кафшанъ, опъ не жалѣетъ и его, опрываетъ опъ него желшыя и черныя свурки, и броса-

есть пхъ на пупи въ знаменю младшему
брату своему. И бѣжалъ младшій братъ
не день, не два, не три, не четыре, —
и выбѣгалъ изъ перновиковъ и байра-
ковъ, и находилъ желныя и черныя штур-
ки изъ кафшана. Онъ беретъ ихъ въ
руки; и обливаетъ слезами, и говоритъ: —
— Не даромъ шурки мои братъ съ
намолися по дорогъ. Вѣрно, ихъ шить
уже на свѣтъ. Вѣрно, за ними гналась
когочъ изъ города Азова, и поимала ихъ,
моихъ конныхъ братьевъ, и рубила на
три куска; или еще въ худшую нево-
лю живыхъ опводила а мои младшаго
брата мичовала въ перновикахъ и бай-
ракахъ. О, еслибъ мнѣ Богъ помогъ най-
ти ихъ трупы въ степи, — я бы по-
гребъ ихъ; я не отдасть-бы ихъ на по-
праву звѣрямъ и птицамъ. Пора уже
мнѣ перестать гнаться за конными
братьями; пора мнѣ дать отдыхъ мо-
имъ Ковацкимъ ногамъ.

И жажда, и голодъ, и вѣтеръ на
него нападаетъ, подсыкаетъ ноги бѣдъ

ному Козаку. И началъ тогда младшій
братъ склоняяъ свою голову. Тогда
спали, налепалъ сизокрылые орлы, и
садились на черныя кудри его, и выкле-
вывали его свѣтлые очи. И Козакъ го-
ворилъ орламъ сизокрылымъ такія слова:

— Сизокрылые орлы, не мнлые, не
любые гости мои! Подождите хоть не
много, пока будетъ душа разлучаться
съ тѣломъ. Тогда палепайте на пруть,
и выклепывайте очи мои. —

Слепались тогда и мелкія птички,
и приплелись отрывать тѣло отъ же-
стныхъ костей. Слепались и кукушки, и
садились въ головахъ у бѣдшаго Козака,
и ковали — горевали будто родныя се-
стры. Сбѣгались и сѣрые волки, и раз-
носили желтые кости по оврагамъ и
перновпкамъ, и жалобно вили, завыва-
ли. То они всѣ опсправляли похороны
Козаку молодцу.

Межъ тѣмъ старшіе братья при-
ближались къ городамъ Христіанскимъ, —

и налегала на нихъ тяжелая грусть.

И средній братъ говорилъ старшему :

— Братецъ мой старшій родимый !

Не даромъ тяжелая грусть налегаетъ на сердца наши: вѣрно, уже шѣтъ на свѣтъ нашего младшаго брата. И когда мы дойдемъ до отца и матери, и когда они будутъ насъ спрашивать, что мы спанемъ имъ отвѣчать, родимый братъ? Старшій братъ отвѣчалъ ему:

— Мы скажемъ, что мы не у одного Господина были въ неволѣ, и бѣжали изъ неволы ночью порой, когда онъ спалъ, и недобудившись его оспавили въ неволѣ.

Средній братъ выслушалъ и сказалъ:

— Если мы не скажемъ правды отцу и матери, то насъ покараютъ молтва ошцовская и материнская.

И завѣхали старшіе братья въ лѣса Самарскіе, и отдыхали на берегу Самари, и пустили коней своихъ пастися. Тогда завѣхали невѣрные, и схватили двухъ братьевъ, заковали въ оковы, во-

мочили ихъ по сщени; и попомъ чешвер-
повали шрупы ихъ, и бросили въ чистомъ
полѣ, а головы вѣшали на сабли, и ру-
гались надъ ними.

И вонгъ — хопъ и легли головы
прехъ брашьевъ; но ихъ слава не у-
мреть межъ Царей, и межъ вельможъ,
и всѣхъ православныхъ Христіанъ.

Дай, Господи, міру Царскому, міру
Христіанскому, всѣмъ здравіе на многія
лѣта! Аминь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе 7

Львопись :

СКАЗАНІЯ о возспапілхъ Украин-
цевъ и Козаковъ прошивъ Польши 11.

ЗАМЪЧАНІЯ:

1. Первые мяшежи Козаковъ про-
шивъ Польши 65

2. Свиденія о правахъ, данныхъ Гре-
короссіянамъ Королями Польски-
ми 67

3. Подвиги Косинскаго 70

4. Мяшежи въ Кіевѣ, Переяславѣ
и Лубнахъ. 1594 73

5. Дума о бившѣ Чигринской въ
переводѣ 74

6. Пѣснь о сожженіи Могилева въ
переводѣ 81

7. Пѣснь объ убіеніи Паливайки въ
переводѣ 84

(103)

8. Пѣснь о подвигахъ Лободы въ переводѣ 91
9. Темперенко 95
10. Повѣсть Конисскаго о слѣдствіяхъ смерти Паливайка 102
11. Повѣсть Конисскаго о слѣдствіяхъ Брестскаго собора 103
12. Пѣснь о Сагайдачномъ въ переводѣ 105
13. Походы Козаковъ прошивъ Тапартъ и Турокъ 111
14. Пѣснь о Савѣ Чаломъ въ переводѣ 122
15. Сказаніе о смерти Сагайдачнаго 130
16. Сказаніе о Кушцѣвичѣ 131
17. Дума о Безродномъ въ переводѣ 133
18. Привилегіи данныя Сигизмундомъ III Грекороссіянамъ 136
19. Сказаніе Боплаша о Койдакѣ 138
20. Повѣсть Конисскаго объ убіеніи Оспрявцы и его товарищей 141

21. Надгробная пѣснь Чураю въ переводѣ	146
22. Дума о Полшора-Кожухѣ въ переводѣ	147
23. Сказаніе Конисскаго о Гелшманѣ Гулакѣ	152
24. Дума о побѣдѣ прехъ браш- евъ изъ Азова въ переводѣ	154

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой Части

Запорожской Старины

Кн: I.

Пѣсни и Думы о лицахъ и событіяхъ до
Богдана Хмельницкаго.

— Предисловіе: — 5 — 25. Пѣсни и Думы:
— 27 — 109. — Замѣтки: — 110 — 129.

Кн: II.

Сказанія Лѣтописцевъ и Преданія о ли-
цахъ и событіяхъ въ Украинѣ и Запо-
рожьѣ до смерти Баторія.

— Предисловіе: — 5 — 13. — Лѣтопись: —
15 — 33. — Замѣчанія къ Лѣтописи,
Пѣснямъ, помѣщеннымъ въ Кн: I, подъ
№ 1, 2, 3 и 4, и Думамъ, подъ № 1
и 2, съ переводомъ оныхъ: — 35 — 130. —

Сказаніе о Гетманахъ Запорожскихъ:
— 131 — 158.

Кн: III.

**Сказанія Лѣтописцевъ и Преданія о ли-
цахъ и событіяхъ въ Украинѣ и Запо-
рожьѣ отъ смерти Баторія до Богдана
Хмельницкаго.**

— Предисловіе: — 7 — 9. Лѣтопись: — 11
— 64. — Замѣчанія къ Лѣтописи, Пѣс-
нямъ, помѣщеннымъ въ Кн: I, подъ No
5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, и Думахъ;
No 3, 4, 5 и 6, съ переводомъ оныхъ: —
65 — 159.

(168)

CHES

1

2

3

4

5

6

CAT. NO. 73035 STUDENTS RULE

CENCO

CENTRAL SCIENTIFIC COMPANY

TRICI

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

DK 508 Sreznevskii,
.75 Izmail Ivanovich,
.S78 1812-1880.
v.1, Zaporozhskaia
pts.1-3 starina.

DK 508 Sreznevskii,
.75 Izmail Ivanovich,
.S78 1812-1880.
v.1, Zaporozhskaia
pts.1-3 starina.

UNIVERSITY OF CHICAGO

101 580 216